

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Клементьева Алёна Александровна

**Коммуникативно-грамматический анализ текстов, посвященных проблемам
искусственного интеллекта**

Специальность 5.9.5. — Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель

доктор филологических наук, доцент

М.Ю. Сидорова

Москва — 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	13
Раздел 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАБОТЕ.....	13
§1. Коммуникативно-грамматический подход к анализу текста.....	16
§2. Нехудожественные тексты как объект анализа коммуникативной грамматики.....	23
§3. Четырехступенчатая модель анализа текста.....	28
§4. Категория лица и категория субъекта. Субъектная структура текста.....	34
Раздел 2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА.....	39
§1. История развития и становления ИИ как научного направления.....	40
§2. Проблема термина «искусственный интеллект».....	46
Выводы по главе 1.....	52
Глава 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА.....	55
Раздел 1. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ.....	60
§ 1. Глагольные предикаты как средство создания образа ИИ.....	61
§2. Тактика формирования образа ИИ в научной статье по философии.....	74
§ 3. Тактика формирования образа ИИ в научной статье по педагогике.....	81
Раздел 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....	89

§1. Лингвистические средства создания положительного образа ИИ в СМИ .	90
§2. Лингвистические средства создания негативного образа ИИ в СМИ.....	98
§3. Языковая реализация коммуникативных намерений противников, адептов и разработчика ИИ	107
Раздел 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ.....	129
§1. Некоторые результаты частотного анализа документов в области ИИ	130
§2. Коммуникативно-грамматическое устройство деловых документов с технопрогрессистскими тенденциями	138
§3. Коммуникативно-грамматическое устройство деловых документов с технопессимистическими тенденциями	147
Выводы по главе 2	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
БИБЛИОГРАФИЯ.....	169
СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	185
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Актуальные направления современной лингвистики формируются исходя из того, какие общественные проблемы требуют решения на данный момент. Поэтому ее важной задачей становится «лингвистический анализ текстов, отражающих актуальные тенденции развития общества» [Сидорова 2022: 19]. Одна из таких тенденций — появление новых реалий, связанных с ускорением научно-технического прогресса, разработкой искусственного интеллекта и его дальнейшим внедрением в различные сферы общественной жизни.

Под искусственным интеллектом в данном исследовании мы будем понимать онтологический объект, ставший одним из важнейших явлений в жизни современного общества, продукт деятельности разработчиков, результаты применения которого сопоставляются с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Появление новых технологий сопровождается не только собственно технологическими, но и широкими культурными, лингвистическими, институциональными процессами [Chesher 1998]. Создание искусственного разума, имитирующего работу человеческого мозга, разработка и последующее внедрение «умных» машин, способных в перспективе заменить людей на рабочих местах, привели к возникновению «многочисленных дискурсов, выражающих различные представления об интеллектуальных машинах и их возможностях» [Батурина 2023: 125]. В общественный диалог, связанный с обсуждением искусственного интеллекта, вовлечены не только разработчики и ученые, но и журналисты, предприниматели, правозащитники, представители госаппарата. Среди них есть как адепты (евангелисты) новых технологий, так и их противники. Все они выражают свою точку зрения в текстах (научных, публицистических, официально-деловых), где целенаправленно формируют «модусы видения мира» [Садовникова 2021: 140] и тем самым транслируют и продвигают наиболее значимые для них смыслы.

Текстоцентризм является одной из важнейших черт современной лингвистики, поскольку обеспечивает интегральность лингвистического описания. Текст признается коммуникативной единицей высшего уровня ввиду своей обращенности к читателю: «В тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие. Так рождается «взаимосвязанная триада: автор (производитель текста) — текст (материальное воплощение речемыслительной деятельности) — читатель (интерпретатор)» [Валгина 2003: 8]. Создание текста всегда ориентировано на читателя [Эко 2016: 412], поэтому текст одновременно является как результатом деятельности автора, так и материалом для деятельности читателя (интерпретатора). Когда автор хочет «нечто» выразить, он должен «выбрать между несколькими альтернативно возможными способами, которыми это “нечто” может быть выражено»; «когда получатель слышит или читает, он должен в процессе декодирования выбрать одно из нескольких возможных значений» [Блакар 1998: 93]. В этих выборах, которые автор и читатель обязаны осуществить, и состоит их деятельность.

Текст и отраженная в нем личность, производящая текст, находятся в центре концепции Коммуникативной грамматики (далее — КГ), разработанной Г.А. Золотовой и получившей развитие в трудах ее учеников. Однако основные положения коммуникативно-грамматического подхода формулировались на материале художественных текстов, представляющих собой высшую форму существования национального языка [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 484] и обладающих рядом специфических свойств, связанных с особенностями моделируемой в них действительности. Тексты иного функционального назначения не становились предметом системного изучения. Однако их исследование необходимо для верификации коммуникативно-функциональной теории и дальнейшего ее развития. Настоящая диссертация, выполненная в русле КГ, вносит вклад в решение этой проблемы.

Данное исследование призвано рассмотреть и описать коммуникативно-грамматическое устройство нехудожественных текстов (научных,

публицистических, официально-деловых), в которых создается положительный или отрицательный образ искусственного интеллекта. При анализе мы будем опираться на идею подчиненности языковых средств замыслу автора, их роли в конструировании субъектной позиции и воздействии на адресата.

Необходимо также определить, что мы имеем в виду под «образом», поскольку это понятие используется во многих областях творческой деятельности человека. Разнообразие подходов к нему демонстрирует данное в философии определение: «Образ — это результат реконструкции объекта в сознании человека; понятие, являющееся неотъемлемым моментом философского, психологического, социологического дискурсов» [Новая философская энциклопедия 2001: 128]. Образ как объект изучения лингвистики, согласно Н.Д. Арутюновой, а) синтетичен, так как «создается комплексным восприятием действительности»; б) «ориентирован на предметный мир», т.е. «воспроизводит объект в целостности»; в) «предполагает наличие содержания, изначально присутствующего или привносимого в объект». Образы бытуют в человеческом сознании, «в нем они субъективно окрашены и погружены в ассоциативные отношения». Более того, образы могут быть созданы нарочито для чужого сознания, т.е. целенаправленны. Также образ «не может совпадать с оригиналом уже в силу одного того, что он живет в пространстве индивидуального сознания, а не в контексте действительной жизни. Он форсируются под давлением субъективных склонностей, интересов и идеалов индивида» [Арутюнова 1998: 314-322]. Н.Д. Арутюнова также отмечает, что каждой эпохе свойственны свои образы, а в современном мире их роль особенно возросла: «образ стал имиджем» [Там же: 323].

Таким образом, в фокусе нашего исследования — тексты, направленные на создание того или иного образа искусственного интеллекта. Этот образ «формируется в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия с целью создания определенного отношения аудитории к объекту» и «может сочетать как реальные свойства объекта, так и несуществующие, приписываемые» [Панасюк 2009].

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами: 1) большим интересом лингвистики к языковой личности, воплощающей в тексте свою субъектную позицию; 2) важностью исследования современных нехудожественных текстов, посвященных новым технологиям, для выявления того, на каком этапе осмысления этих технологий находится общество и куда оно движется; 3) необходимостью верификации теории коммуникативной грамматики на материале, принципиально отличающемся от того, на котором концепция была создана.

Цели исследования:

1. Описать коммуникативно-грамматическое устройство нехудожественных текстов, посвященных проблемам искусственного интеллекта.
2. На основе анализа этих текстов проверить эффективность и универсальность теории коммуникативного грамматики и ее инструментов.

Для достижения этих целей нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть особенности коммуникативно-грамматического подхода и его основные исследовательские инструменты с точки зрения их применения к анализу нехудожественных текстов, посвященных проблемам искусственного интеллекта.
2. Рассмотреть отношение нехудожественных текстов, посвященных новым технологиям, к категории фикциональности.
3. Описать историю развития и становления искусственного интеллекта как междисциплинарного научного направления; изучить проблемы, связанные с буквальной интерпретацией метафоры «искусственный интеллект».
4. Подробно рассмотреть группы акциональных предикатов, приписываемых искусственному интеллекту, оценить роль этих предикатов в создании образа искусственного интеллекта.
5. Произвести частотный анализ современных официально-деловых текстов в области искусственного интеллекта с целью выявить в них ценностно-смысловые доминанты.
6. Проанализировать современных научные, публицистические и официально-деловые тексты по проблемам искусственного интеллекта с

использованием основных исследовательских инструментов коммуникативной грамматики, выявить основные характерные черты коммуникативно-грамматического устройства этих текстов.

Объект исследования — современные научные, публицистические и официально-деловые тексты, посвященные проблемам искусственного интеллекта.

Предмет исследования — коммуникативно-грамматическое устройство этих текстов, а также факторы, повлиявшие на отбор языковых средств и приемы построения текста.

Материалом исследования являются современные русскоязычные нехудожественные тексты, посвященные проблемам искусственного интеллекта: 1) научные статьи; 2) новостные материалы с интернет-сайтов российских СМИ, а также тексты выступлений и интервью адептов, противников и разработчика искусственного интеллекта; 3) официально-деловые тексты, составляющие нормативно-правовую базу РФ в области искусственного интеллекта. Всего 74 текста разного объема, опубликованных с 2015 по 2023 гг.

Теоретическим и методологическим основанием послужила коммуникативно-грамматическая теория Г.А. Золотовой, в рамках которой была разработана четырехступенчатую модель анализа текста, а также инструменты лингвистического анализа: система коммуникативных регистров, субъектная перспектива текста, текстовые функции предикатов и синтаксем [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые с позиций коммуникативной грамматики был проведен комплексный лингвистический анализ современных текстов, посвященных новым интеллектуальным технологиям. Помимо этого, работа впервые вводит в научный оборот значительный объем разнообразных текстов, трактующих проблемы искусственного интеллекта.

Теоретическая значимость работы заключается в научном подтверждении универсальности подхода коммуникативной грамматики к объяснению языковых фактов, в описании коммуникативно-грамматического устройства текстов, направленных на создание определенных представлений об искусственном

интеллекте. В диссертации делаются выводы о том, каким образом языковое устройство этих текстов отражает реальные процессы, происходящие в обществе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при преподавании университетских курсов «Современный русский язык. Синтаксис», «Грамматика и текст», а также в рамках других дисциплин, связанных с лингвистическим анализом текстов. Результаты проведенного анализа могут лечь в основу спецкурсов по лингвистическим особенностям научных, публицистических и деловых текстов. Кроме того, работа дает возможность использовать содержащиеся в ней материалы, наблюдения и выводы для фиксации дальнейших изменений в языковом устройстве текстов, посвященных новым технологиям.

Достоверность результатов работы подтверждается использованием современных методов исследования, широтой и репрезентативностью проанализированного материала, включением в теоретическую базу авторитетной научной литературы по теме диссертации. **Личный вклад** автора состоит в сборе, обработке, анализе материала.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Нехудожественные тексты, посвященные новым технологиям, сочетают в себе как фактуальные, так и фикциональные элементы, что делает сложным ответ на вопрос об отношении рассматриваемых текстов к категории фикциональности. Степень фикциональности может варьироваться в разных типах текстов. Научным и официально-деловым текстам в целом свойственна меньшая фикциональность. В публицистических текстах, напротив, фикция является неотъемлемым элементом, поскольку она тесно связана с реализацией манипулятивной функции СМИ.

2. Метафоричность названия дисциплины «искусственный интеллект» стала предпосылкой для возникновения мифа вокруг искусственного интеллекта как онтологического объекта, а также для распространения его обыденного понимания, противоречащего собственно научному. Буквальная интерпретация метафоры, связанная с персонификацией машины, приписыванием ей возможности мыслить, как человек, породила искаженные представления и о естественном интеллекте,

послужила концептуальному переосмыслению человеческой природы. Эти проблемы нашли отражение в коммуникативно-грамматическом устройстве текстов, посвященных новым технологиям.

3. В нехудожественных текстах, посвященных искусственному интеллекту, обнаруживается специфика организации субъектного плана, выявляется тенденция к акционализации неличного субъекта и деакционализации личного, что является следствием наделения искусственного интеллекта большей степенью автономности в реальной жизни.

4. Выбор языковых средств в текстах, посвященных новым технологиям, определяется желанием автора придать большую или меньшую степень активности личному или неличному субъекту через комбинацию предикатов и компонентов с субъектным значением. Моделируемому ментальному миру, в котором усилена роль технологий и ослаблена роль человека, соответствуют определенные типы предикативных структур: неличный субъект и акциональный предикат, имя процесса и акциональный предикат; пассивные конструкции с незаполненной или заполненной агенсной позицией, свернутые предикации со значением ментального действия и элиминированный личный субъект, акциональный предикат и неопределенно-личная субъектная модификация.

5. Нехудожественные тексты, в которых обсуждаются проблемы искусственного интеллекта, обнаруживают сходство в регистровой структуре. Переход от информативных композитивов к волюнтивным объясняется желанием говорящего сначала смоделировать субъективную реальность, а затем заставить адресата поверить в нее, сформировать свое позитивное или негативное отношение к ней и к искусственному интеллекту как к неотъемлемому атрибуту новой реальности.

6. В коммуникативно-грамматическом устройстве разнофункциональных текстов, объединенных предметом речи (ИИ), но выражающих разное оценочное отношение к нему, обнаруживаются схожие черты. Имея прямо противоположные коммуникативные интенции, т.е. желая создать положительный или отрицательный образ ИИ, авторы используют одинаковые языковые средства. Конечный эффект

зависит от того, как оценивает моделируемый мир с его тотальным личностным отчуждением и ожившими «умными» вещами сам говорящий.

7. В ходе исследования принципы коммуникативно-грамматического подхода были впервые применены к анализу комплекса нехудожественных текстов, посвященных одной теме, — научных, публицистических, официально-деловых. Инструментарий коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой позволил выявить специфику реализации авторских интенций и систематизировать языковые средства создания образа ИИ в рассмотренных текстах.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 8 работ, из них 4 статьи в журналах из «Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», утвержденного Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5 — Русский язык. Языки народов России. По результатам исследования было сделано 7 докладов на международных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва 2021, 2022, 2023 годы); Международная конференция «Математика. Компьютер. Образование» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2023 год); Международная научно-практическая конференция «IV Виноградовские чтения. Язык и поэтика текста» (МППГУ, Москва, 2023 год); Международная научно-практическая конференция «XXVIII Максимовские чтения» (МППГУ, Москва, 2023 год); II Международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская литература в цифровую эпоху» (МГЛУ, Москва, 2023 год).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения списка литературы (164 наименования) и списка использованных источников. Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновываются ее теоретическая и практическая значимость, актуальность и научная новизна, формулируются цели, задачи и выносимые на защиту положения, указываются объект, предмет и материал исследования. В **Главе 1** характеризуются особенности коммуникативно-грамматического подхода в лингвистике, обозначаются основные инструменты

анализа текста, описываются особенности нехудожественных текстов; также исследуется история развития искусственного интеллекта как научного направления, обсуждаются проблемы, связанные с метафоричностью названия этой области исследования. **Глава 2** посвящена собственно коммуникативно-грамматическому анализу научных, публицистических и официально-деловых текстов, посвященных проблемам искусственного интеллекта, описанию языкового устройства этих текстов. В **Заключении** формулируются выводы по результатам проделанной работы и обозначаются основные перспективы для дальнейшего исследования текстов, посвященных новым технологиям.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Раздел 1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАБОТЕ

Направления современной лингвистики характеризуются расширением анализируемого материала и постоянным поиском новых подходов к его исследованию через призму антропоцентричности.

Центральным объектом лингвистического изучения становится целостный текст, который, по замечанию М.М. Бахтина, является «первичной данностью» всего гуманитарно-филологического мышления и «непосредственной действительностью», из которой исходят все гуманитарные дисциплины [Бахтин 2000: 299]. Текст, бывший еще в первой половине XX века в фокусе внимания таких выдающихся ученых, как М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, С.Н. Поспелов, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон, стал предметом образовавшегося во второй половине 60-х XX века отдельного направления — лингвистики текста, изучающей «язык в действии» (language in use) [Halliday 1974: 48]. Задача лингвистики текста состоит «в комплексном рассмотрении текста; если же внимание исследователя сосредоточивается на отдельных компонентах текста... то обязательно с учетом их взаимосвязи с другими элементами текста в плане общего коммуникативного задания и собственно текстообразования» [Аспекты 1982: 6].

Наблюдается расширение исследуемого материала с точки зрения его функциональной принадлежности. Если ранее традиционным объектом лингвистического изучения являлся художественный текст, то в антропоцентрической парадигме все более активизируются исследования других форм существования языка (научно-технического и профессионального, языка рекламы и прессы, разговорной речи и др.).

Поскольку текст всегда создается человеком, субъектом речевой деятельности, интерес современных ученых направлен на автора, воплощающего в

тексте посредством отбора языковых средств индивидуальную картину мира: «Нет ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями субъекта речи и не отражающего в своей структуре ту или иную пространственно-временную позицию его по отношению к сообщаемому» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 20]. Об этой важной задаче лингвистики писал еще академик В.В. Виноградов: «Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать. И тогда его задача — в подборе слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней психологической объединенностью систему и сквозь нее прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [Виноградов 1980: 3].

Антропоцентрический взгляд на язык, восходящий к работам Э. Бенвениста, Ш. Балли, В. Гумбольдта, О. Есперсена, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, «связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде “язык и человек”» [Кубрякова 1995: 213]. Первое направление этой диады рассматривает вопросы о том, «какое воздействие оказывает сложившийся естественный язык на поведение и мышление человека и что дает в этом отношении существование у человека определенной картины мира». Второе направление сформировалось вокруг вопросов о том, «как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки языковых систем открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от “человеческого фактора” (дейксис, модальность, экспрессивные аспекты языка, словообразование и т.п.)» [Там же: 214-215].

Увеличение объекта исследования и наблюдение за ним выявили проблему неприменимости традиционных схем анализа и существующих теорий к новому материалу, «их несоответствие языковым реалиям» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 3]. Это привело к отказу от расщепляющего формального подхода «двухэтажной грамматики» к исследованию живых языковых явлений: «Уровневый подход не давал ответа на вопрос: какими же средствами выражается семантика. Ведь на ее “этаже” нет своих единиц» [Золотова 2007: 8].

Осознание необходимости объединения всех уровней языковой системы, участвующих в смыслопорождении, анализ языковых единиц с точки зрения их функционирования в реальных текстах, стремление «сделать системную грамматику более “человеческой”, более филологичной» [Онипенко 2019: 8] привели к возникновению функциональной лингвистики, которую Я.Г. Тестелец определяет следующим образом: «Исходное предположение функционализма заключается в том, что строение языка определяется его использованием. Язык и грамматика таковы, каковы они есть, потому что отвечают определенным и довольно жестким требованиям, накладываемым на них условиями использования языка» [Тестелец 2001]. Идеи функциональной теории впервые были изложены в «Тезисах пражского лингвистического кружка» в 1929 г. [Алпатов 1998: 177] и развивались К. Бюлером [Бюлер 1993] и Р.О. Якобсоном [Якобсон 1975], выделившими три и шесть функций языка соответственно, а также В. Матезиусом, В. Скаличкой, Н.С. Трубецким, Ч. Филлмором, Т. Гивоном, М. Драером, У. Фоли, С. Диком, П. Хоппером, В. Дресслером, М.А.К. Холлидеем и др.

В отечественной лингвистике идеи функционализма получили развитие в рамках трёх направлений: теории функциональной грамматики (ТФГ) А.В. Бондарко [Бондарко 1971, 1981], [ТФГ 1987], функционально-коммуникативной грамматики (КГ) Г.А. Золотовой [Золотова 1988, 2005, 2006], [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], прикладной теории функционально-коммуникативного синтаксиса (ФКС) к практике преподавания русского языка как иностранного М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2000; Всеволодова, Владимирский 1982; Всеволодова, Панков 1999].

Если ТФГ предлагает *системно-описательный* подход и использует в качестве исследовательских инструментов понятия семантической категории, функционально-семантического поля (ФСП), категориальной ситуации, грамматического единства, то КГ реализует *системно-объяснительный* подход и «предлагает такие исследовательские инструменты, которые позволяют (а) соединить все значимые единицы языка в процессе порождения текста, (б) построить функционально обоснованную модель грамматической системы языка»

[Онипенко 2019: 22-23]. Такие инструменты, как идея коммуникативного регистра речи, модель субъектной перспективы текста, идея таксиса как модели межпредикативных отношений в тексте позволяют КГ давать антропоцентрический комментарий к текстам во всем многообразии их форм и сфер функционирования.

Важно заметить, что концепция Г.А. Золотовой возникла не как отрицание лингвистической традиции или отказа от накопленных знаний о языковой системе, а как «объяснение ее функционирования с точки зрения носителя данного языка» [Онипенко 2019: 8]. Коммуникативная грамматика впитала «богатство позитивных знаний предшествующих грамматик, отобрав из них то, что не вступает в противоречие с материалом, то, что представляется органичным с единой точки зрения коммуникативного назначения и использования русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 3].

§1. Коммуникативно-грамматический подход к анализу текста

Теоретическую основу КГ составляют работы доктора филологических наук, профессора Г.А. Золотовой и её учеников [Золотова 1988, 2005, 2006], [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], [Золотова, Онипенко, Дручинина 2002], [Сидорова 2000, 2001], [Онипенко 2002, 2012, 2019], [Уржа 2009, 2014], [Чумирова 2005], [Никитина 2008], [Муравьева 2008], [Завьялова 2002] и др. Эта грамматика является функциональной, поскольку она ищет ответы на вопросы «Как функционирует язык?», «Как функционируют при речестроении все уровни и единицы языка?»; «коммуникативная она потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей» [Всеволодова 2000: 3].

Коммуникативная грамматика, в отличие от описательной, обеспечивает наблюдение над текстом как над единицей коммуникативного уровня, поскольку язык именно «в текстах, выражающих коммуникативно-смысловые потребности говорящих, обнаруживает более последовательную организованность, чем это представлено в традиционно варьирующихся друг друга грамматиках» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 3]. Коммуникативно-функциональный подход не идет в

направлении *от... к...*, а анализирует единицы языка во взаимообусловленности их трех характеристик: формы, значения, функции, — уделяя особое внимание последней, поскольку языковая единица, реализуя свою коммуникативное назначение, участвует в организации высказывания как части процесса коммуникации. Важно отметить, что коммуникативную функцию могут иметь только единицы синтаксиса, так как именно «синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и процессом коммуникации: единицы других уровней языковой системы участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис» [Золотова 2005: 6]. Рассматриваемый подход помогает объяснять «принципы внутренней организации синтаксической системы с точки зрения того, как она служит для выражения мыслей и для общения людей, то есть с точки зрения коммуникативного назначения языка» [Там же].

Заметим, что КГ отрицает одностороннее понимание функции, связанное только с употреблением языка в речи и не имеющее никакого отношения к грамматической системе [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 47]. Именно обращением к коммуникативной функции определяется подход КГ, особенности которого будут описаны ниже.

1. Коммуникативная грамматика предлагает рассматривать в качестве минимальной синтаксической единицы **синтаксему**, т.е. синтаксическую форму слова, которая определяется как «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова 1988: 4]. Теория синтаксем была изложена Г.А. Золотовой в книге «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1978 г.), а позже в «Синтаксическом словаре» (1988 г.) был представлен и подробно описан репертуар минимальных единиц русского синтаксиса.

Понятие синтаксемы воплотило в себе идею В.В. Виноградова о тесном взаимодействии синтаксиса и семантики, которое «создает языковую единицу с определенными синтаксическими потенциями, обуславливающими ее возможные

отношения с другими звеньями синтаксической цепи» [Золотова 2006: 49]. Признавая синтаксическую форму слова минимальной синтаксической единицей, участвующей в образовании более крупных единиц, «можно избежать нежелательного разрыва между допредикативным и предикативным уровнем в синтаксисе» [Роговнева 2016: 27].

В основе понятия о синтаксеме лежит принцип трехмерности, основанный на единстве формы, значения и функции минимальной синтаксической единицы. В связи с этим выделяются следующие признаки синтаксемы: 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована, 2) соответствующая морфологическая форма, 3) вытекающая из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях [Золотова 1988: 4].

В настоящей работе при анализе языкового материала мы будем рассматривать синтаксемы как единицы допредикативного уровня, участвующие в построении предложений и передаче определенного смысла. Мы будем обращать внимание на выбор той или иной синтаксемы говорящим и ее участие в осуществлении определенной коммуникативной цели.

2. Представляется важным установить характер взаимоотношений между понятиями формы, значения и функции синтаксической единицы.

Под **формой** языковой единицы понимается «ее внешняя оболочка, материальный носитель значения и функции», а также «собственно морфологическая информация о единице, характеризующая ее принадлежность к части речи» [Роговнева 2016: 24]. Важно отметить, что «объем понятия и дифференциальные признаки морфологической и синтаксической формы слова не совпадают»: «в пределах одной морфологической формы, как правило различается ряд омонимичных и полисемичных синтаксем» [Золотова 1988: 8]. Поэтому структурная схема предложения, имеющая в своем составе символы частеречной принадлежности членов синтаксических конструкций с показателями морфологической формы, часто «не отвечает языковым фактам» [Золотова 2005: 20]. Подобные формулы представляют собой абстрактные образцы, игнорирующие лексическое наполнение синтаксических конструкций. Поэтому нередко

приходится сталкиваться с тем, что предложения, подведенные под единую формулу, имеют разное типовое значение. Так, предложения *Отец читает газету* и *Отца отличает строгость*, построенные по общей схеме $N_1 — V_f — N_4$, не демонстрируют структурных различий, но выявляют семантические. Первое предложение имеет в своем составе акциональный глагол и сообщает о конкретном действии субъекта над объектом. Во втором предложении сообщается о признаке лица. Если в первом предложении мы наблюдаем нейтральный порядок слов, то во втором — инверсированный, прямой порядок невозможен (**Строгость отличает*). Следовательно, «тождественность конструкций, представляемых будто бы синтаксической символизацией, оказывается мнимой, собственно тождественностью только морфологических форм слов, соединение которых дает разные семантико-синтаксические результаты» [Золотова 2005: 14]. Поэтому элементами структуры синтаксической формы слова являются категориально-семантическое значение слова и словоизменительные средства, включая предлоги. Это определяется «разнофункциональностью одной падежной формы и избирательностью функций по отношению к разным группам слов, принявшим данную падежную форму» [Там же: 20-21].

Значение языковой единицы — это ее семантика, обобщенный, категориальный смысл. «Если синтаксические средства языка служат формированию и выражению мысли, а в речи–мысли находят отражение и обобщение явления и отношения объективной деятельности, то семантическая структура предложения, представляющая языковыми средствами тот или иной тип категориальных связей действительности, подлежит ведению языкознания, а не логики» [Золотова 2005: 13]. Категории действительности в русском языке и во многих других «оформлены в виде системы частей речи, отработанной языком в его многовековой истории» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 39]. Так, для класса имен существительных характерны значение предметности, морфологические категории рода, числа, падежа, определенный набор словообразовательных средств, а также свои особенности синтаксического употребления. Таким образом, потенции синтаксической единицы определяются

ещё «до синтаксиса», с учетом ее семантико-словообразовательной структуры. Категориальное значение синтаксической единицы оказывается условием выполнения ею определенных синтаксических функций.

Функция языковой единицы — это ее роль в построении коммуникативной единицы (предложения) [Золотова 2005: 9]. Поскольку основная функция простого предложения — быть выразителем коммуникативного акта, то синтаксическая единица, участвующая в построении самого предложения, тождественна коммуникативной единице. Другими словами, функция — это «отношение языковой единицы к тексту, к задачам говорящего» [Онипенко 2019: 10]. Понятие функции, составившее методологическую основу КГ, стало основой для типологии синтаксем. Сумма функциональных возможностей употребления синтаксем (в качестве самостоятельной единицы, в качестве компонента предложения или словосочетания) стала основанием для разграничения их типов: свободных, обусловленных и связанных.

Итак, подход КГ позволяет определить место любого явления в языковой системе, руководствуясь «комплексом его необходимых характеристик, которые могут быть сформулированы в виде трех вопросов» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 45]: *что?* или *о чем?* (вопрос о типовом содержании, семантике синтаксических единиц), *как?* или *чем?* (вопрос о форме, средствах выражения), *для чего?* или *зачем?* (вопрос о функциональном назначении синтаксической единицы). Такой «комплексный критерий, более объективно отвечающий сущности языковых явлений, позволяет переориентировать грамматику от классификационных задач к объяснительным» [Золотова 2001]. Признание трехмерности синтаксической единицы не умаляет важности учета ее формы. Напротив, без учета материальной оболочки слова, являющейся носителем значения и функции, полный анализ языковой единицы становится невозможным: «Не в разделении, не в противопоставлении “уровней” языка цель грамматического анализа, а в наблюдении, осознании результата совместных усилий семантики, морфологии, синтаксиса» [Там же].

3. В основе коммуникативно-грамматического подхода лежит **антропоцентрический принцип**. Именно им определяется сама задача КГ: выявить способ присутствия говорящего в тексте, определить его позицию, с которой он смотрит на мир и осмысляет его. С.С. Аверинцев пишет, что перед всей филологией в целом стоит задача «понять другого человека» [Аверинцев 1990: 545]. О человеческом факторе в лингвистике говорил еще В.В. Виноградов, который ввел термин «языковая личность». Точное определение этому понятию дает Ю.Н. Караулов: «Языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [Караулов 2010: 245]. Ю. Н. Караулов отмечал, что «в любом, даже элементарном речевом акте всегда проявляется взаимодействие всех трёх уровней организации языковой личности – семантического (ассоциативно-вербальная сеть), лингвокогнитивного (тезаурус) и прагматического» [Там же: 189]. Вербально-семантический уровень представлен лексиконом личности и фондом ее грамматических знаний, лингвокультурный уровень отражает «образ мира» языковой личности, систему знаний о нем, а прагматический включает в себя цели и установки личности, ее деятельностно-коммуникативные потребности [Там же: 238].

Итак, человек как субъект речевой деятельности осуществляет коммуникацию в соответствии с собственными целями, с учетом которых он отбирает и структурирует «символы» (языковые знаки), иногда сам не осознавая этого [Kellermann 1992: 288-289]. Анализируя текст как продукт деятельности «преобразующей личности» [Виноградов 1980: 3], использующей арсенал разноуровневых языковых средств (словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических) и организующей их по своему усмотрению, инструментарий КГ позволяет выявить замысел автора, позиция которого проявляется в самом «отборе речевых ресурсов» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 20].

4. Ещё одной особенностью подхода коммуникативной грамматики является **текстоцентричность**. О тексте как о центральном объекте филологического анализа пишет С.С. Аверинцев: «Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность филологии. Сосредоточившись на тексте, создавая ему служебный “комментарий” (наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда), филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного» [Аверинцев 1990: 544]. Концепция КГ работает не с конкретной языковой единицей, а целостным текстом, соединяя «все известное из системного синтаксиса, морфологии и лексикологии»; «теория проверяется практикой текстового анализа, грамматика взаимодействует со стилистикой текста» [Онипенко 2019: 35]. В этом состоит отличие коммуникативно-функционального подхода от других синтаксических теорий, которые рассматривают предложение как высшую синтаксическую единицу, а исследование текста отводят стилистике или литературоведению. КГ утверждает «необходимость объединения усилий лингвистики и литературоведения» для исследования текста [Онипенко 2019: 35].

Авторы коммуникативной грамматики рассматривают текст как конкретную реализацию языковой системы [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 8] и предлагают исследовать язык через анализ устных и письменных текстов, т.е. «соотносить системную и текстовую характеристику конкретных языковых явлений» [Онипенко 2019: 35]. Четырехступенчатая схема анализа текста, предлагаемая авторами КГ, будет описана в параграфе 3 настоящего раздела.

Итак, концепция коммуникативной грамматики позволяет анализировать языковые единицы через их конкретную реализацию в тексте, с точки зрения их участия в процессе коммуникации: «“обнаружение” правила при коммуникативно-функциональном подходе невозможно без “обнаружения” ситуации, в которой применяется это правило, и коммуникативной цели, для которой оно работает» [Сидорова 2016]. Минимальной синтаксической единицей признается синтаксема, которая рассматривается в единстве формы, значения и выполняемой функции. КГ имеет целью не описание, а объяснение языковых явлений через призму

антропоцентричности. В центре исследования КГ — говорящая личность, автор, который через отбор языковых средств и конкретную организацию текста реализует в нем свою позицию.

Для нашего исследования бóльшую значимость представляют следующие понятия КГ: четырехступенчатая схема анализа текста, субъектная структура текста. Им будут посвящены параграфы 3–4.

§2. Нехудожественные тексты как объект анализа коммуникативной грамматики

Основную часть материала, на котором были сформулированы положения коммуникативно-грамматического подхода, составляют художественные тексты [Золотова 1988, 2005, 2006], [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], [Сидорова 2000, 2001], [Онипенко 2019], [Уржа 2009, 2014], [Чумирова 2005]. Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» объясняли «преобладание литературных примеров» стремлением «полнее представить ресурсы и возможности русского языка и в его высшей — художественной — форме» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 484]. Однако Г.А. Золотова не раз говорила о применимости концепции КГ к текстам иных жанров и сфер и привлекала к аргументации обширный языковой материал. Так, в статье [Золотова 2001] автор анализирует газетные, официально-деловые, мемуарные, устные тексты и приходит к следующему выводу: «При всех известных, описанных различиях представленных ими [текстами] видов речевой деятельности, от книжно-письменных до устно-разговорных, русский язык располагает общей системой синтаксических и композиционно-функциональных средств, обеспечивающих смысловое единство, осознанное или стихийное структурирование текстов и соответствие их коммуникативному назначению». Именно поэтому в научной литературе употребляются обозначения «разновидности языка», «варианты языка», «подъязыки», «ареалы языковой культуры», «подсистема», подчеркивающие существование единой системы общенационального языка и её ответвлений, которые «не создают даже подобия “своей” грамматической системы, обнаруживая

лишь характерные особенности, тенденции, ограничения, предпочтения в использовании тех или иных грамматических возможностей» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 12]. Из этого следует, что положения КГ могут и должны быть применены к материалу «русской речи во всех ее реальных проявлениях — в книге, газете, в бытовом и деловом разговоре», поскольку в основе этого подхода лежит стремление «понять принципы организации синтаксической системы с точки зрения того, как она служит для выражения мыслей и для общения людей, то есть с точки зрения коммуникативного назначения языка» [Золотова 2005: 6]. В настоящей работе коммуникативно-грамматический подход применяется к исследованию научных, публицистических и официально-деловых текстов, которые редко попадали в фокус исследования КГ.

Говоря о разнице между художественными и «прочими» (нехудожественными) текстами, авторы КГ отмечают их разное отношение к действительности: «“прочие тексты” ориентированы на непосредственную соотнесенность с внеязыковой действительностью (при всех возможных коррективах с точки зрения достоверности, истинности, искренности и т.п.); художественные же тексты отображают мир вымышленный, “фиктивный”, лишь опосредованно и субъективно соотносимый с миром действительным» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 12]. Поэтому в зависимости от способа отображения действительности тексты делятся на два типа: 1) в которых говорящий моделирует действительность; 2) в которых говорящий воспроизводит ту действительность, которая окружает его в данный момент или дана ему в ментальных образах воспоминаний [Роговнева 2016: 62]. Первый тип текстов Тен ван Дейк называет вымышленным, искусственным повествованием, второй — естественным [Teun van Dijk 1975: 274]. У. Эко пишет о том, что адресату бывает сложно различить эти два типа повествования: «На самом деле, слушая или читая о неких фактах, мы инстинктивно настораживаемся, так как исходим из того, что говорящий или пишущий пытается выдать свои слова за правду, и соответственно, квалифицируем услышанное с точки зрения истинности из ложности. Подобным же образом мы, как правило, считаем, что только в исключительных случаях — помеченных

флажком «вымысел» — мы должны воздержаться от недоверия и приготовиться вступить в воображаемый мир» [Эко 2002: 224-225]. У. Эко также отмечает: «Любые попытки формализовать структурные различия между искусственным и естественным повествованиями, как правило, заходят в тупик из-за обилия контрпримеров» [Там же: 229]. В качестве доказательства последнего утверждения приведем отрывок из новостной статьи, в которой говорится о технологии, позволяющей «оживлять» изображения классиков:

Всех, кто хочет узнать как можно больше о главных книжных новинках издательства, ждет вечер в компании Анны Ахматовой, Эдгара По и Михаила Булгакова. Вместе с генеральным директором издательства «Эксмо» Евгением Капьевым классики литературы расскажут, что читать дальше — представят новинки и бестселлеры этого года разных жанров. Зрители шоу узнают: почему Анна Ахматова любит young adult, по каким кулинарным книгам готовит Михаил Булгаков, какие книги считает по-настоящему захватывающими Эдгар По. Образы великих литераторов будут воссозданы при помощи конструктора аватаров MetaHuman и других технологий Deepfake. Организаторы уверены, что первое книжное шоу с применением технологии Deepfake откроет новую страницу в продвижении книг и чтения, а инновационные форматы найдут большой отклик у различных аудиторий, включая юную (<https://godliterature.ru/articles/2022/11/16/eksмо-provedet-prezentaciiu-s-dipfekami-ahmatovoj-bulgakova-i-po>).

В приведенном примере публицистического текста с трудом проводится грань между моделированием и непосредственным воспроизведением реальности. Сложно сказать, обладает ли рассматриваемый отрывок таким критерием, как фикциональность («посредственность изображаемого») [Сидорова 2000: 94]: в новости упоминается не вымышленная, а реальная встреча с читателями, которая должна состояться вскоре. В то же время нельзя утверждать, что текст полностью ориентирован на непосредственную соотнесенность с действительностью: акторами, т.е. активными участниками, в нем являются жившие давно классики, о

которых повествуется в будущем времени. Следовательно, перед нами такой тип текста, к которому критерий фикциональности применим с трудом.

Проблема связана прежде всего с самим предметом речи — технологией дипфейк (deepfake), созданной на основе искусственного интеллекта и позволяющей создавать виртуальный мир и его объекты. Цифровая (виртуальная) реальность, ставшая предметом философского осмысления в последние десятилетия, является одним из важнейших элементов современной цифровой культуры (digital culture) [Елькина 2018]. Эта реальность «существует поверх рамок и норм физического, биологического, психологического пространств», а акторами в новом «квазифизическом» пространстве являются уже «не собственно люди и физические объекты, а синтетические информационные структуры, сетевые сообщества, алгоритмы и программы» [Подопригора 2019: 15]; здесь «функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов» [Иванов 2002: 24].

Понятие виртуальной реальности было введено в конце 1980-ых годов Джароном Ланье для обозначения «электронных устройств, вводящих их пользователя в измерение существования, в мир информации, в совершенно непривычную для человека дигитальную и интерактивную среду технологически продуцируемых симулякров всего того, что только может быть ему дано в опыте сенсорного восприятия действительности» [Кузнецов 1997]. Д.В. Иванов выделяет три характеристики виртуальной реальности: 1) нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); 2) условность параметров (объекты искусственны и изменяемы); 3) эфемерность (свобода входа / выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [Иванов 2002: 30]. Французский философ П. Вирильо, осмысляя соотношение реального (актуального) и виртуального, замечает, что в современном мире «виртуальность приобретает первенство над актуальностью и тем самым ниспровергает само понятие реальности» [Вирильо 2004: 114]. Этот феномен он называет «дереализацией реальности», отмечая, что в современном мире «прекращается действие ИСТИННОГО и ЛОЖНОГО и на смену им приходит актуальное и виртуальное» [Вирильо 2004: 123].

Итак, существование двух типов реальности становится предпосылкой для разграничения таких текстов, где описываются явления объективной реальности, и таких, в которых предметом изображения становится реальность виртуальная. Филология, являясь «службой понимания» мира [Аверинцев 1987: 468], способна обеспечить доступ к пониманию любых его явлений: как реальных, так и виртуальных, которые также получают свое «оязыковление».

Продолжая обсуждение вопроса об отображении реального и «фиктивного» мира в разных текстах, считаем важным отметить следующую особенность: если объективная реальность в художественных текстах моделируется, а в нехудожественных — воспроизводится, то виртуальная реальность моделируется как в художественной литературе (например, в научно-фантастической), так и в нехудожественной (как в приведенном выше примере публицистического текста). Подчеркнем, что виртуальная реальность именно *моделируется*. Мы не можем говорить о ее воспроизведении, поскольку (пока еще) не имеем достаточного опыта, эмпирических данных для ее онтологического освоения. Сказанное можно представить в виде таблицы:

Таблица 1

Художественные тексты	Нехудожественные тексты
моделируют объективную реальность	воспроизводят объективную реальность
моделируют виртуальную реальность	

Вопрос об элементах фикции в разнофункциональных текстах рассматривался многими исследователями. Так, В. Шмид пишет о фикциональности научных и дидактических работ, рекламных роликов и текстовых задач в учебнике по математике [Шмид 2003: 22]. Фикцию официально-делового текста [Клейменова 2011] связывает с присутствием в нем алетической модальности как «типа отношения высказывания к реальности». О фикциональности публицистического текста говорил Жан Бодрийяр, который называл медиаинформацию «гиперреальностью», псевдокартиной мира и замечал, что в СМИ «любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции»

[Бодрийяр 2000]. Кроме того, «степень фикциональности может варьироваться в различных типах текстов» [Клейменова 2011: 101]: если в официально-деловых и научных текстах она минимальная, то в публицистических она ощутимо выше. Фикция в текстах СМИ является одним из способов реализации функции манипулятивного речевого воздействия [Стырина, Мартиросян 2021: 92].

В монографии «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» Г.А. Золотова пишет: «Канва многообразнейших и разносторонних отношений объективной действительности находит в языке соответствие в определенных синтаксических моделях, основных и вариативных, со всеми их регулярными модификациями и видоизменениями» [Золотова 2006: 6]. В настоящее время сказанное можно отнести не только к объективной действительности, но и субъективной (виртуальной). Поскольку «любой текст соответственно его характеру и содержанию отражает... общую модель языкового видения человеком мира» [Там же], представляется важным исследовать специфику формирующейся модели виртуального мира, которая получает «оязыковление» в текстах, посвященных новым технологиям. Применение положений коммуникативно-грамматического подхода к анализу таких текстов позволит ответить на вопросы о том, с помощью каких языковых средств говорящий моделирует виртуальную реальность и каковы особенности этой модели.

§3. Четырехступенчатая модель анализа текста

Г.А. Золотова, представляя текст как многослойную структуру, определяемую взаимодействием языковых единиц разных уровней, предложила четырехступенчатую модель его интерпретации, позволяющую анализировать любой текст поступательно — от наименьших значимых единиц (синтаксем) до его целостной словесно-композиционной структуры.

На **ступени А** анализируется смысловое ядро предложение, его модель, которая задается сопряжением двух синтаксем — субъектной и предикатной — в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик. Любая модель имеет свое типовое значение, обобщенный «смысловой результат»

взаимодействия субъектного и предикатного компонентов [Золотова 2005: 25]. Ступень А — это «системно-языковая данность, существующая со своими смысловыми потенциями независимо от текста, как бы до текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 44]. При этом одно и то же типовое значение может выражаться разными моделями. Так, разнооформленные предложения *Она в обмороке* и *У нее обморок* обозначают статуюальный признак лица. И наоборот, одна и та же модель может иметь разные типовые значения (например, разобранные нами выше предложения *Отец читает газету* и *Отца отличает строгость*).

Коммуникативная грамматика рассматривает предложение как полевую структуру, ядро которой представлено основной, исходной моделью, а отходящие от него периферийные сферы — различными модификациями этой модели (грамматическими, фазисными, экспрессивными), а также монопредикативными синонимическими вариациями и полипредикативными осложнениями модели. Опора на понятие синтаксического поля предложения позволяет коммуникативной грамматике исследовать «не условные формулы, а живые образцы предложений типовой структуры и значения, наблюдаемые в употреблении и отображающие основные категориальные отношения между реалиями, а на периферии — не “отмирающие грамматические категории”, а модификации тех же образцов, или моделей, в их живом многообразии, регулярными способами дополняющие свой инвариант регулярными же дополнительными значениями» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 205-206].

На **ступени В** анализируется принадлежность предложения к речевому регистру. Согласно [Halliday 1964], регистр отражает ситуацию использования языка. В КГ регистр определяется как «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста» [Онипенко 2001: 108]. Выделяются пять коммуникативный регистров: репродуктивный, в котором говорящий воспроизводит сенсорно наблюдаемое; информативный, в котором сообщается о том, что говорящий воспринимает ментально; генеритивный, где сообщается некое

универсальное знание, обобщенный опыт; волюнтивный, который помогает побудить адресата к действию; реактивный, позволяющий выразить оценочную реакцию на ситуацию [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 33]

Регистровая предрасположенность заложена в самой структуре предложения, в его типовом значении. Если на ступени А мы рассматриваем единицы дотекстового уровня, то на ступени В дается потенциальная характеристика предложения, «ориентированная на тип текста вообще» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 455], поскольку именно в тексте предложение приобретает свою регистровую характеристику. Именно идея коммуникативного регистра стала для коммуникативно-функциональной теории Г.А. Золотовой таким «инструментом», который обнаружил «связь между словом, предложением и текстом — во-первых, и грамматической системой и текстом — во-вторых» и соединил в себе понятия структуры, семантики и функции» [Онипенко 2001]. По определению М.Ю. Сидоровой, «коммуникативный регистр — это не просто набор языковых средств, выбираемый говорящим, а именно способ видения действительности, существующий в его сознании» [Сидорова].

Если ступени А и В имеют отношение к общеязыковой компетенции говорящего, то ступени С и D «отражают индивидуально-авторскую деятельность, в результате которой рождается конкретный текст» [Онипенко 2019: 31]. На ступенях С и D исследуется реализация коммуникативного намерения говорящего, которая состоит в отборе языковых средств, а также в их организации в конкретный текст.

На **ступени С** определяется текстовая тактика, «комплекс языковых и речевых приемов построения текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 456]. На этой ступени анализируются «принципы соединения, сцепления единиц, создающие дополнительные смыслы, и конструктивно-семантические, и субъективно-оценочные» [Там же]. Выявление тактики позволяет отвечать на вопрос о том, *как* строится конкретный текст.

На **ступени D** определяется текстовая стратегия, в которой «воплощается замысел, “сверхзадача”, художественный императив, мировоззренческие и

прагматические интересы» автора [Золотова 1996: 287]. Стратегией определяется то, *зачем, для чего* создается текст. Текстовая стратегия определяет тактику текста и раскрывается через ее анализ. Однако всегда следует помнить, что стратегия текста, «в которую входят понятия замысла, позиции, мировосприятия, отношения автора к предмету и поставленной им проблеме, его прагматических интересов, в отличие от тактики, осуществляемой в тексте, стоит как бы за текстом, или над текстом» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 456]. Поэтому абсолютное понимание стратегии автора невозможно. Только через адекватный анализ тактики текста исследователь может приблизиться к достоверному пониманию стратегии автора, к «гипотетически реконструируемому замыслу» [Сидорова 2014: 7].

В общем виде схема анализа, предложенная Г.А. Золотовой, выглядит так:

- А.** Структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы;
- В.** Принадлежность ее к речевому регистру;
- С.** Тактика текста;
- Д.** Стратегия текста [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 455].

Развивая идею Г.А. Золотовой, М.Ю. Сидорова предлагает иной вариант этой схемы:

- А.** Языковые средства допредикативного уровня;
- В.** Предикативные единицы и регистровые блоки;
- С.** Тактика автора;
- Д.** Стратегия автора [Сидорова 2014: 8].

Оставляя без изменения ступени С и D, М.Ю. Сидорова выделяет синтаксемы в отдельный допредикативный уровень (**А**), а предикативные единицы объединяет на одном уровне с регистровыми блоками (**В**). Последнее объясняется тем, что именно модель предложения определяет его принадлежность к определенному регистру. Поэтому представляется целесообразным на одном уровне анализировать модель предложения, его типовое значение и регистровую характеристику. Выделение уровня допредикативных единиц обусловлено тем, что при анализе модели предложения учитывается характеристика синтаксем, образующих эту модель. Эта характеристика также важна при анализе распространителей модели.

Выделение единиц допредикативного уровня позволяет анализировать структуру текста от минимальных синтаксических единиц до регистровых блоков.

М.Ю. Сидорова также считает, что при анализе некоторых текстов (например, написанных в жанре фэнтези) более продуктивно двигаться в обоих направлениях — от ступени А к ступени D и наоборот: «Как постижение замысла автора невозможно без анализа конкретных языковых средств, образующих ткань художественного произведения, так и роль конкретных языковых средств остается непонятной, если мы будем пытаться возвести их хотя бы к гипотетически формулируемому замыслу автора» [Сидорова 2014: 17-18]. М.Ю. Сидорова подтверждает это положение на примере анализа переводов романа Дж. Толкина «Властелин колец», которые показывают, что переводчики отбирают языковые средства не путем поиска прямых соответствий конструкциям английского текста, а благодаря проникновению в замысел автора. Анализ ресурсов языковых уровней А и В без соотношения их с задачами уровней С и D может повести исследователя по ложному следу и привести к «гипертрофированию авторской идеи» [Там же: 29].

Ю.В. Роговнева, считая, что предикативные единицы и регистровые блоки не могут быть объединены на одном уровне, предлагает схему следующего вида:

- 0.** Допредикативный уровень лексического наполнения;
- A.** Предикативное ядро предложения;
- B.** Регистровая характеристика предложения;
- C.** Тактика автора;
- D.** Стратегия автора [Роговнева 2016: 36].

Необходимость выделения в схеме анализа «нулевого», допредикативного уровня, Ю.В. Роговнева объясняет следующими причинами. Во-первых, говорящий, готовясь назвать явление действительности, «выбирает определенный способ видения этого явления» [Роговнева 2016: 35]. В соответствии с этим способом он отбирает языковые средства. Их отбор зависит от того, как говорящий воспринимает и представляет себе действительность, как он к ней относится. Именно на этом уровне начинает реализоваться текстовая тактика. Во-вторых, синтаксемы-распространители так же, как и её модель, могут определять

регистровую принадлежность предикативной единицы. Так, распространители *обычно* и *всегда* вероятнее всего будут относить предложение к информативному регистру, а распространители *сейчас* и *вчера* — к репродуктивному. Значит, в каждой синтаксеме (участвующей как в образовании модели предложения, так и выступающей в роли ее распространителя) заложена потенциальная предрасположенность к определенному регистру. Именно эти факторы позволили Ю.В. Роговневой выделить в схеме анализа текста допредикативный уровень, на котором рассматриваются синтаксемы «как наполнители будущих предложений» [Там же: 36].

Также Ю.В. Роговнева полагает, что нельзя совместить на одном уровне предикативные единицы и регистровые блоки по нескольким причинам. Во-первых, при объединении предикативных и регистровых единиц на одном уровне получается, что регистровая характеристика предложения определяется его моделью. Однако, как мы писали выше, синтаксемы-распространители также влияют на отнесенность предложения к тому или иному речевому регистру. Во-вторых, уровень предикативных единиц является дотекстовым уровнем, а уровень регистровых блоков — текстовым. Поэтому, относя модели и регистры к одному уровню, мы совмещаем дотекстовый и уровень текста, что представляется неправильным.

Несмотря на небольшие различия, все предложенные схемы направлены на достижение единой цели, лежащей в основе коммуникативного-грамматического подхода, — «выявить поддающиеся систематизации типизированные речевые единицы и изучать законы их комбинирования, соединения в текстах разного типа и назначения» [Золотова 2001]. В соответствии с целями нашего исследования и с учетом специфики выбранных текстов мы будем пользоваться методикой анализа, предложенной М.Ю. Сидоровой. Перед нами стоит задача определить, как с помощью средств допредикативного уровня говорящий закладывает в модель предложения свое отношение к тому или иному явлению действительности и как это соотносится с его тактикой и стратегией.

§4. Категория лица и категория субъекта. Субъектная структура текста

Категория лица является одной из важнейших категорий, «обеспечивающих коммуникативную функцию предложения и соединяющих конкретное предложение с текстом» [Онипенко 2019: 68]. В концепции коммуникативной грамматики категория лица является синтаксической, т.е. обнаруживаемой в предложениях и имеющей прямое отношение к предикативности как к основному грамматическому признаку предложения (наряду с категориями модальности и времени). Под синтаксической категорией лица понимается «соответствие субъекта — носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников–неучастников общения» [Золотова 2005: 158]. Из определения следует, что предложения *Я вас любил* и *Мне грустно* объединены синтаксической категорией 1-ого лица, а предложения *Молчать!* и *Ваш выход* — категорией 2-ого лица, поскольку в них субъект действия равен адресату речи. С точки зрения КГ, предикативная сущность категории лица состоит в том, что ее семантическая составляющая соотнесена с типовым значением модели предложения [Онипенко 2019: 78], а сама модель предложения понимается как «минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением» [Золотова 2005: 124].

«Русская грамматика» [Русская грамматика 1980] не относит категорию лица к составу предикативных категорий, поскольку рассматривает семантику и синтаксическую структуру предложения отдельно. Структурная схема предложения, по мнению авторов «Русской грамматики», собственной семантики не имеет, а приобретает ее только вследствие лексического заполнения. Предикативными же являются только те категории, которые характеризуют структурную схему предложения. В традиционной грамматике категория лица понимается как морфологическая, обнаруживаемая только в формах с личными окончаниями глагола. На этом основании, а также в соответствии с критерием возможности / невозможности введения в предложение подлежащего традиционная грамматика делит односоставные предложения на безличные (*Мне грустно*) и

личные (*Я грущу*). Г.А. Золотова, не соглашаясь как с основаниями традиционной классификации простых предложений, так и с самим термином «безличные», пишет: «Предложения, сообщающие о состоянии лица, по природе своей личны и двусоставны (двухкомпонентны), потому что в них в тех или иных языковых формах должны найти выражение обозначение субъекта и обозначение состояния» [Золотова 2005: 160]. По Г.А. Золотовой, модели, где для обозначения лица (субъекта состояния) используются формы косвенных падежей (*У меня простуда, Мне грустно, Меня тошнит* и др.), следует считать моделями личных двусоставных предложений, маркированными значением инволютивности.

Г.А. Золотова называет категорию лица «одной из структурных категорий, отражающих связь предложения с внеязыковой действительностью», «грамматической основой субъектной организации текста, структуры образа автора, одним из грамматических средства формирования композиции текста» [Онипенко 2019: 70, 78]. Категория лица неразрывно связана с категорией субъекта. Эта связь лежит в основе классификации простых предложений, предложенной Г.А. Золотовой. Она делит предложения на бессубъектные (*Светает*) и субъектные, а субъектные — на лично-субъектные (*Я тревожусь*) и нелично-субъектные (*Квартира тихая*). Для нас большой интерес будут представлять особенности выражения субъектного компонента (субъектные модификации предложения), поскольку тот или иной способ его представления говорящим напрямую зависит от целей коммуникации: «Именно в тексте говорящий конструируется как субъект, поэтому мы можем конструировать его субъектную позицию на основе лингвистических данных» [Сидорова 2022: 20-21]. Иными словами, наблюдение за способами выражения субъектов предикаций открывает доступ к авторской точке зрения.

В предложениях с личным субъектом говорящий может представлять субъект тремя способами, тремя «категориями личности»: определенным, неопределенным, обобщенным. Определенно-личная субъектная модификация представляет субъект действия как определенное лицо (*Мы поем / Поем*). Неопределенно-личная — как лицо «неизвестное или намеренно устраненное по

незначительности его в содержании информации» (*Кто-то поет / Поют*) [Золотова 2005: 162]. Обобщенная субъектная модификация представляет субъект как «любое лицо, к которому может быть отнесено называемое в предложении действие, состояние» (*Каждый поет о своем / Поешь о своем...*) [Там же]. Выражаются эти категории не только глагольными формами, но определенными способами представления субъекта формами 2-ого лица (обобщенность), 1-ого и 2-ого лица (определенность), 3-ого лица мн. числа (неопределенность). Однако одни и те же формы могут служить разным категориям. К примеру, форма 3-ого лица мн. числа с невыраженным (устраненным) субъектом может обозначать действие, отнесенное к определенному лицу: *Вот там его узнали, махнули платком. Его ждут, может быть, давно* (Писемский). Г.А. Золотова заключает, что «тот или иной способ представления субъекта обуславливается коммуникативными типами речи», совокупностью данных контекста, конситуации [Золотова 2005: 164]. Выбор субъектной модификации может зависеть от способа организации текста (лирического или прозаического), от его стилистической принадлежности: «В той же мере, в какой определено-личность свойственна разговорным ситуациям и темам, устраненность субъекта, разобщенность агенса и грамматического подлежащего характеризует специфически книжную речь в ее деловых, официальных и научных жанрах» [Золотова 2005: 164]. В нашем исследовании мы будем обращать внимание на способ представления субъекта в текстах и соотносить эти особенности с авторской задачей.

Г.А. Золотова также говорит о синтаксической значимости неназванного субъекта, «синтаксическом нуле» [Онипенко 2019: 154]. Невыраженность субъекта объясняется не только контекстной избыточностью, она также часто сопровождается «смысловыми приращениями» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 117]. Это может использоваться автором как художественный прием, символ «невыразимого» (*Прильнуло к дрожащему сердцу* (Блок)), а может сигнализировать об отстранении говорящего, исключенности из возможных субъектов действия (эксклюзивности): *У нас пытаются ввести цифровой эксперимент*. Безличность же, по Г.А. Золотовой, не имеет отношения к способу представления субъекта и не

может означать его полного отсутствия, поскольку «бессубъектность не свойственна русскому предложению вообще» [Золотова 2006: 118]. Под безличностью Г.А. Золотова понимает «значение произвольности действия и состояния, независимости его от воли субъекта», сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого (*Ему не гулялось*), либо предикативным наречием (*Мне одиноко*), либо устойчивым оборотом, сообщающим о воздействии на человека «неведомой силы, судьбы, обстоятельств (*Мне не везет*). Такие предложения Г.А. Золотова предлагает называть инволютивными, «низводящими действие до уровня состояния» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 134].

Рассмотрим на примере, каким образом говорящий может осуществлять «переключение субъектных сфер» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 471].

*К сожалению, мы видим, что **цифровизация идёт в таком добровольно-принудительном порядке**. И даже если прямо на нас **не говорится** о том, что вы обязаны, фактически **создаются такие условия**, когда, как называется, сложно отказать. Вот, например, с этой цифровой средой сейчас родителей **заталкивают** буквально с детьми на эти цифровые платформы для образования: МЭШ, РЭШ, Сферум, Сбер, разные. Если родители пытаются сопротивляться, говорят о том, что мы не хотим, чтобы наш ребёнок учился на такой платформе и сливал туда свои данные, а всегда регистрация связана с тем, что ты передаёшь персональные данные соответствующих платформ. Ему уже **говорят** так: в таком случае, вы не обеспечиваете выполнение домашнего задания ребёнка и нарушаете его права, а тут уже **включаются ювенальные технологии** (<https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/>).*

В приведенном отрывке предложения, в которых сообщается о принуждении к использованию новых технологий, имеют неопределенно-личное значение (*нам не говорится; создаются условия; родителей заталкивают на цифровые платформы; ему говорят*). Так говорящий исключает себя из возможных субъектов действия, вводит идею эксклюзивности. В то же время при предикатах, обозначающих ответные действия родителей и детей, личный субъект выражен формой Имен. пад. (*родители пытаются сопротивляться, говорят; ребенок*

учился, сливал данные; ты передаешь; вы не обеспечиваете выполнение задания и нарушаете права). На месте подлежащего мы также видим предметные субъекты *цифровизация* и *(ювенальные) технологии*. Не называя тех, кто проводит цифровизацию и применяет ювенальные технологии, автор подчеркивает, что последние находятся не в руках людей, а существуют отдельно, оторванные от тех, кто их хотел реализовать. Такая субъектная структура позволяет автору подниматься на уровень обобщения, представлять государство, внедряющее новые технологии, чем-то обезличенным и аморфным, а человека, напротив, (пока ещё) обладающим волей.

Таким образом, текстовая значимость категории лица состоит в её возможности обеспечивать связь предложения с внеязыковой действительностью, которая становится содержанием речи. Категория лица также соединяет важнейшие компоненты модели предложения — субъект и предикат. Наблюдение за организацией субъектного плана текста становится важным инструментом для выявления авторской позиции, средством обнаружения «точки зрения». Использование функционально-текстовых возможностей субъектных модификаций предложения помогает говорящему включать себя в круг возможных субъектов действия и исключать себя из него (инклюзивность / эксклюзивность), а также вводить признак инволютивности, произвольности.

Раздел 2. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

У сочетания «искусственный интеллект» есть два понимания. Авторы первого отечественного толкового словаря по ИИ определяют его как **«научное направление**, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными, а также **свойство интеллектуальных систем** выполнять функции, например, творческие, которые традиционно считаются прерогативой человека» [Толковый словарь по искусственному интеллекту 1992: 38-39]. Похожее распределение значений мы наблюдаем, например, у лексем, обозначающих лингвистические дисциплины. Так, согласно Лингвистическому словарю, синтаксис — это 1) «характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц»; 2) «раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слова внутри предложения а также общие свойства предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста» [ЛЭС 1990: 448]. Также фонетика — это и звуковой строй языка, и раздел языкознания, изучающий этот строй.

Таким образом, искусственный интеллект определим как а) научное направление, междисциплинарная область знаний, объединяющая представителей технических, естественных и гуманитарных дисциплин; б) онтологический объект, продукт деятельности разработчиков, результаты применения которого сопоставляются с результатами интеллектуальной деятельности человека. В настоящее время мы наблюдаем необыкновенный рост интереса к ИИ и как к научной дисциплине, и как к новому объекту, с которым связывают перспективы дальнейшего развития человечества: «В наши дни искусственный интеллект получил блестящее практическое приложение, открывающее перспективы, без которых немислимо дальнейшее развитие цивилизации» [Винокурова 2012: 15].

Для понимания особенностей и значения ИИ как научного направления обратимся к истории его развития.

§1. История развития и становления ИИ как научного направления

Искусственный интеллект, будучи относительно молодым научным направлением, с момента своего возникновения пережил несколько циклов, сопровождавшихся чрезмерным оптимизмом и приходившим ему на смену большим скептицизмом. Исследование истории становления искусственного интеллекта как научной дисциплины поможет определить его место в современной научной парадигме. Поскольку дать исчерпывающее историческое описание в объеме параграфа не представляется возможным, мы ограничились перечислением лишь некоторых вех в истории этого направления, оставляя за рамками описания не менее важные факты.

Оформлению искусственного интеллекта в отдельную область знания в середине XX века предшествовало несколько столетий. Идеи, которые легли в основу моделирования интеллектуальных систем, разрабатывались в рамках сразу нескольких научных дисциплин. Философы, исследовавшие проблемы разума, связи между знаниями и действиями, выдвинули идею о мозге как машине. Математики «предоставили инструментальные средства для манипулирования высказываниями, обладающими логической достоверностью», заложили основу «формирований суждений об алгоритмах» [Рассел, Норвиг 2020: 71]. Психологи сформировали представления о природе интеллекта, сознания, мышления, восприятия. Лингвисты исследовали проблемы понимания и обработки естественного языка. Достижения точных, естественных и гуманитарных наук заложили основы для создания и дальнейшего развития теории искусственного интеллекта.

Первую попытку создания машины, моделирующей работу человеческого мозга, приписывают испанскому изобретателю Раймунду Луллию (1235-1316 гг.). Он сконструировал аппарат, состоящий из нескольких вращающихся кругов, которые были поделены на сектора разного цвета и помечены латинскими буквами.

Вращая эти круги, «можно было получить различные сочетания символов и цветов — так называемую формулу истины» [Ясницкий 2005: 7]. С помощью такого механизма ставили диагнозы болезней, составляли гороскопы и прогнозы на урожай.

Возможности формализации интеллектуальных задач и применение точных методов к описанию человеческой деятельности активно начали обсуждаться в XVII-XVIII вв. с ускорившимся развитием точных наук. Так, Р. Декарт (1596-1650) отрицал возможность применения физических законов к человеческому разуму, но при этом животных рассматривал как автоматы, «действующие по принципу стимул-реакция» [Попов, Ющенко 1984: 32]. Т. Гоббс (1588-1679) считал возможным представить процесс мышления в виде арифметических операций: «Когда человек рассуждает, он лишь образует в уме итоговую сумму путем сложения частей или вычитания одной суммы из другой»; «рассуждение в этом смысле есть не что иное, как подсчитывание (т. е. складывание и вычитание) связей общих имен с целью отметить и обозначить наши мысли» [Гоббс 2017: 70]. Ж. Ламетри (1709-1751), сторонник крайнего механицизма, в книге «Человек-машина», высказывал идею о том, что человеческое тело можно сравнить с часовым механизмом [Ламетри 1983]. Г.В. Лейбниц (1646-1716) предпринял попытку построить символический язык, установить систему правил, которая могла бы формулировать сложные понятия: «Все существующие на свете составные понятия могут быть разложены на небольшое число простых понятий, являющихся как бы их алфавитом» [Орфеев, Тюхтин 1978: 10]. Некоторые идеи Лейбница кажутся созвучными современным представлениям о задачах моделирования искусственного интеллекта: «После того, как для большинства понятий будут установлены характеристические числа, человеческий род приобретет как бы новый орган, который расширит творческие возможности духа» [Дрейфус 1978: 10].

Уже в XIX веке английским математиком Чарльзом Бэббиджем была сконструирована разностная машина для математических вычислений, в которой имелись «память», программируемое и вычислительное устройство с рычагами и

шестеренками. Программа в эту машину вводилась с помощью перфокарт. Бэббидж уже тогда «понимал, что создает не аналог мыслящего субстрата, а всего-навсего средство для решения расчетных задач в любых областях, где они могут пригодиться» [Зотов 2006: 24].

С появлением ЭВМ в 40-х годах XX в. интерес к искусственному интеллекту возрос. В 1950 г. Алан Тьюринг в своей статье «Computing Machinery and Intelligence» дал наиболее полное представление об искусственном интеллекте и описал принципы машинного обучения [Turing 1950]. Задавшись вопросом о том, могут ли машины мыслить [Тьюринг 1960], он указал на неопределенность значения слова «мыслить» (think) и предложил ответить на вопрос, может ли машина выиграть в «игре в имитацию». Людям предлагалось после разговора с невидимым собеседником определить, с человеком они общались или с машиной. Важно отметить, что машина в этой игре моделировала не само мышление, а его внешнее проявление, которое и создает ошибочные впечатления о разумности механизма [Попов, Ющенко 1984: 35].

Термин «artificial intelligence» (искусственный интеллект) был предложен в 1956 году Джоном Маккартни во время работы Дартмутского семинара, проходившем в Станфордском университете в США и впервые собравшем вместе важных деятелей в этой научной области [Рассел, Норвиг 2020: 56]. Новый термин заменил терминологическое сочетание «computer intelligence» (машинный интеллект), предложенное ранее Аланом Тьюрингом.

Период до конца 1960-х гг. в истории искусственного интеллекта называют временем успехов и больших ожиданий. Ведутся поиски алгоритмов человеческого мышления, разрабатываются первые программы, моделирующие процедуры решения отдельных задач человеком. Однако вскоре многие оптимистические прогнозы разбиваются при «столкновении с реальностью» [Рассел, Норвиг 2020: 60]. Приходит осознание того, что машины, демонстрировавшие хорошую производительность на конкретных примерах, не могут решать более широкий круг задач. В частности, при проведении первых работ по машинному переводу в США оказалось, что при переводе научного текста возникает проблема снятия

неоднозначности, для устранения которой необходимо обладать знаниями в специальной научной области. Осознание неразрешимости этой и других проблем приводит к сворачиванию финансирования многих проектов.

Большим прорывом в области искусственного интеллекта стало применение в 1970-х годах нового подхода, основанного не на поиске универсального алгоритма мышления, а на моделировании более конкретных знаний, относящихся к специализированной области [Винокурова 2012: 18]. Начинают разрабатываться так называемые экспертные системы, которые применяются только в определенной области, к примеру MYCIN — для диагностирования болезней в медицине, DENDRAL — для анализа масс-спектрограмм в химии.

С 1980-х годов начинается коммерциализация искусственного интеллекта: он превращается в индустрию по производству интеллектуальных систем. Однако вслед за этим наступает так называемое время «зимы искусственного интеллекта», начавшееся из-за того, что многие компании, занимавшиеся разработкой интеллектуальных систем, не выполнили своих громких обещаний [Рассел, Норвиг 2020: 65]. Экспертные системы оказались малоэффективными и слишком дорогими в обслуживании. Вновь происходит сокращение финансирования проектов, интерес к разработкам снижается.

Параллельно с мировым научным сообществом исследования в области искусственного интеллекта велись и отечественными учеными. Зарождение искусственного интеллекта в России связывают с началом работы в МГУ семинара «Автоматы и мышление» в 1954 г. (двумя годами ранее, чем состоялся Дартмутский семинар в США) под руководством профессора А.А. Ляпунова, одного из основателей российской кибернетики. Этот семинар объединил крупнейших математиков, лингвистов, психологов, философов того времени.

К наиболее значимым результатам, достигнутым отечественными исследователями в этой области, относят созданный М. Бонгардом в 1960-е гг. алгоритм Кора, моделирующий деятельность человеческого мозга при распознавании образов [Бонгард 1967], программу ленинградских ученых АЛИЕВ ЛОМИ, автоматически доказывающую теоремы. Под руководством профессора

Д.А. Поспелова, создателя теории ситуационного управления, разрабатываются модели представления знаний. Важной заслугой Д.А. Поспелова также является создание в 1988 г. открытой междисциплинарной научной среды — Ассоциации искусственного интеллекта (АИИ), объединившей более 300 исследователей из разных научных областей [Винокурова 2012: 19].

Искусственный интеллект становится самостоятельной дисциплиной в 1990-х гг., когда к нему начинают применяться «строгие теоремы и надежные экспериментальные свидетельства», а «обоснованность сделанных выводов подтверждается на реальных практических приложениях, а не на игрушечных примерах» [Рассел, Норвиг 2020: 66]. Среди причин, побудивших выделить искусственный интеллект в отдельное научное направление, авторы первого справочника по интеллектуальным системам называют следующие:

- 1) необходимость пересмотра законов функционирования языка, разработки новых способов общения человека с компьютерными системами и систем между собой;
- 2) потребность в выработке правил получения, хранения, преобразования и усвоения больших объемов информации;
- 3) необходимость разработки специальных методов оценки ситуаций и принятия решений при создании роботов;
- 4) поиск инструментов, которые позволили бы «в приемлемые сроки решать те научные проблемы, на решение которых не хватает сейчас жизни нескольких поколений» [Искусственный интеллект 1990: 5].

Члены Российской ассоциации искусственного интеллекта относят это направление к комплексу технических, а именно компьютерных наук, а создаваемые на ее основе технологии — к информационным [Осипов 2001: 34]. В Новой философской энциклопедии среди задач, решаемых в рамках этой научно-технической дисциплины, указаны следующие: моделирование «процессов познания и мышления», а также создание технических устройств, в которых реализуются результаты такого моделирования и которые могут быть названы «интеллектуальными» [Петрунин 2001]. Среди направлений исследований в

области искусственного интеллекта выделяются нейронные сети, методы представления знаний, понимание текста, понимание речи, распознавание речи, распознавание образов, интеллектуальные роботы, интеллектуальное математическое моделирование и другие [Ясницкий 2005: 10-12].

При выделении какой-либо области знаний в отдельную научную область учитываются три существенных момента: специфический объект исследования, специфические методы исследования и понятийный аппарат [Кохановский 2008: 32-33]. Что касается искусственного интеллекта, то его специфическими объектами являются интеллектуальные метапрограммы, а методами — «дедукция, выработка гипотез на основе экспериментов и формализация описаний, сделанных на качественном уровне». Эти методы «тесно переплетаются между собой, создавая неповторимое специфическое единство, которого нет в других науках» [Будущее искусственного интеллекта 1991: 21]. Искусственный интеллект, «перебрасывая мост между гуманитарными и естественными науками» [Винокурова 2012: 27], формирует «“промежуточное” семантическое образование — язык междисциплинарного общения», или «“метаязык”, в терминах которого обозначаются имеющие место междисциплинарные контакты» [Зотов 2006: 28, 31].

Сейчас интерес к ИИ снова возрастает: «Эйфория достигла таких масштабов, что данный термин стал использоваться в отношении практически любой прикладной задачи» [Леонов, Пронин 2023: 38]. Это подтверждается увеличением числа научных публикаций, посвященных ИИ. [Стрельников, Вохминцев, Каткова, Ушакова 2022] в своем исследовании приводят следующую статистику. Поиск по базе публикаций РИНЦ, включенных в него за период 2018-2022 гг. и индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science по ключевому сочетанию «искусственный интеллект», формирует выдачу:

22 публикации по тематике «Философия»;

61 публикация по тематике «Медицина и здравоохранение»;

16 публикаций по тематикам «Кибернетика», «Информатика», «Автоматика. Вычислительная техника».

С одной стороны, такая статистика демонстрирует наличие междисциплинарных связей у этой области знаний. С другой стороны, не может не настораживать тот факт, что доля статей, посвященных ИИ, по собственно техническим дисциплинам в результатах поиска чрезвычайно мала.

Среди «нежелательных» тенденций в развитии ИИ А.В. Леонов и А.Ю. Пронин называют «постоянно возрастающий вклад гуманитариев (пишущих о философских, правовых, этических и других нормах искусственного интеллекта)» [Леонов, Пронин 2023: 39]. Исследования специалистов, не имеющих твердой теоретической базы в области ИИ, приводят к утрате предмета самой науки, а в дальнейшем могут стать причиной утраты научного статуса этой области: «В конечном итоге искусственный интеллект может постепенно в некоторое качественное и эмоциональное видение отдельных элементов и эффектов в развитии ИИ, в отдельную область культуры, философии и др.» [Там же]. «Вклад гуманитариев» также способствует утверждению и распространению обыденного понимания ИИ, которое вступает в противоречие с собственно научным.

Представлению искусственного интеллекта в научных текстах будет посвящен Раздел 1 Главы 2 нашего исследования.

§2. Проблема термина «искусственный интеллект»

Как пишет профессор В.А. Звегинцев, дисциплина, получившая наименование «искусственный интеллект», традиционной советской наукой изначально «была принята в штыки» [Звегинцев 2008: 226]. Русская калька от англ. *artificial intelligence* вызывала негативные ассоциации по аналогии с «искусственным сердцем» и «искусственной почкой» [Будущее искусственного интеллекта 1991: 6]. Ст. Рассел и П. Норвиг считают, что предложенное Дж. Маккартни терминологическое сочетание оказалось не очень удачным и дисциплину скорее следовало бы назвать «вычислительная рациональность», однако принятое название прочно вошло в научный обиход [Рассел, Норвиг 2020: 56].

Процесс образования терминов при помощи метафор является «весьма продуктивным для формирующихся наук» [Гринев-Гриневиц 2008: 170], поскольку метафора дает ключ к пониманию нового явления. Неизвестное явление легче всего познать и понять через уже известное, доступное нам в силу приобретённого опыта. «Нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия», — справедливо отмечал американский философ У.О. Куайн [Quine 1977: 157]. Однако в случае с искусственным интеллектом получилось иначе. Метафоричность названия новой дисциплины послужила причиной тому, что многие советские ученые, «не приняв столь претенциозно звучащей метафоры, отвергли и само новое направление исследований», поэтому в нашей стране оно развивалось намного медленнее, чем за рубежом [Будущее искусственного интеллекта 1991: 6].

Возможность использования метафоры в научном описании ставили под сомнение многие философы-рационалисты. Так, Т. Гоббс считал, что для передачи научного знания можно использовать только слова в их прямом значении, и видел в метафоре препятствие для выполнения основного назначения языка: «Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [Гоббс 2017: 74-75]. Дж. Локк также утверждал, что метафоры в науке способны «лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок» [Локк 1985: 567]. Поскольку «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Теория метафоры 1990: 14], нельзя быть полностью уверенными в том, что, прибегая к ней, мы передаём и получаем «чистое», объективное научное знание. Есть опасность, что метафора превратится из орудия в «продукт научного поиска» [Теория метафоры: 1990: 15].

Американский программист Стив Макконнелл, рассказывая в своей книге о том, как метафора помогает разработчикам программного обеспечения справляться со сложными задачами, предупреждает, что одновременно с этим при чрезмерном

обобщении она может и вводить в заблуждение: «Как и любой мощный инструмент, метафоры можно использовать неверным образом» [Макконнелл 2005: 9, 19].

Буквальная интерпретация метафоры «искусственный интеллект» стала поводом для «безрассудной антропоморфизации вычислительной машины» [Вейценбаум 1982: 265] и завела в тупик многих исследователей и разработчиков. Философ Х. Дрейфус писал: «Не следует думать, что область исследований под названием “искусственный интеллект” действительно соответствует своему названию» [Дрейфус 1978: 19]. Академик Г.С. Поспелов также отрицал возможность буквального толкования этого терминологического сочетания: «Никто и никогда, исключая разве что безумцев, которых среди кибернетиков не больше, чем представителей иных профессий, не собирался конструировать из транзисторов и сопротивлений мыслящую материю. Все разговоры об электронных математиках, поэтах и композиторах на совести тех, кто по сути дела, не имел никакого отношения к работам по искусственному интеллекту». Искусственный интеллект — «понятие, употребляемое исключительно в метафорическом смысле», это «всего лишь некое метафорическое наименование целого направления, связанного с производством и использованием компьютеров» [Будущее искусственного интеллекта 1991: 19].

В.В. Волков, изучая лингвистический аспект обсуждаемой проблемы, замечает, что, несмотря на предупреждения специалистов об условности отождествления искусственного и человеческого интеллекта, «смысловые смещения в массовом восприятии, понимании и интерпретации фундаментальной оппозиции “машина — человек” усиливаются» [Волков 2020: 747]. Это смещение отчасти вызвано отсутствием точных представлений о том, что такое «интеллект» в принципе. В толковых словарях лексема *интеллект* стоит в одном ряду с синонимами *ум, разум, рассудок* [БАС, МАС]. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка отмечается, что *интеллект*, в отличие от синонимичных ему лексем, чаще употребляется в контекстах, где речь идет «о хорошо развитой способности человека мыслить творчески, получать принципиально новое, обычно научное, знание»; интеллект также «содержит указание на характер

перерабатываемой информации — она большая по объему, сложная, достаточно абстрактная, далекая от обыденного, житейского знания» [Новый объяснительный словарь 2004: 1204].

Как мы видим, общепринятого и универсального определения интеллекта в настоящее время нет. Эта проблема отнюдь не лингвистическая, она находится прежде всего в ведении тех наук, предметом изучения которых является интеллект: «Понятие интеллекта, возникшее в европейской философии более двух с половиной тысячелетий назад и интенсивно разрабатывавшееся в психологии на протяжении 20 столетия, продолжает оставаться полным неопределенности» [Суворов 2006: 14]. «Как только мы начинаем говорить о человеческом интеллекте, мы тотчас попадаем в область неопределенных величин», — пишет В.А. Звегинцев [Звегинцев 2008: 247]. Однако парадокс состоит в том, что перечисленные факторы вовсе не помешали успешному внедрению понятия «интеллект» в научно-технический дискурс и прорастанию в нем: «Оставаясь нераскрытым в философии и психологии, интеллект терминологически и в качестве модельного представления приобрел в последние полвека ключевое значение» в отношении современных технологий и компьютерных устройств [Суворов 2006: 14].

В то время как психология констатирует сложность и непостижимость такой человеческой способности, как интеллект, происходит активная «экспансия терминологии», а также искаженных представлений о естественном интеллекте в научно-техническую сферу [Суворов 2006: 15]. Дж. Вейценбаум, создатель системы «Элиза», способной вести разговор по заданному сценарию с учетом содержащейся в репликах собеседника информации, настаивал на том, что «в научном и обыденном сознании чрезмерно упрощенное в целом понятие интеллекта преобладает и именно это понятие частично позволило разрастись грандиозным, но порочным фантазиям искусственного интеллекта» [Вейценбаум 1982: 261]. А.В. Ворожцов же констатирует, что, продолжая называть формализованные алгоритмы интеллектом, ученые никогда не приблизятся к созданию искусственной интеллектуальной системы: «Попытки создания ИИ как четко формализованной искусственной системы обречены на провал уже потому, что многие в понятие

интеллекта вкладывают нечто неформализуемое, иррациональное», в то время как «формальные системы слишком формальны» [Ворожцов 2007: 289].

А.Ф. Зотов видит в описанной ситуации другую проблему, которую называет «эпистемологической ловушкой». Он предупреждает о возможных тупиковых поисках профессионального сообщества, связанных с подменой предмета исследования: «использование термина *интеллект* незаметно побуждает специалистов разных дисциплин искать ответы на свои вопросы, обращаясь к тем, кто обозначает собственные предметные области тем же словом — прежде всего, к философам, психологам и логикам, чей предмет, и в самом деле, ближе в изначальном смысле слова “разум”»; «исторический и семантический анализ сложившейся ситуации способен избавить от напрасных надежд и тупиковых поисков, — а с другой стороны — определить зоны плодотворных контактов в том сообществе, которое сегодня объединено не столько понятийно, сколько фонетически» [Зотов 2006: 28].

Давая определения искусственному интеллекту, ученые часто говорят о его способности решать интеллектуальные задачи, выполнять интеллектуальные действия, обладать интеллектуальным поведением и т.д.: «*Искусственный интеллект — это вычислительная машина, обладающая “интеллектуальным” поведением*» [Эндрю 1985]; «*Интеллектуальной называется система, способная целеустремленно, в зависимости от состояния информационных входов, изменять не только параметры функционирования, но и сам способ своего поведения*» [Смолин 2004: 208] и другие. Однако общепринятого «критерия интеллектуальности» в настоящее время не существует [Ворожцов 2007: 289], в том числе и потому, что это понятие по мере развития науки и человечества в целом постоянно терпит изменения, усложняется и трансформируется: «Давно уже не считаются интеллектуальными задачи, состоящие в выполнении арифметических операций сложения, умножения, деления» [Ясницкий 2005: 3].

Анализируя семантическое устройство термина «искусственный интеллект», В.В. Волков приходит к выводу: в обыденном сознании (а иногда и в научном) это сочетание одновременно «выступает как фигура персонификации механизма

(компьютера) и деперсонификации личности (человека)». Таким образом происходит нейтрализация антонимической оппозиции (машина — человек), что вписывается в трансгуманистический дискурс, «соотносится с “расчеловечиванием человека” как с фундаментальной проблемой современности» [Волков 2020: 757]. Об этой опасности ещё в 1978 г. предупреждал американский философ Х. Дрейфус: «ЭВМ подводят нас к концептуальной революции — к изменению наших представлений о человеке» [Дрейфус 1978: 20].

Итак, как пишет А.В. Ворожцов, «большинство споров о возможности создания ИИ происходят именно из-за различия в терминологии» [Ворожцов 2007: 289]. Поэтому в настоящее время представляется особенно важным «четко сформулировать ключевые термины и выразить с их помощью предметы и задачи» науки, т.е. «нормализовать» её язык [Зотов 2006: 27-28], выработать «согласованный междисциплинарный язык» [Вислова 2021: 200]. При этом следует «придерживаться естественно-научного языка и не создавать абстрактные понятия, уводящие науку от истины» [Глухих, Елисеев, Кирсанов 2022: 89]. Необходимо точно сформулировать, что стоит за термином «искусственный интеллект», поскольку обыденное языковое сознание склонно воспринимать содержание слова «как содержание (объективного) мира», в том числе отождествлять искусственный интеллект с человеческим [Волков 2020: 753].

Философ А.Ф. Лосев, размышляя над проблемами феноменологии в книге «Философия имени», пишет: «Чтобы пробиться к предмету слова, к предметной сущности, мы должны были пройти сквозь слой идеи» [Лосев 1993: 647]. В случае с искусственным интеллектом и научному, и обыденному сознанию предстоит пробиться через наивные представления о естественном интеллекте, через фантазийные — об искусственном. Это поможет очертить «границы метафоры» [Огурцов 2006: 34] в названии самой дисциплины и определить зону научного поиска.

Выводы по главе 1

В Главе 1 мы рассмотрели основы коммуникативно-грамматического подхода, разработанного профессором Г.А. Золотовой и её учениками, а также историю развития искусственного интеллекта и специфику его междисциплинарных связей.

В основе коммуникативно-грамматического подхода лежат антропоцентрический и текстоцентрический принципы, которые позволяют рассматривать текст как целостную систему, созданную волей говорящего, воплощающего в тексте индивидуальную картину мира посредством отбора языковых средств. Инструменты коммуникативно-грамматического подхода дают возможность анализировать текст, избегая разрыва между допредикативным и предикативным уровнями. Каждая синтаксическая единица рассматривается в единстве трех сущностей — формы, значения и функции. При этом минимальной синтаксической единицей признается синтаксема (синтаксическая форма слова), которая воплощает в себе идею В.В. Виноградова о единстве синтаксиса и семантики.

Хотя основные положения коммуникативной грамматики были сформулированы на материале художественных текстов, сама Г.А. Золотова не говорила о применимости разработанного ею подхода к текстам иного коммуникативного назначения, поскольку любой текст, вне зависимости от его жанровой и стилистической принадлежности, строится исходя из существующей единой системы общенационального языка. Поэтому представляется важным верифицировать концепцию КГ на принципиально ином материале — нехудожественных текстах, которые а) воссоздают объективную реальность, б) моделируют виртуальную реальность (новый тип реальности, появившийся в последние десятилетия в связи с развитием новых технологий и ставший предметом философского осмысления). Тексты, посвященные новым технологиям, имеют сложное отношение к категории фикциональности, поскольку сочетают в себе как фактуальные, так и фикциональные элементы.

Г.А. Золотовой была разработана четырехуровневая схема анализа текста, позволяющая исследовать его поступательно, от наименьших языковых единиц к целому тексту: А. Типовое значение предикативной единицы; В. Ее принадлежность к речевому регистру; С. Тактика текста; D. Стратегия текста. М.Ю. Сидорова внесла изменения в эту схему и предложила анализировать на уровне А языковые средства допредикативного уровня, поскольку характеристика модели предложения невозможна без учета синтаксисов, образующих эту модель. На уровне В было предложено объединить предикативные единицы с регистровыми блоками, так как моделью предложения определяется его принадлежность к определенному речевому регистру. М.Ю. Сидорова также высказала продуктивную идею о том, что жанровая специфика некоторых текстов требует их анализа в обоих направлениях (от уровня А к уровню D и наоборот). Анализ допредикативных и предикативных единиц в их соотношении с тактикой и стратегией текста поможет исследователю глубже проникнуть в замысел автора.

Категория лица в концепции КГ является предикативной, обеспечивающей связь предложения с внеязыковой действительностью. Неразрывная связь категории лица с категорией субъекта положена в основу классификации простых предложений, предложенной Г.А. Золотовой. Выбор личного или предметного субъекта действия, способ представления субъекта (определенность, неопределенность, обобщенность) напрямую зависят от коммуникативных намерений говорящего. Анализ организации субъектного плана текста является одним из «инструментов» выявления авторской позиции.

Продуктивным направлением современной лингвистики является лингвистический анализ текстов, в которых находят отражение тенденции развития общества, одной из которых является разработка и использование искусственного интеллекта. Сочетание «искусственный интеллект» имеет два понимания: а) научное направление; б) новый онтологический объект, вопросы использования которого обсуждаются представителями различных сфер общества.

История искусственного интеллекта уходит корнями во времена Средневековья, когда философами, логиками и механиками были заложены идеи,

легшие в основу развития теории и методов этой дисциплины. Искусственный интеллект, имеющий специфический объект исследования (интеллектуальные метапрограммы), специфические методы и особый понятийный аппарат (язык междисциплинарного общения), стал отдельным научным направлением в 1990-х гг. Будучи областью междисциплинарного взаимодействия, искусственный интеллект объединяет для решения своих задач представителей различных дисциплин: математиков, философов, логиков, психологов, лингвистов и др.

Метафорическое название дисциплины «искусственный интеллект», поначалу вызывавшее негативные ассоциации у многих советских ученых, во многом стало причиной ее медленного развития в отечественной науке. Буквальная интерпретация метафоры разработчиками, пытавшимися создать антропоморфный механизм, привела их к бесплодным поискам. Понятие интеллекта, будучи до сих пор недостаточно исследованным философами и психологами, активно внедрилось в научно-техническую сферу, что стало причиной возникновения и распространения искаженных представлений не только о самом искусственном интеллекте, но и о естественном и органично вписалось в трансгуманистический дискурс. Сейчас одной из главных задач искусственного интеллекта как научного направления является «нормализация» языка для успешного междисциплинарного взаимодействия.

Глава 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА

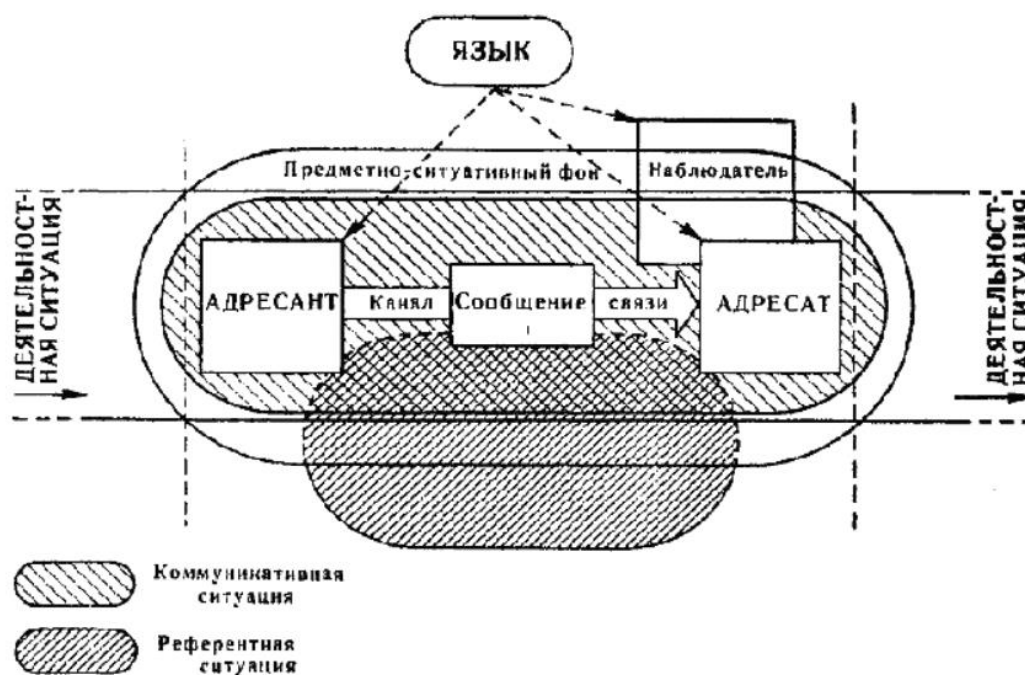
В настоящее время существует две точки зрения на вопрос о внедрении искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни. Одни люди поддерживают идею его активного использования в экономике, образовании, медицине, государственном управлении, сельском хозяйстве и т.д. Другие пытаются противостоять этому, видя в ИИ большую угрозу.

Поскольку ИИ является нематериальным (виртуальным) объектом, человек имеет дело не собственно с ним, а с внешними проявлениями или результатами его деятельности (например, с созданными им текстами). Не имея возможности познать объект эмпирически, человек создает его образ, исходя из имеющейся у него информации: мы обращаемся к образу только тогда, «когда объект удален из нашего кругозора» [Арутюнова 1998: 319]. Эта информация складывается из двух факторов: личный опыт взаимодействия с ИИ (обычно достаточно ограниченный и доступный не каждому) и воздействие текстов, в которых предметом речи является ИИ. В фокусе нашего исследования находятся последние.

Чтобы описать методику отбора анализируемого материала, обратимся к схеме коммуникативного акта, предложенной Р.О. Якобсоном и дополненной К.А. Долининым (рисунок 1). Согласно этой схеме, коммуникативный акт разворачивается в рамках какой-либо *деятельностной ситуации*, т.е. является ее отрезком [Долинин 1985: 13-14]. При этом он направлен на то, чтобы исходную ситуацию превратить в конечную, перейти от ситуации не-А к ситуации А [Сидорова]. Помимо выделенных Р. Якобсоном «непременных» компонентов коммуникативного акта (адресата, адресанта, сообщения, канала связи, контекста и кода), К.А. Долинин предлагает ввести в его структуру фигуру *наблюдателя* — того, «кому речь непосредственно не адресована, но кто в силу каких-то обстоятельств воспринимает и истолковывает ее (естественно, со своей точки зрения, исходя из своих интересов)» [Там же: 10]. Наблюдатель может присутствовать при общении, т.е. быть включенным в коммуникативную ситуацию,

и в этом случае коммуниканты будут учитывать его присутствие. Наблюдатель также может быть исключен из коммуникативной ситуации, т.е. смотреть на нее «со стороны». Такими скрытыми наблюдателями, согласно К.А. Долинину, могут являться зрители, которые смотрят телевизионное интервью, или исследователи, которые пытаются извлечь из текста его *интегральное содержание* (совокупность значения и потенциального подтекста). Интегральное содержание может воспринять «только сторонний наблюдатель, который, с одной стороны, достаточно хорошо представляет себе ситуацию, степень осведомленности и интересы участников общения, а с другой — способен выйти за рамки их ситуации и их интересов, взглянуть на сообщение с других возможных позиций, чтобы извлечь как можно полнее потенциально содержащийся в нем подтекст» [Там же: 8].

Рисунок 1. Схема коммуникативного акта Р.О. Якобсона — К.А. Долинина

В обсуждение проблем, связанных с использованием ИИ, вовлечены несколько сторон, каждая из которых преследует собственные цели и может «выражать себя» через тексты определенного типа.

1) **Разработчики** ИИ сообщают о результатах своей деятельности коллегам-ученым в научных текстах (статьях, докладах). Эти тексты мы оставляем за рамками нашего анализа, поскольку они посвящены техническим вопросам

создания ИИ. Цель разработчиков — *создать сам объект*, работающий алгоритм, а не представления о нём.

2) **Исследователи-гуманитарии** пытаются *осмыслить и оценить* влияние нового явления (ИИ) на жизнь общества и общественные отношения. Свою точку зрения они транслируют также через научные тексты.

3) **Государство** создает правовую основу для регулирования отношений между человеком и ИИ. Если ещё в 2014 году шведский философ Ник Бостром констатировал отсутствие какого-либо внимания со стороны органов власти к области разработки ИИ и объяснял это неимением перспектив «взрывного развития» у данного направления [Бостром 2016: 140], то сейчас проблемам применения ИИ пытаются найти законодательное решение на государственном уровне. Так, в 2021 году в России был предложен законопроект, регулирующий отношения робота и человека [Газета.ru 2021¹], в Китае разработан Кодекс этики искусственного интеллекта [RG.RU 2021²]. Государство имеет целью *заставить* адресата (компании, чиновников, граждан) *действовать* определенным образом. Для достижения этой цели оно использует а) официально-деловые тексты (ГОСТ, концепции, стратегии развития различных отраслей); б) публицистические тексты (например, публичные выступления госслужащих).

4) **Предприниматели**, производящие продукты на основе ИИ, озадачены их продвижением. Представителям бизнеса необходимо *сформировать* у потенциальных покупателей нужные *представления* о новых технологиях, убедить общество в их пользе. Эту задачу позволяет выполнить публицистический текст.

5) **СМИ**, как известно, реализуют одновременно две функции: информационную и воздействующую. Преподнося факт тем или иным образом, интерпретируя его, СМИ *вливают на общественное мнение*. В зависимости от преследуемых целей, журналисты могут создать как привлекательный, так и отталкивающий образ ИИ.

---

¹ URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2021/12/20/n_17035183.shtml

² URL: <https://rg.ru/2021/10/04/v-kitae-vypustili-kodeks-eticheskikh-principov-dlia-iskusstvennogo-intellekta.html>

б) **Пользователи** (общество), во-первых, всегда находятся в позиции *наблюдателя* в описанных выше коммуникативных актах, во-вторых, имеют возможность занять активную общественную позицию в отношении ИИ и стать участниками публичных дискуссий.

Представим сказанное в виде таблицы.

Таблица 2. Участники общественного диалога по вопросам ИИ

	адресант	адресат	наблюдатель
Научные тексты	ученые	ученые	общество
Публицистические тексты	СМИ / государство / предприниматели	общество	общество
Официально-деловые тексты	государство	компании / госслужащие / общество	общество

Как следует из таблицы, вне зависимости от того, кем создано сообщение (текст) и кому оно адресовано, наблюдателем коммуникативного акта, связанного с обсуждением ИИ, является общество. Таким образом, тексты, посвященные проблемам ИИ, можно разделить на те, которые прямо или косвенно имеют целью склонить общественное мнение (наблюдателя) на сторону адептов ИИ — людей, активно поддерживающих идею внедрения новых технологий в различные сферы жизни, и тексты с противоположной целью. Даже если мы являемся наблюдателями публичной дискуссии между противником и адептом ИИ (где тот и другой одновременно являются и адресатом, и адресантом), следует понимать, что эта дискуссия направлена не на то, чтобы коммуниканты переубедили друг друга, а на то, чтобы «заставить» наблюдателей *думать определенным образом*. Исключение составляют официально-деловые тексты, которые в большей степени направлены на то, чтобы «заставить» адресата *действовать определенным образом*, поскольку документы, по выражению Ю.В. Рождественского, — это «тексты, управляющие действиями» [Рождественский 1970: 108].

Нынешняя эпоха постправды, когда «аналитические выводы и отдельные факты имеют меньшую убеждающую силу, чем готовые интерпретации» [Бикбаев 2020: 130], [Ростова 2018], когда образ объекта значит больше, чем сам объект, порождает большое количество соответствующих текстов. Содержащие в себе готовые интерпретации, эти тексты моделируют наше восприятие объекта, влияют на наши представления о нем. В особенности сказанное касается искусственного интеллекта, эмпирически пустой абстрактной сущности, не имеющей наглядности, «перцептивного образа» [Чернейко 2019]. Поэтому представляется важным проанализировать особенности речевой репрезентации ИИ в текстах разного типа. Лингвистическая информация, содержащаяся в них, в соотнесении с замыслом автора позволит ответить на вопрос, какие представления об ИИ они формируют.

Раздел 1. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Слова, используемые учёными для описания объекта исследования, существенно влияют на его понимание и представление. Так, один из основателей квантовой механики В. Гейзенберг, говоря о недостатках естественного языка, применяемого для научного описания, подчеркивает, что «он не является настолько точным языком, чтобы его можно было использовать для нормальных процессов логического вывода, этот язык вызывает в нашем мышлении образы, а одновременно с ними и чувство, что эти образы обладают недостаточно отчетливой связью с реальностью» [Гейзенберг 1989: 113]. Предлагая решение этой проблемы, учёный призывает применять язык с измененной логикой «как дополнение к обычному» языку [Там же: 117].

О важности выбора словаря для научного описания говорит и академик И.П. Павлов в лекциях «Об уме вообще, о русском уме в частности» [Павлов 1999]. Слова как «новые символы действительности» могут быть «неточными, неподходящими», могут «затемнить, исказить истину». Из-за них действительность может быть представлена «в ненадлежащем, неверном виде». Задачу познающего ума Павлов видит в том, чтобы при посредстве словесных сигналов «дойти до непосредственного видения действительности».

Настоящий раздел посвящен коммуникативно-грамматическому анализу научных текстов по проблемам искусственного интеллекта. Объектами анализа станут научные статьи, в которых обсуждаются вопросы использования ИИ в различных сферах, предпринимаются попытки осмыслить и оценить влияние ИИ на общественную жизнь. За рамками нашего исследования остаются статьи, написанные разработчиками искусственного интеллекта, поскольку они создают сам объект, а не моделируют наши представления о нём. Мы фокусируемся на анализе научных статей, так как именно этот жанр лежит в основе научной коммуникации, с его помощью происходит «представление результатов исследования для научной общественности», т.е. «передача научного содержания

знания от научного мышления одного человека к научному мышлению другого» [Гребенюк, Гусаренко 2015: 54, 121]. Этот тип научного текста также характеризуется относительно «открытой», «свободной», «мягкой» структурой [Троянская 1984: 58], а значит представляет исследователю больше возможностей для выражения модусных смыслов, т.е. тех, что позволяют говорящему передать свое отношение к высказываемому [Балли 1955; Шмелева 1984].

§ 1. Глагольные предикаты как средство создания образа ИИ

По замечанию Л.О. Чернейко, «и логические отношения стоящей за термином сущности, и её символика» выводятся посредством анализа «его употребления в научном тексте», в том числе посредством анализа «глагольно-атрибутивной сочетаемости» [Чернейко 2011]. Именно такая практика «способна стать опорой в лингвистической (и логической!) обработке научного объекта». В данном параграфе мы рассмотрим сочетаемость термина *искусственный интеллект* и синонимичных ему замен (*машина, технология, система ИИ, алгоритмы ИИ*) с глагольными предикатами. Мы сосредоточимся на анализе глаголов, поскольку 1) глагол является «морфологической основой категории предикативности» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 59-60]; 2) глагольная модель предложения в анализируемых текстах является наиболее востребованной в тех случаях, когда носителем предикативного признака выступает искусственный интеллект. Анализ лексического наполнения глагольной модели предложения позволит определить, какими признаками авторы научных текстов наделяют объект, обозначаемый данным терминологическим словосочетанием. За основу анализа мы возьмем семантическую классификацию глаголов, предложенную Г.А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

Согласно коммуникативной грамматике, в центре глагольной системы находятся пять основных семантических разрядов акциональных глаголов (физического, речевого, донативного, социального intersubъектного действия, а также глаголов перемещения), характеризующихся активностью и целенаправленностью действия, которое совершает лицо или живое существо.

Рассмотрим на примерах, какие из этих разрядов глаголов могут употребляться в роли предиката в тех конструкциях, где субъектом действия является ИИ и его технологии.

А) Глаголы конкретного физического действия часто сопровождаются модальными модификациями. Авторы используют показатели онтологической возможности (*может, способен*) [Падучева 2016], желая подчеркнуть, что интеллектуальным системам подвластны «чисто человеческие» физические действия, с которыми раньше могли справляться только люди.

(1) *Например, ИИ может утром **разбудить** и **раздвинуть** занавески, чтобы в комнате оказался солнечный свет... Более того, он **способен** обнаруживать сорняки и **выдергивать** их без вреда для растений... Компьютер с узконаправленным искусственным интеллектом **способен** обыграть чемпиона мира по шахматам, **припарковать** автомобиль или подобрать наиболее соответствующие запросу результаты в поисковой системе (Иоселиани, Цхададзе 2019).*

(2) *Машина **может** сама себя **чинить**, находить решения возникших проблем (Белоногова 2018).*

(3) *Система ИИ Google **рисует** с помощью запросов и ее картины — всего лишь образы, основанные на реальном понимании окружающего мира. (Елистратова, Киселева 2016).*

(4) *Искусственный интеллект **пишет** картины, сочиняет музыку, снимает фильмы и прогнозирует рост цен на товары (Баринов и др. 2020).*

Б) Глаголы речевого действия употребляются в тех контекстах, где сообщается о вступлении ИИ в коммуникацию с человеком. Примеры ниже показывают, что этот разряд глаголов представлен достаточно широко. Однако в исследуемом материале мы не обнаружили глаголы, характеризующие эмоциональность и акустические качества речи (например, *воскликнуть, кричать, бормотать* и т.д.). Это связано с тем, что ИИ посылает пользователю коммуникативные сигналы не с помощью звуков, а с помощью текстового сообщения на экране.

- (5) В систему вносится персонафицированная информация пациента, жалобы и симптомы, искусственный интеллект в случае необходимости **просит уточнить** информацию. На основе полученных данных ИИ **может подтвердить или опровергнуть** диагноз. После постановки диагноза система **дает рекомендации** по лечению конкретного пациента (Фершт и др. 2020).
- (6) Это технологии, которые на основе информации о профиле пользователя **предсказывают**, какие объекты (фильмы, музыка, книги, новости, вебсайты) будут ему интересны... Рекомендательная система на основе заранее собранных и обработанных данных **описывает** возможные пользовательские предпочтения... Когда ИИ **рекомендует**, какой новый телесериал будет для нас наиболее интересен, или **сообщает** банку, стоит ли предоставить ссуду определенному человеку (Харитоновна и др. 2021).
- (7) Например, в случае отклонения педагога от запланированной темы занятия, ИИ **может подсказать** ему вернуться к ней; если речь педагога слишком быстрая, вследствие чего обучающийся не успевает усвоить материал, ИИ **рекомендует** преподавателю снизить темп (Уджуху, Мешвез 2021).
- (8) Ученые из Ратгерского университета лаборатории Facebook's AI создали систему, в которой две нейронные сети взаимодействуют друг с другом как оппоненты — одна сеть **предлагает решение**, а другая его **критикует** (Соменков 2019).
- (9) Уже сегодня эти системы **могут рисовать, говорить, распознавать** рукописный текст (Елистратова, Киселева 2016).
- В) Глаголы донативного действия, описывающие работу ИИ с информацией, являются частью терминосистемы, используемой учеными и при описании работы человеческого мозга, который тоже *передает* сигналы и *получает* информацию. Таким образом, в научных текстах имеет место «взаимная метафора», связанная с биологизацией компьютера и дебиологизацией человека/человеческого мозга [Клементьева 2022а, 2023б].
- (10) Алгоритмы на основе ИИ выявили отклонения в фото и **направили** данные в службу безопасности (Баринов и др. 2020)

- (11) *Поскольку ИИ не имеет ни глаз, ни ушей, ему нужно добавить камеры и устройства радиолокации и лазерной локации (LIDAR), с помощью которых ИИ **получает** данные и пытается предсказать, какие будут дальнейшие действия человека (Куделя 2021).*
- (12) *Система **получает** данные из комментариев в интранете компании, а также обратной связи по опросам сотрудников (Блинникова, Йинг 2020).*
- (13) *Чем больше пользовательских данных **собирает** платформа, тем больше у нее информации о том, как будет действовать пользователь... Теперь устройства самих граждан **собирают** большую часть данных, которые государственные службы используют для наблюдения за ними (Климович 2021).*

Г) Глаголы социального интерсубъектного действия редко используются для обозначения действия, совершаемого ИИ. Мы обнаружили лишь несколько таких примеров, где ИИ вступает в межличностные отношения с людьми.

- (14) *ИИ в виде роботов становится компаньоном для одиноких пенсионеров и **конкурирует** с квалифицированными специалистами в точности постановки клинических диагнозов, а также в проведении сложных хирургических вмешательств (Ермакова, Ковязин 2020).*
- (15) *В данной статье будет описано, как разные компании применяют данную технологию, как она **взаимодействует** с людьми, что будет в случае внедрения, какие нюансы необходимо учитывать (Мажей, Свищёв 2021).*

Гораздо чаще глаголы из этого разряда употребляются в тех предложениях, где на месте подлежащего находится человек. Людям «предлагается» в новых условиях взаимодействовать с ИИ и даже бороться. Это может свидетельствовать о том, что, по мнению авторов научных статей, люди в новом технологическом мире занимают более слабую позицию. В новой реальности человек вынужден выстраивать отношения с ИИ как с отдельным субъектом.

- (16) *Актуальность исследуемой проблемы обусловлена... отсутствием достаточного количества нормативных актов, регулирующих деятельность*

человека в тех сферах, где **он** напрямую **конкурирует** с миром автоматизированных механизмов (Певцова 2020).

- (17) При использовании ИКТ на занятиях по иностранному языку **студенты** в некоторых видах данных технологий **взаимодействуют** с ИИ (Исламов 2020).
- (18) Новый антропологический тип цифрового человека — «человек подключенный и достроенный» — обитает во многих реальностях и **взаимодействует** уже и с неживыми системами (чат-ботами, бытовыми роботами и др.) (Солдатова, Войскунский 2021).
- (19) Техника в будущем обретет форму ИИ, однако она будет не способна мыслить, а следовательно, определять идеальные цели. Для целеполагания технике нужен человек. **Человек «борется»** с техникой за контроль над разумом (Мишин, Шилько 2017).

Д) Глаголы перемещения используются только в рамках развернутой метафоры. Поскольку перемещение — действие потенциально наблюдаемое, а ИИ — феномен умозрительный, авторы научных текстов, объединяя их в одном высказывании, таким образом опредмечивают ИИ. «Метафорические предикаты раскрывают внерациональные представления индивида об абстрактных феноменах» [Диброва, Смирнова 2010: 177], которым в нашем случае является ИИ.

- (20) Цифровые технологии **интегрируются** в нашу когнитивную и социальную систему, определяя цифровое расширение (достройку) человека (Солдатова, Войскунский 2021).
- (21) ИИ **входит** и в те области, где его деятельность напрямую может затронуть жизнь и здоровье людей. Так, ИИ активно **внедряется** в сферу медицинских услуг (Соменков 2019).
- (22) Новые технологии **проникают** в медицину, педагогику, банковское дело и т.п. (Никифоров 2021).
- (23) ИИ прочно **вошёл** в нашу жизнь, буквально меняя реальность (Баринов и др. 2020).

Как показал анализ, авторы научных статей, говоря о действиях, совершаемых ИИ, используют все пять основных разрядов акциональных глаголов,

нарушая при этом вытекающую «из самой природы явлений» субъектно-предикатную взаимообусловленность [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 105]. Если «для акциональных предикатов, сообщающих о целенаправленном, намеренном действии, естественным будет субъект, представляющий лицо или одушевлённое существо», то для фнктивных предикатов — имена предметов [Там же: 106]. Таким образом, используя акциональные предикаты вместо возможных фнктивных, ученые уподобляют интеллектуальные системы человеку, одушевляют их.

Рассмотрим также сочетаемость термина «искусственный интеллект» с глаголами, которые находятся на периферии акционального класса ввиду снижения целенаправленности обозначаемого ими действия или отсутствия его наблюдаемости, но также представляют собой важный материал для выявления «стоящей за термином сущности» [Чернейко 2011].

Е) Ближе всего к глаголам действия примыкают глаголы деятельности, занятия, которые имеют признак активности и целенаправленности и обозначают постоянный или итеративный процесс.

(24) *Иногда данные, на которых **обучается** ИИ, поступают не от разработчиков, а от пользователей — людей, не имеющих отношения к созданию искусственного интеллекта* (Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. 2020).

(25) *ИИ **учится** заниматься творчеством, но почему же тогда молодое поколение проигрывает в креативности как старому поколению, так и современному искусственному интеллекту* (Гусаков 2021)?

(26) *ИИ **работает** лучше всего, когда он имеет хорошее количество вводных данных, доступных для него. Алгоритм становится качественным и **работает** хорошо, как растут соответствующее количество данные. Система искусственного интеллекта плохо **работает**, когда не вводится достаточное количество данных* (Ходжаева и др. 2021).

Отдельно отметим глагол *работать*, который при использовании с одушевленными именами передает значение деятельности, занятия, но, «сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивает значение действия, поскольку

неживые предметы действовать не могут» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 62], и превращается в глагол функционального значения. Так, в данных ниже примерах глагол *работать* явно является глаголом функциональным, о чем свидетельствует сопровождающая его синтаксема **на + Предл. пад.**, имеющая значение медиатива — «обозначения средства, способа существования предмета», условия его функционирования (ср. *работать на топливе*) [Золотова 1988: 329].

(27) *ИИ работает на основе нейросетей, которые имитируют строение и работу нейронов в мозге человека* (Андрянов 2022)

(28) *ИИ работает на основе самообучения, т.е. оператор, в свою очередь, сможет внести вклад в поведение робота* (Чекулаев, Цырульников 2020).

(29) *ИИ работает на основе компьютерного зрения и может работать с визуальным миром... Робототехника — это единство механической, электрической и компьютерной инженерии для создания машин, которые могут выполнять сложные задачи на основе заранее запрограммированных инструкций* (Березина и др. 2023).

Однако употребленный в следующем примере глагол *работать* отнести к функциональным нельзя. Сравнивая работу ИИ и человека, автор пресуппонирует, что «человек работает менее эффективно» (здесь *работать* является акциональным глаголом). Сравнение двух сущностей имеет смысл, когда есть единый критерий сравнения. Соответственно, в примере (30) — предикат акциональный. Синкретизм акционального и функционального значений, возникший в данном глаголе, оказался удобным средством для языковых манипуляций среди адептов ИИ.

(30) *Архитектурная система интеллектуального анализа данных ИИ работает более эффективно, чем человек* (Жандарова, Денисенко 2022).

Глаголы функционального значения, сообщающие об «исправном/неисправном функционировании предметов-артефактов, механических устройств» (ср. *Телевизор работает, Нож режет*) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 61-62], также используются при наделении ИИ предикативным признаком. Выбор предиката (акционального или неакционального функционального) зависит от цели

говорящего — представить ИИ или как механическое устройство, или как антропоморфный объект.

(31) *ИИ функционирует в режиме «черного ящика», когда внутренне устройство и механизм работы системы настолько сложны, что недоступны для человеческого понимания... Такие системы могут функционировать обособленно и принимать решения без вмешательства человека* (Балалаева 2022).

Ж) В анализируемом материале широко представлена группа глаголов ментального действия, что связано со спецификой самого явления, обозначаемого термином «искусственный интеллект». Согласно определению, которое мы приводили в Главе 1, ИИ — это «научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными, а также свойство интеллектуальных систем выполнять функции, например, творческие, которые традиционно считаются прерогативой человека» [Толковый словарь по искусственному интеллекту 1992: 38-39]. Представленные ниже контексты иллюстрируют, что ИИ не просто успешно имитирует/воспроизводит когнитивные свойства и функции человека, но часто справляется с ментальными операциями быстрее и качественнее (*быстро «понимает», запомнит раз и навсегда*).

(32) *Уже сейчас ИИ используется для того, чтобы предотвращать пробки. Для этого он в режиме реального времени собирает информацию со светофоров, анализирует расстояние между машинами, имеющиеся аварии и анализирует ее для улучшения дорожно-транспортной ситуации* (Иоселиани, Цхададзе 2019).

(33) *ИИ самостоятельно принимает решения, человек только обслуживает, администрирует, т.е. человек в данном случае подчиняется ИИ* (Белоногова 2018).

(34) *ИИ способен быстро формировать медицинские формулы и назначать лечение* (Фершт и др. 2020).

- (35) *Для того, чтобы любое знание напрочь засело в голове человека и не забылось, необходимо повторять нужную информацию в течение 3-4 дней, а затем хотя бы раз в 1,5 месяца освежать его в памяти хоть в косвенной форме. ИИ запомнит раз и навсегда* (Иоселиани 2019).
- (36) *В противоположность автономному, подчиненный ИИ решает интеллектуальные задачи, ранее решавшиеся только человеком. Эти системы автоматизируют некоторые интеллектуальные функции и решают ситуативные задачи* (Шапсугова 2019).
- (37) *ИИ может предсказать вероятность выполнения узлом сети определенных задач майнинга-21* (Морхат 2018).
- (38) *ИИ быстро «понимает», чего хочет человек, и дополняет изначальную идею огромным количеством деталей* (Шапиева 2021).

3) Для обозначения действий ИИ также используются глаголы восприятия, поскольку интеллектуальная система действует исходя из имеющейся у нее информации, которую нужно сначала получить, а сделать это можно посредством восприятия. Однако этот разряд глаголов представлен не так широко. Примеры ниже показывают, что ИИ способен *воспринимать* объекты окружающего мира, а основной канал восприятия — зрительный. Нами не были найдены примеры, иллюстрирующие поступление информации к ИИ через другие каналы (к примеру, *осознать, слышать*).

- (39) *Данные, которые мы используем для обучения ИИ, отражаются на том, как ИИ воспринимает мир и как он себя ведет* (Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. 2020)
- (40) *Может ли ИИ воспринять некий объект действительности и если да, то как? На этот вопрос можно с уверенностью ответить, что да — может. В качестве примера мы можем использовать ИИ, существующий в системе автопилота, например, в автомобиле Tesla. Автопилот с помощью неких чувствительных модулей **воспринимает** множество объектов действительности* (Соболев, Потапова 2020).

(41) *Ученые добились того, что система ИИ способна увидеть образы и формы даже там, где их нет, например, как мы видим животных в облаках* (Елистратова, Киселева 2016).

(42) *Компания Яндекс не может их предоставить по пользователям, поскольку система **видит** не конкретных людей, отправляющих запросы, а только устройства, браузеры, приложения, с которых люди выходят в интернет* (Забокрицкая, Орешкина 2021).

По понятной причине в исследуемом материале мы не обнаружили глаголы физиологического действия (*есть, пить*). ИИ не является частью живой природы, поэтому ему не нужно совершать действия, направленные на поддержание существования живого организма. Отсутствие предикатов, обозначающих эмоциональное состояние (*злиться, паниковать*) мы связываем с тем, что для успешного функционирования механизм (даже имеющий антропоморфные черты) не должен испытывать эмоции и демонстрировать пользователю особенности поведения, поскольку те могут помешать его работе.

В коммуникативной грамматике также разграничиваются глаголы констатирующие (сообщающие непосредственно о фактах) и интерпретирующие (имеющие в семантическом составе оценочный компонент) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 62]. И те, и другие могут относиться к разным разрядам и классам. Рассмотренные выше примеры иллюстрируют преимущественно использование констатирующих глаголов. Как нами уже было отмечено, их употребление направлено на создание антропоморфного образа ИИ, который успешно справляется с поставленными задачами. Однако в научных текстах, посвященных ИИ, довольно часто употребляется и интерпретирующие глаголы, что в целом противоречит канонам научного стиля и критерию «бессубъективности» [Васильева 1976: 45]. Согласно А.Н. Васильевой, оценочность и эмоциональность свойственны научной речи в том случае, когда научное сообщение направлено не на «констатацию объективно существующего», а на «утверждение новых истин», когда ученый выступает не как «констататор научных истин», а «как их пропагандист» [Там же: 44].

«Интерпретация и оценка возникают обычно при известной дистанцированности от эмпирически наблюдаемого, при взгляде «назад», в ретроспективу, допускающем момент некоторого обобщения, осмысления» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 62]. Примеры, приведенные ниже, иллюстрируют попытки научного осмысления ИИ и результатов его деятельности. Контексты демонстрируют, что интерпретирующие глаголы могут участвовать в создании как положительного, идеального образа ИИ (43–45), так и отрицательного, угрожающего человеку и человечеству (46–51).

(43) *И в этом смысле технологизация в виде цифровизации и ИИ все больше **освобождают** человека от изнурительного труда, **насыщают** его знаниями и навыками, видоизменяют среду и сферу общения, предоставляют новые возможности для эффективного использования растущего свободного времени (Пороховский 2021).*

(44) *ИИ уже сейчас **помогает** нам автоматически определять язык написания и переводить профессиональные тексты, может написать стихи определенного жанра и на заданную тему, создать новостные заметки и статьи, сочинить рассказы и даже романы (Баринов 2022).*

(45) *ИИ **умнеет**, а люди, к сожалению, деградируют... Есть просто навыки выполнения работ или решения задач, которые **берет на себя ИИ, не допуская** субъективных **ошибок, не требуя** к себе особого внимания и **не рассчитывая** на повышение заработной платы (Гусаков 2021).*

(46) *Экспансия ИИ **угрожает** самой основе человеческой цивилизации, **вытесняя** человека из созданного им самим мира (Мамедова 2021).*

(47) *ИИ **быстро вторгается** в сферу управления человеческими ресурсами Китая, где он используется для отбора резюме, уменьшения количества ошибок «неправильного найма» (Чжан Чжэнчи, Ян Мэнсюэ 2022).*

(48) *ИИ **вытесняет** человека из областей, считающихся интеллектуальными: юристы, бухгалтеры и т.д. (Малинина 2018).*

(49) *ИИ **вытесняет** интеллект человека все больше с каждым годом (Резникова и др. 2022).*

(50) *ИИ может поработить нас и начать править миром* (Емцев 2016).

(51) *Технологии начинают вымывать из производства людей. Нейросети устраняют не только офисных служащих, рабочих на предприятиях, продавцов, водителей, программистов, но и музыкантов, художников, журналистов и др.* (Гусаков 2021).

Анализ глагольных предикатов, используемых авторами научных текстов при описании действий, совершаемых ИИ, позволил прийти к следующим выводам.

1) Все пять разрядов акциональных глаголов, составляющих ядро глагольной системы, используются авторами научных статей в качестве предикатирующих компонентов в тех предложениях, где носителями предикативных признаков являются ИИ и цифровые технологии. При этом глаголы intersubjectного действия употребляются реже всего, что объясняется исходной целью создания ИИ: он, согласно замыслу разработчиков, прежде всего должен успешно справляться с поставленными задачами, а не выстраивать отношения с людьми. Из разрядов, расположенных на периферии акционального подкласса, мы не обнаружили глаголы физиологического и эмоционального действия. Хотя проанализированные примеры демонстрируют представление ИИ как одушевленного, активнодействующего существа, классификация действий ИИ не полностью совпадает с классификацией действий человека. Авторы приписывают ИИ только релевантные своим коммуникативным целям предикативные признаки.

2) Активное использование глаголов конкретных категориальных лексико-грамматических значений в научных текстах по проблемам ИИ противоречит общепринятому убеждению о том, что глаголы в научной речи в большинстве своем «лексически неполноценны», т.е. выполняют служебные или полуслужебные функции: являются связками между объектами-понятиями, между признаками объекта-понятия или между объектом и признаком (*может служить, носит характер*) [Васильева 1976: 116]. Проведенный нами анализ свидетельствует об обратном. Глаголы с конкретным лексическим значением в исследованном нами материале представлены во всем многообразии.

3) Многие глаголы, обозначающие действия ИИ, метафоричны. А.Н. Васильева замечает, что познающий ум прибегает к метафорическим средствам тогда, когда для обозначения сущностных свойств исследуемого явления «понятийно-терминологического обозначения еще нет» [Васильева 1976: 43]. При этом автор научного текста может «сигнализировать» о нестандартном употреблении слова, заключив его в кавычки или сопроводив модусным элементом (*так сказать, образно говоря* и др.). Из 51 примера, которые были приведены нами в этом параграфе, только 2 содержат кавычки (*человек «борется» с техникой, ИИ «понимает»*) и ни один не включает в себя какую-либо модусную рамку.

Это говорит о том, что в остальных 49 примерах имеет место метафора не образная, а когнитивная (предикатная), основное назначение которой — создавать новые значения: «Из средств создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений», становится «источником лексики, обслуживающей мир событий и абстрактных понятий, конструируемых человеком» [Арутюнова 1978: 336-337]. Л.О. Чернейко пишет, что «когнитивная метафора грамматически обязательна для введения абстрактного понятия в рассуждение (обсуждение)» [Чернейко 2021: 14]. Причина этой обязательности «состоит в необходимости приписать абстрактному имени (АИ) предикат», поскольку оно собственных предикатов не имеет [Там же: 9]. Таким образом, метафорические предикаты, приписываемые ИИ, позволяют ученым осмыслять новый феномен, «осваивать» его, делать наглядным.

4) Приписывание абстрактному понятию, не имеющему реального референта, акциональных свойств оценивается нами как технология манипуляции, которую Л. Витгенштейн называл «околдовыванием» разума средствами языка, Г. Райл — «дезорентирующей» возможностью языка, а Р. Рорти обозначил «гипостазированием» [Рорти 1991: 122]. Под гипостазированием понимают опредмечивание абстрактных сущностей, приписывание им реального, предметного существования [Микешина 2012: 34]. Гипостазирование имеет место тогда, когда «возникает проблема существования, действительного и недействительного, идеального предмета, где объект познания непосредственно не

наблюдаем», «когда с помощью слов — частей речи происходит членение человеком мира, окружающей его действительности, ее классификация и категоризация»; «язык, его грамматические формы могут «предписывать и гипостазировать неоднозначные — близкие или далекие от “положения дел” — содержательные смыслы» [Микешина 2016: 79-80]. Итак, акциональные предикаты, приписываемые абстрактному феномену, позволяют его гипостазировать, опредмечивать.

§2. Тактика формирования образа ИИ в научной статье по философии

В этом и следующем параграфах мы намерены применить коммуникативно-грамматический подход, основы которого были изложены в Главе 1, к анализу современных научных статей, посвященных искусственному интеллекту. В данном параграфе объектом анализа станет статья по философии авторства академика В.Г. Гусакова «Искусственный и человеческий интеллект: что лучше?» (Гусаков 2021). Мы последовательно рассмотрим несколько наиболее показательных фрагментов из этой статьи, чтобы определить, в чем состоят коммуникативные намерения автора, посредством каких языковых средств эти намерения реализуются.

(52) *Мы как-то не заметили, как в последнее время «Большая пятерка» — Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft — начали управлять нашими желаниями и интересами с помощью новейших смартфонов и цифровых технологий. В глобальную цифровизацию и интеллектуализацию вкладывают огромные миллиарды долларов, и руководят этим не отдельные государства, даже самые мощные, а отдельные личности, сумевшие создать свои «империи» искусственного интеллекта.*

Перед нами начало статьи, где автор обозначает проблемную ситуацию, называя её основных участников: *мы* (общество), *отдельные личности* (создатели империй ИИ), *цифровые технологии*. «Человеческое» (*мы*), изначально занимавшее место подлежащего, позицию субъекта действия, уступает его «Большой пятерке» (технологическим компаниям) и перемещается на место объекта (*управлять*

нашими желаниями и интересами). Технологии находятся в позиции инструмента (с помощью смартфонов и технологий), которым совершают действия крупные компании. Перфективные и имперфективные глаголы создают информативную экспозицию.

(53) В самом начале текущего века **человечество оказалось перед лицом новой реальности: Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0), которая обещает не только прогресс, но и противоречивое будущее. Общество ускоренно трансформируется, причем фундаментальным образом. Но что мы знаем о последствиях? Почти ничего. Все приходится осознавать по ходу так называемого планетарного эксперимента. Цифровые технологии, сквозная информатизация и роботизация, искусственный интеллект вместо человеческого — прекрасно. Но они призваны также коренным образом поменять среду нашего обитания, а в конечном счете и самих людей... Нарастает ощущение неопределенности, люди становятся отчужденными, а отношения между ними формальными. Многие в сущности до сих пор не понимают, что, собственно, происходит, как изменяется общество и в чем его перспективы. Вместе с тем почти не видно тех, кто бы всерьез был озабочен последствиями тотальной трансформации информационной среды и влияния на человека непрерывно усиливающихся информационных технологий. Все развивается как бы стремительно, но инерционно.**

Следующий фрагмент перемещает нас из прошлого в настоящее: мы наблюдаем резкое переключение событийной линии T₂ (человечество оказалось перед лицом) на перцептивную линию T₃ (общество трансформируется). Говорящий в информативном регистре начинает фиксировать актуальные процессы, как бы поднимаясь над происходящим. Имперфективно-процессуальные предикаты описывают действия в их протяженности (изменяется, трансформируется, нарастает, происходит, становятся, развивается). Предикаты на -ся называют стихийные, не зависящие от воли человека процессы, которые происходят как с людьми (общество изменяется), так и с цифровыми технологиями (усиливающихся технологий). В изменившемся мире все происходит

инерционно. Человечество автор представляет как безликую массу (*человечество, общество, люди, многие*), из которой *не видно* (перцептивный модус) конкретных людей. Ощущение стремительности происходящего передают наречия: *ускоренно, стремительно, непрерывно*. Если в первом отрывке *технологии* занимали позицию инструмента, то здесь мы обнаруживаем их на позиции агенса — одушевленного участника ситуации, который «контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие» [ЛЭС]. Технологии обретают самостоятельность, способность влиять на людей (*влияние на человека усиливающихся технологий*). Третий участник происходящего, которого мы наблюдали в первом отрывке (создатели империй ИИ), здесь уже не назван, но легко эксплицируется из основы предложения (*они [технологии и искусственный интеллект] призваны поменять*). Очевидно, что *призваны* — кем-то.

(54) *Так, мини-компьютеры* величиной меньше, чем клетка любого организма, *будут* перемещаться внутри человеческого тела по заданным направлениям и *совершать* необходимые операции. Ученые уже *работают над гибридными роботами* на основе реконструированной ДНК, синтетических белков и других искусственных материалов. Эти *нанороботы* будут управляться *программными средствами* и обеспечивать защиту каждой клетки организма от болезней. Кстати, ученые из Университета Райса высказали идею, что таким образом *нанотехнологии* буквально будут «взламывать» и «высверливать» мембраны чужеродных и вредоносных клеток. Предполагается, что *нанороботы* станут обладать избирательностью и *атаковать* только больные клетки, не повреждая здоровые.

В отрывке (54) автор изображает картину будущего. Имперфективы, используемые в узуально-характеризующей функции, позволяют говорящему дистанцироваться во времени и представить действия будущих роботов «как обычные занятия, умения, характеристики» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27]. Посредством предикации говорящий приписывает технологическим устройствам признаки то человека (*будут «взламывать» и «высверливать»*), то компьютера (*будут совершать операции*), то животного (*будут атаковать*).

Роботы, бывшие сначала объектом действия ученых, переходят во властвование программных средств (*ученые работают над роботами → эти наноустройства будут управляться программными средствами*). Так человек, создавший устройство, исключается из отношений с ним.

(55) *Не потребуется ни театров, ни стадионов, ни шумных концертных площадок. Вся инфраструктура развлечений с соответствующими впечатлениями придет сама в дом. Стремиться в большие города будет бессмысленно. Произойдет обратная тенденция — дезурбанизация. А оказавшись в собственном доме, где все, что нужно для работы, общения и развлечений, будет на месте, вряд ли захочется куда-либо перемещаться.*

Продолжая изображать утопию будущего (55), автор использует ряд инволютивных предложений, объединенных общим значением — «независимость предикативного признака от воли субъекта» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 124]. Говорящий представляет отношения к действиям в «бессубъектном» виде, опуская имя лица (*не потребуется, вряд ли захочется, будет бессмысленно стремиться*). Люди теряют свои «сильные» позиции в новом технологическом мире. Неживые сущности, напротив, обретают самостоятельность, волевое начало, становятся субъектами предикаций с глаголами действия (*инфраструктура сама придет в дом*).

(56) *Пока еще люди задают цифровые параметры вещей, сообщая им свои запросы и потребности. Но уже идут разработки таких «вещей», куда вкладывается интеллект, которые сами будут выходить на контакт с людьми, выполнять их желания и совершать действия, чтобы человек остался доволен. «Умные вещи» начнут взаимодействовать между собой, у них будут свои «социальные сети», где будет происходить накопление информации, а также осуществляться управление их потребительскими качествами.*

Во фрагменте (56) прослеживается явная взаимозависимость темпоральных форм и предикатируемого компонента (субъекта). Движение по оси T_2 (от настоящего к будущему) сопровождается последовательной сменой субъектов. 1) *Люди задают параметры* — предикат выражен формой настоящего времени, личный субъект

занимает позицию подлежащего. 2) *Идут разработки, вкладывается интеллект* — форма настоящего времени остается, но субъект действия уже опущен. 3) (*[Вещи] будут выходить на контакт, начнут взаимодействовать* — предметные субъекты сопровождают предикаты, выраженные глаголами будущего времени. Как мы видим, каждому времени соответствует свой субъект. Настоящему — личный, будущему — предметный. Примечательно также, что вещи начинают вступать в интерсубъектные отношения не только с людьми (*будут выходить на контакт с людьми*), но и друг с другом (*начнут взаимодействовать между собой*).

(57) *Информационная (цифровая) техника перестанет зависеть от людей, исчезнет возможность управления ею. Она возьмет управление всем бытием на себя и будет представлять собой новую реальность или новое бытие. Вопрос в том, что слияние человека с искусственным интеллектом — это, по большому счету, слияние человеческого разума со Всеобщим Цифровым (Расчетным) Разумом, и, вполне вероятно, он просто поглотит человека... Сегодня человеческий разум даже не представляет последствий, что можно ждать от Вселенского искусственного разума, который будет превышать суммарный человеческий в миллиарды раз. В любом случае человеку придется сильно измениться, чтобы соответствовать машинам.*

В отрывке (57) искусственный интеллект приобретает ещё большую самостоятельность, перестает иметь отношение к человеку (*перестанет зависеть*). По линии прямой / косвенный падеж субъекта прослеживается ослабление волевого начала у человека (*человеку придется измениться*) и усиление — у искусственного разума (*[техника, цифровой разум] возьмет управление, поглотит человека*). Устрашающий образ ИИ говорящему помогает создать ряд интенсифицирующих средств: (*управление всем бытием, Всеобщий Разум, Вселенский разум, превышать в миллиарды раз*).

(58) *Человек становится более примитивным, и это уже заметно. Дети теперь гораздо хуже справляются не только с математическими, но и с простыми бытовыми задачами, по сравнению с детьми 50-80-х гг. Они переполнены ненужной информацией, смысл которой не могут объяснить.*

*Информпорталы называют это креативностью, что современный человек якобы способен творить с помощью компьютера. Но это творчество лишено души и духа. Да, искусственный интеллект учится заниматься творчеством, но почему же тогда молодое поколение **проигрывает** в креативности как старому поколению, так и современному искусственному интеллекту?*

Фрагмент (58) демонстрирует то, что философ С.С. Хоружий назвал «игрой на понижение Человека» [Хоружий 2008: 30]. Автор сравнивает современных подростков со взрослым поколением и с ИИ, используя компаративные конструкции, включающие и сравнительно-сопоставительные предикаты — глагольные (*молодое поколение **проигрывает***) и адъективные (*человек становится **более примитивным***). Так в тексте реализуется антитеза: несовершенный человек — совершенный ИИ.

(59) *Технологии начинают вымывать из производства людей. Нейросети устраняют не только офисных служащих, рабочих на предприятиях, продавцов, водителей, программистов, но и музыкантов, художников, журналистов и др. Это гонка между равнодушным человеком и суперцифровизацией.*

Если в предыдущих фрагментах глагольные предикаты, обозначающие целенаправленные действия ИИ, употреблялись в будущем времени, то в отрывке (59) такие действия происходят в настоящем актуальном. Не случайно первый предикат сопровождается фазисной модификацией (*технологии **начинают вымывать***), что как бы сигнализирует о наступлении будущего. Люди (даже целые группы людей, объединенных одной профессией) продолжают оставаться объектами действий интеллектуальных машин (*нейросети устраняют водителей, музыкантов*).

(60) *Впервые в истории человечества **оружие** под названием «искусственный интеллект» отделилось от своего субъекта и вошло в виртуальное пространство под названием цифровых технологий. Эта субстанция уже не принадлежит какому-то отдельному человеку, а существует вне контроля индивидуального пользователя.*

Фрагмент (60) интересен тем, что в нем автор эксплицирует то, что мы отмечали при анализе субъектно-объектных отношений в отрывках (54) и (56): ИИ из объекта человеческих действий превращается в самостоятельный субъект. Обратим внимание, какую устрашающую номинацию для ИИ выбирает автор. Он фактически ставит знак равно между *оружием* и искусственным интеллектом.

(61) *Все, что нам сейчас необходимо, это начинать думать. Надо хорошо осознавать механизмы нашего собственного мышления и заставить себя работать — умственно и физически. Важно быстрее избавиться от призрачных надежд, определить законы и закономерности, определяющие объективную реальность, и упорно работать над повышением своих умственных способностей.*

Автор заканчивает статью в волюнтивном регистре, призывая адресатов (и наблюдателей) к активным действиям — ментальным (*думать, осознавать*) и физическим (*работать*). Показатели онтологической необходимости (*необходимо, надо, важно*) явно выражают авторскую интенцию, имеющую отношение к общей стратегии текста, — побудить человека к «акциональности».

Итак, анализ позволил выявить в тексте следующие тактические приемы:

А) Последовательное перемещение во времени: от прошлого через настоящее к будущему. Такая тактика дает автору возможность представить события, связанные с цифровизацией, в их причинно-следственной связи.

Б) Особая организация субъектного плана текста, направленная на акционализацию ИИ и деакционализацию человека. Предметный субъект чаще занимает место подлежащего, а личный выражается либо косвенным падежом, либо вовсе опускается.

В) Взаимозависимость выбора субъекта и глагольного времени. Почти всегда предметные субъекты соответствуют предикатам, выраженным формами будущего времени, личные — предикатам, выраженными формой настоящего времени. Это позволяет автору конструировать образ будущего, в котором усилится роль технологий и ослабнет роль человека.

Таким образом, стратегия автора рассмотренной статьи состоит в том, чтобы создать отпугивающий образ будущего, с самостоятельно действующим искусственным интеллектом и безвольными людьми-марионетками, находящимися у него в подчинении. Картина нового мира, по замыслу автора, должна способствовать побуждению людей к «акционализации», которая не позволит допустить полного подчинения искусственному разуму.

§ 3. Тактика формирования образа ИИ в научной статье по педагогике

Следующим объектом нашего анализа будет статья С.П. Елшанского «Школа будущего: может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения?» (Елшанский 2021), посвященная вопросам внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс и содержащая богатый материал для выявления особенностей создаваемого образа искусственного интеллекта.

(62) *При существующей системе обучения учебные знания плохо сохраняются.*

Часто после запечатления учебной информации происходит временное её сохранение в течение нескольких дней, недель или «до экзамена», потом же происходит частичное или полное стирание, знание не фиксируется в долговременной памяти... Из-за этого эффективность обучения становится крайне низкой. Возможными причинами несохранения учебного знания в долговременной памяти являются атрибуция психическими механизмами обработки информации этому знанию неактуальности, ненужности, а также то, что у сегодняшнего человека значительные ресурсы мозга направлены на обработку многочисленных информационных потоков, и поскольку мнемические ресурсы не бесконечны, учебное знание попросту «теряется» в этих потоках.

Отрывок, написанный в информативном регистре, погружает нас в сферу знаний говорящего, полученных в результате мыслительных операций. Автор говорит о быстрой утрате полученных знаний как о проблеме современного образования (*при существующей системе обучения* — комитатив, обозначающий

сопутствующее действие или состояние, наличие которого служит характеристикой предикативного признака [Золотова 1988: 343]). Фрагмент отличает обилие свернутых предикаций (*обучение, сохранение, несохранение, стирание, обработка*) и объектно-пассивных конструкций с глаголами на *-ся* (*знание не фиксируется, плохо сохраняется, теряется*). Субъект предикаций не эксплицирован, хотя речь идет о главном и активнейшем участнике образовательных отношений — ученике. Работа человеческой памяти описывается как работа компьютера: *сохранение и стирание информации, обработка информационных потоков*. Здесь имеет место «инверсированная» метафора, связанная с дебиологизацией человека: «мы сталкиваемся с настойчивыми утверждениями, что человеческая память — это всего лишь менее совершенный вариант компьютерной памяти», хотя «мозг работает не с информацией в компьютерном понимании этого слова, а со *смыслом*, или *значением*» [Роуз 1995: 96, 109].

(63) *С помощью средств искусственного интеллекта может быть реализован контроль сохранности запомненного знания, анализ того, какое знание у конкретного человека долговременно сохраняется, а какое — нет, прогноз сохранения усвоенного знания, подбор индивидуальных методов эффективного долговременного запоминания, контроль осмысления запоминаемого <...>, организовано повторение знаний, в отношении которых обнаружены признаки несохранности.*

В отрывке (63) автор предлагает использовать искусственный интеллект в качестве инструмента (синтаксема *с помощью*) для решения обозначенной им проблемы. Говорящий использует уже другую разновидность объектно-пассивных конструкций, в которых предикат выражен кратким страдательным причастием: *контроль/прогноз/подбор может быть реализован, повторение организовано, признаки обнаружены*. Эти конструкции в свою очередь включают в себя номинализованные предикации (*контроль, прогноз, подбор, повторение*). В обеих предикациях субъект не эксплицирован. Известно, что пассивные конструкции с незаполненной агенсной позицией в целом характерны для научной речи, где «в центре сообщения находится, как правило, не указание на людей, получивших

некоторые результаты, а сами результаты» [Болинджер 1998: 33]. Однако в примере (65) мы увидим, что в аналогичных конструкциях позиция агенса будет заполнена (*ядро может быть задано человеком, определено экспертами*). Это еще раз подтверждает мысль о том, что «возможность назвать или не называть субъект свернутой предикации — в руках говорящего» [Сидорова 2022: 33]. Об этом пишет Р.М. Блакар: «Каждый раз, когда мы хотим «нечто» выразить, мы должны выбрать между несколькими альтернативно возможными способами, которыми это “нечто” может быть выражено»; «выбор [активной и пассивной] форм может также отражать точку зрения от интересов отправителя» [Блакар 1998: 93, 107].

(64) *Искусственный интеллект может отслеживать и оценивать влияние цифровизации на долговременное хранение учебного знания, в частности **определять** связь забывания с какими-то параметрами использования гаджетов... **Умные цифровые системы смогут вовремя выявить потерю учебного знания, **предложить** повторение или обучение эффективным методам запоминания, тренировку памяти, **подобрать** индивидуальный вариант эффективного развития когнитивной сферы для того, чтобы успешно сохранить усвоенное «пройденное». Также **интеллектуальная система сможет отслеживать** мешающее учебе (соответственно, и эффективной работе учебных когнитивных механизмов) неучебное использование гаджетов и **информировать** об этом учителя или самого ученика.***

В примере (64) ИИ становится агенсом, его ранг повышается: он начинает занимать позицию подлежащего, обладающего, согласно М.В. Всеволодовой, «наиболее высоким коммуникативным рангом» [Всеволодова 1989: 23]. Действия ИИ обозначаются глаголами речемыслительной деятельности (ИИ может *отслеживать, оценивать, предложить, информировать*). В этом отрывке и последующих предикаты, обозначающие действия ИИ подвергаются модальной модификации (*ИИ может, системы смогут* и др.). Таким образом говорящий представляет действия ИИ как онтологически возможные. Предикации, «обслуживающие» сферу человека, свернуты, номинализированы (*хранение, забывание, потеря* знания; *повторение, обучение* методам *запоминания,*

использование гаджетов). Важнейшие участники образовательных отношений — учитель и ученик — занимают место объектов действий интеллектуальной системы (интеллектуальная система сможет информировать учителя и ученика).

(65) Система искусственного интеллекта может осуществлять контроль сохранности семантического «ядра», которое может или быть задано ему человеком (определено экспертами, например, на основе базовых понятий дисциплины), или могут быть разработаны алгоритмы, с помощью которых **искусственный интеллект сможет сам выделять** такое «ядро» (при этом реализация данной возможности выступает отдельной задачей в области искусственного интеллекта). Для контроля и анализа сохранности и необходимого развития семантической базы дисциплины **система искусственного интеллекта может использовать анализ** учебной речи ученика (интеллектуальный семантический анализ учебной речи). Анализируя то, как ученик использует слова (значения) семантической базы, **система сможет выделить пробелы и предложит** дополнительные занятия, **информировать учителя** о существующих учебных проблемах.

Во фрагменте (65) при пяти предикатах, обозначающих действия искусственного интеллекта, субъект выражен формой Имен. пад. (система может осуществлять контроль, использовать, выделить, предложит информировать; ИИ сможет выделять). При предикатах, называющих действия человека, один раз субъект выражен формой Имен. пад. (ученик использует), два раза — формой Твор. пад. (задано человеком, определено экспертами), один раз вовсе не назван (разработаны алгоритмы). Технологии наделяются интенциональностью, а волевое начало человека, напротив, начинает ослабевать. Хотя речь идет об обучении как о процессе межсубъектного взаимодействия, учитель из него как бы исключается, ему снова отводится лишь позиция объекта действий ИИ (система сможет информировать учителя).

(66) Таким образом, **искусственный интеллект поможет вовремя выявить** потерю или неувоенность обязательного базового знания по дисциплине, **предложит повторение** и способы тренировки когнитивной сферы для того,

чтобы эффективно сохранять усвоенное базовое «пройденное», или **система искусственного интеллекта может сама**, например в рамках образовательных чатботов, **осуществлять** такую **тренировку** ученика или повторение.

В примере (66) мы вновь наблюдаем превращение ИИ из помощника (*ИИ поможет выявить* — полипредикативная конструкция, для предиката *выявить*, обозначающего действия человека, субъект не назван) в активноедействующий субъект (*система ИИ может осуществлять тренировку*). При предикатах, называющих действия людей, субъект не эксплицирован (*потеря, повторение, неусвоенность*). Таким образом, невыраженность личного субъекта становится явной тенденцией анализируемого текста.

(67) *Системы искусственного интеллекта можно применять* для контроля внимания ученика на уроке. Например, с помощью анализа движений взгляда, которые предоставляет современная окулография, **можно отслеживать**, куда он смотрит — на учителя, в окно или в свой гаджет и т.п. При этом **система может подстраиваться** под определенное учебное место, физические параметры ученика и т.д. Также с помощью термографии и других дистанционных психофизиологических каналов анализа эмоционального состояния **можно контролировать** изменения психического состояния ученика, **определять**, может ли он в данном состоянии сосредоточиться на учебном процессе или нет, **информировать** его о потере учебного внимания (например, с помощью смарт-браслета), **сообщать** учителю о том, какие **ученики слушают** его, а какие — нет. **Чатботы могут предлагать** ученику с низким уровнем учебного внимания необходимую когнитивную тренировку.

В отрывке (67) ИИ последовательно переходит с позиции объекта (*системы ИИ можно применять*) на позицию субъекта (*система может подстраиваться, чатботы могут предлагать*). Присутствует ряд предикаций, лишенных субъектной отнесенности (*можно применять, отслеживать, контролировать, определять, информировать, сообщать*). Автор не сообщает, кто будет активным субъектом использования систем ИИ. Наконец, на позиции подлежащего

появляется личное имя (он [ученик] *смотрит*, *может ли он* [ученик] *сосредоточиться*, *ученики слушают*).

(68) *В рамках тренировки система будет давать подсказки (что нужно осмыслить и т.п.), направлять ученика к эффективному алгоритму осмысления, проверять, осмыслил ученик или нет* нужную информацию и как *он это сделал*, *подбирать ему* нужную модель осмысления (если будет существовать несколько различных эффективных вариантов) и т.д. Также *система может проверять* эффективность различных алгоритмов и способов тренировки с помощью корреляционного **анализа** между показателями их применения... Таким образом, **система сможет обучить ребенка** эффективным способам когнитивной деятельности.

Отрывок (68) примечателен тем, что в нем автор, подводя итог размышлениям, меняет функцию модального глагола с имперфективной (*III может*), которую мы наблюдали на протяжении всего текста, на перфективную (*III сможет*). Ученик, будучи, как известно, одновременно объектом и субъектом учебной деятельности, занимает похожие позиции в структуре предложения: то позицию объекта (*система будет направлять ученика, подбирать ему; система сможет обучить ребенка*), то самостоятельного субъекта (*ученик осмыслил, он это сделал*). Только субъектом педагогической деятельности по-прежнему выступает вовсе не учитель, а искусственный интеллект.

(69) *Может применяться и внешнее обучение, т.е. учитель определяет сам, что ученик понял или не понял прочитанное, и как-то отмечает это для искусственного интеллекта, который использует данные учителя как диагностические эталоны, и обучение на больших данных — **искусственный интеллект сам учится** это делать по специально разработанной программе, **анализируя** большое количество разных показателей. Возможен и сочтанный вариант: сначала с помощью внешнего обучения формируется необходимая база примеров, а потом с помощью этой базы **искусственный интеллект уже сам совершенствует** точность диагностики.*

В отрывке (69) автор предлагает и другую модель образовательного процесса, при которой ИИ не самостоятельно добывает информацию, а использует данные, предоставляемые ему учителем (учитель отмечает *для искусственного интеллекта* — синтаксема-дестинатив, «лицо или предмет, для которого назначается предназначается какой-либо предмет или действие» [Золотова 1988: 40]). Заметим, что на протяжении всей статьи говорящий лишь единожды отводит учителю место субъекта (*учитель определяет, отмечает*). Однако, когда данные искусственным интеллектом получены, он вновь приобретает способность функционировать самостоятельно, без чьей-либо помощи (*ИИ сам учится, совершенствуется*).

(70) *Крайне важным является также понимание системой образования необходимости внедрять, «потреблять» разработки на основе искусственного интеллекта, осознание идеи соответствия образования требованиям времени... Ответ на вопрос, может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения, представляется однозначно положительным.*

В примере (70) впервые при номинализованном предикате мы обнаруживаем эксплицированный субъект, но примечательно, что им оказывается не человек, как логично бы было предположить, исходя из ментального предиката *понимание*, а система образования (*понимание системой образования*). Наконец, автор приходит к выводу, к которому на протяжении всей статьи последовательно «подготавливал» читателя: искусственный интеллект *однозначно* может обеспечить когнитивную эффективность обучения.

Таким образом, мы можем выделить в тексте следующие тактики:

А) Личный субъект часто либо уходит с основной субъектно-предикатной оси (т.е. выражается косвенным падежом), либо элиминируется (в объектно-пассивных конструкциях и при свернутых предикациях).

Б) Предметный субъект постепенно переходит с позиции инструмента/объекта на позицию агенса. Автор представляет интеллектуальную систему субъектом образовательных отношений, а учителя и ученика — объектами её деятельности.

В) Говоря о действиях ИИ, говорящий почти всегда использует показатели модальности, «включенной в форму предиката» [Виноградов 1950: 55]. Так в тексте реализуется направленность на будущее.

Текстовая стратегия определяется желанием автора представить ИИ как абсолютно автономный субъект образовательных отношений, способный обучать ребенка без помощи педагога. Развоплощая личный субъект и утверждая неличный, автор стремится создать привлекательную модель образовательной системы будущего.

Подводя общий итог, можно заключить, что в обеих статьях авторы используют похожие тактики, но они направлены на создание прямо противоположных эффектов. Оба автора посредством селекции и комбинации языковых средств инволютивизируют личный (человеческий) субъект и активизируют предметный. Картина новой реальности, моделируемая В.Г. Гусаковым, должна вызывать у читателя отторжение, неприятие. Созданный С.П. Елшанским образ будущего, в котором искусственный интеллект заменит ребенку наставника, напротив, согласно замыслу автора, должен вызвать положительную реакцию и одобрение.

Такой способ организации дискурса О.Н. Садовникова называет «футурологической аксиологической стратегией». Она направлена на моделирование «мира ближайшего или отдаленного будущего», на прогнозирование «вероятности наступления событий, связанных с предметом обсуждения: будущего земной цивилизации, страны, человека, общества, отдельных функциональных областей» [Садовникова 2021: 114]. Если В.Г. Гусаков девалоризирует искусственный интеллект, то есть отвергает его ценность, то в тексте С.П. Елшанского ИИ, напротив, получает статус ведущей ценности в мире будущего, что влечет за собой «реконструирование ценностной картины мира адресата» [Там же].

Раздел 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В работе «Язык как инструмент социальной власти» Р.М. Блакар пишет: «Когда возникают новые явления, большое значение приобретает то, какие ярлыки выбираются средствами массовой информации» [Блакар 1998: 112]. Это связано с «императивным характером газетно-публицистической речи: она призвана не только сообщить о чем-то, не только выразить отношение к сообщаемому, но и внушить это отношение адресату» [Чернышова 2014: 14]. Публицистические тексты заключают в себе «сознательную установку на воздействие», поэтому в них «каждое сообщение следует рассматривать как некое социальное действие» [Каменева 2009: 69а]. Воздействие через СМИ оказывается возможным «благодаря неспособности получателя критически оценить текст» [Данилова 2011: 40].

В этом разделе мы сосредоточимся на анализе публицистических текстов, которые направлены на формирование и внушение определенных представлений об искусственном интеллекте. Объектами нашего анализа станут тексты СМИ, в которых отправителем является «коллективный автор» («в массовой информации нет индивидуального авторства: всякий текст создается и обрабатывается несколькими лицами» [Данилова 2011: 39]), так и собственно-публицистические тексты, где адресантом является автор конкретной (выступления противников и адептов цифровизации). Несмотря на то, что в основе публицистического произведения лежат реальные факты, информационно-журналистский образ ближе всего к литературному, поскольку СМИ выделяют типические свойства предмета/явления и эти свойства «подвергают оценке с определенных общественных позиций» [Волков 1995: 72]. Поэтому перед нами стоит задача определить, какой образ ИИ создается и транслируется в этих текстах (*что выражено?*), какие языковые средства служат формированию того или иного образа (*как выражено?*), какой замысел преследуют авторы (*для чего выражено?*).

§1. Лингвистические средства создания положительного образа ИИ в СМИ

По замечанию В.А. Каменевой, СМИ представляют собой «не зеркала, отражающие действительность, а, скорее, кривые зеркала, искажающие реальность и конструирующие ее заново в интересах правящих кругов и их экономических планов» [Каменева 2009b: 76]. Реализация одного такого плана проходит в настоящее время в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Его авторы проводят информационную кампанию, направленную на создание «дружелюбного имиджа» ИИ, стремятся «скорректировать восприятие ИИ обществом», обеспечить ИИ «эмоциональный характер проводника справедливости для человека», а также убедить россиян в том, что ИИ «приносит больше справедливости в их жизни, обеспечивая равный доступ к новым возможностям» [РБК 2021³]. Эти задачи лучше всего помогают решать публицистические тексты, обладающие «критерием массовости», т.е. обращенности к многочисленной аудитории [Новиков 2007: 15]. Деятельность различных СМИ по созданию положительного образа ИИ «ведет к созданию единой системы идеологического воздействия»: для получателя массовой информации достоверным является то, что «многократно повторяется различными источниками, и правильным является мнение большинства» [Данилова 2011: 41].

Ряд исследователей сходится во мнении, что «СМИ (независимо от своих функций и целей) не отражают реальный мир (во что искренне верят журналисты), а лишь формируют в сознании аудитории *ментальную реальность*», «тот иллюзорный мир и те образы, которые хотя и взяты... из реальной жизни, но после прохождения через колоссальное число посредников и психологических катализаторов нашего сознания превращаются в еще более интерпретированные образы, конструирующие именно ментальную реальность» [Новиков 2007: 10]. Ментальную реальность, в отличие от реальной, «можно корректировать и направлять», а её объекты наделять характеристиками, подчас далекими от реальных [Там же: 10, 53].

---

³ URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/10/26/6176bb949a7947bfaeb3db7d>

Поскольку «способы вербального воздействия на сознание являются однотипными в деятельности разных типов СМИ» [Данилова 2011: 35], его сущность и специфика могут быть раскрыты на материале новостных статей с интернет-сайтов СМИ. В фокусе нашего внимания будут тексты СМИ, где сообщается о пользе, которую ИИ приносит представителям различных профессий: медикам, бизнесменам, педагогам, менеджерам, учёным. Мы обращаемся к новостному жанру, поскольку в его основе всегда лежит не только сообщение о факте, но и его интерпретация [Кройчик 2000: 139]. Мы намерены определить, как посредством отбора и комбинации языковых средств авторы новостных статей формируют дружелюбный имидж ИИ.

(71) В Москве расширили возможности комплексного сервиса искусственного интеллекта (ИИ) — **теперь нейросеть** на компьютерной томограмме одновременно **может выявить** до десяти патологий. **Раньше их было девять**, теперь в число заболеваний, которые алгоритмы помогают врачам определять на КТ грудной клетки, вошли образования надпочечников. Об этом сообщила заместитель мэра Москвы по вопросам социального развития Анастасия Ракова. **Теперь комплексный сервис умеет находить** образования надпочечников, признаки рака легкого, COVID-19, остеопороза позвоночника (<https://lenta.ru/news/2023/06/27/ii/>).

Перед нами начало новостной статьи с сайта Лента.ру (71). Повествование не прикреплено к единому с перцептором хронотопу, поэтому отрывок отнесем к информативному регистру. Аористивное действие неназванного агенса (*расширили*) породило новое положение дел: искусственный интеллект приобрел ещё один навык. Смена временных глагольных форм в сочетании с темпоральными наречиями (*теперь может выявить до десяти* → *раньше было девять* → *теперь умеет находить*) позволяет обеспечивать временную объемность текста, соотносить прошлое, когда ИИ не обладал достаточным количеством умений, с настоящим, когда приобрел еще одно.

(72) Сегодня **алгоритмы**, которыми пользуются медработники, **размечают** цветовыми **подсказками** области возможных патологий на медицинском

изображении, **производят измерения**, которые представляют клиническую ценность для врача при постановке диагноза пациенту, и **составляют описание**. Важным преимуществом технологии компьютерного зрения является возможность **выявления патологий** на ранней стадии, когда они могут быть незаметны человеческому глазу (<https://lenta.ru/news/2023/06/27/ii/>).

В отрывке (72) описывается совместная работа врача и ИИ. Обратим внимание на то, какие предикативные признаки приписаны тому и другому. Алгоритмы выполняют сложные, ментальные действия, для осуществления которых нужна высокая квалификация (*размечают подсказками, производят измерения, составляют описание, выявляют патологии*). Медработники лишь пользуются результатами деятельности нейросетей при постановке диагноза (номинализация предиката), ставят диагнозы на основе собранных машиной данных. Человек представляется посредственным субъектом восприятия: его глаз может что-то пропустить (*не заметны человеческому глазу*), поэтому искусственный глаз — в преимуществе.

(73) *Цифровизацией системы здравоохранения Москва занимается уже более 10 лет. Автоматизация на основе технологий искусственного интеллекта увеличивает производительность и качество работы специалистов лучевой диагностики, отметили в комплексе социального развития столицы. Благодаря искусственному интеллекту значительно повышается доступность медицинской помощи для пациентов. Реализация проекта по внедрению технологий компьютерного зрения в медицину позволяет создавать и развивать рынок сервисов искусственного интеллекта в лучевой диагностике. Проект реализуется на базе Центра диагностики и телемедицины Департамента здравоохранения Москвы* (<https://lenta.ru/news/2023/06/27/ii/>).

Новостная статья заканчивается так называемым бэкграундом (73), который погружает читателя в контекст, благодаря чему в тексте реализуется принцип «перевернутой пирамиды» (переход от главной информации к второстепенной) [Лащук 2008: 87]. В этой части статьи выдерживается заданная в самом начале

тенденция, направленная на ослабление личностного начала. Говорящий не сообщает, кто будет создавать и развивать проекты. Личный субъект единственный раз используется при вторичном номинализованном корреляте (*работа специалистов*). Синекдоха (*Москва занимается*), объектно-пассивные предложения (*проект реализуется, доступность повышается*), предикативные пары (*автоматизация увеличивает, реализация позволяет создавать*) создают ощущение, будто в новой, цифровой реальности процессы начинают происходить сами по себе, без воли человека. Движение к всеобщей цифровизации сопровождается тотальным личностным отчуждением.

(74) *За два года сервисы искусственного интеллекта помогли медикам проанализировать более 6 млн лучевых исследований. Из них более 2 млн приходится на компьютерную томографию, 3,5 млн — на рентгенографию и флюорографию и еще 500 тыс. — на маммографию, привела данные Ракова. «Мы внедряем цифровые сервисы, которые облегчают и ускоряют работу врачей... При этом благодаря расширению возможностей «умных» алгоритмов количество исследований, обработанных искусственным интеллектом, менее чем за год удвоилось», — уточнила заммэра (https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/07/2022/62d817359a79477e7f09d257).*

Следующим объектом нашего анализа станет материал РБК по схожей тематике. В примере (74) имеет место «цифровой прессинг»: целый блок информации подвергается «цифровой кодировке». В.А. Каменева пишет, что такой идеологический механизм был характерен для советского публицистического и политического дискурса, где были особенно популярны лексемы «тысяча», «миллион» и «десяток» [Каменева 2009а: 111]. Подобная подача информации позволяла создать иллюзию процветания страны, убедить адресата в том, что государство способно создать лучшие условия для граждан. Мы видим, что представители органов власти продолжают активно использовать этот прием и в настоящее время, создавая положительный образ ИИ.

В приведенном фрагменте также наблюдаем определение «умный», которое в последнее время расширило свой синтагматический потенциал и начало употребляться в отношении технологических разработок (*умная технология, умный алгоритм*) и устройств, функционирующих на их основе (*умные шторы, умный дом, умная колонка, умные часы, умная лампочка*). [Козловская, Павлова 2023] пишут, что это прилагательное приобрело новое значение в результате семантического калькирования из языка-донора (англ. *smart* – умный). Анализируя лексикографическую репрезентацию прилагательного *smart* в толковых словарях английского языка, авторы приходят к выводу: для прилагательного *smart* определяющей является «семантика, связанная с использованием передового компьютерного обеспечения, инновационных технологий и т.п. при эксплуатации какого-либо устройства или аппарата». На основании примеров употребления данной лексемы в русском языке [Козловская, Павлова 2023] составляют рабочий вариант дефиниции для нового лексико-семантического варианта прилагательного «умный»: ‘автоматизированный / основанный на системе автоматизации’, ‘функционирующий на основе программного обеспечения / использующий микрочип / содержащий встроенный микропроцессор’, ‘способный адаптироваться, изменять свои свойства в зависимости от обстоятельств’ [Там же: 17-18]. Таким образом, определение «умный» в сочетании с предметными именами помогает приписывать обозначаемым ими вещам признак автономности.

(75) *Нейросети не заменяют врача, а помогают ему в работе, ускоряя диагностику и не позволяя пропускать даже малозаметные отклонения. «Сервисы подсвечивают области, на которые врачу следует обратить особое внимание, а также сортируют исследования по срочности. Это позволяет ускорить работу врача, а также не пропустить малейшие отклонения», — объясняет заместитель руководителя департамента здравоохранения Москвы Илья Тыров.*

Разработчики столичной нейросети исходят из того, что последнее слово в диагностике остается за специалистом, а компьютерное зрение призвано помочь ему с обработкой большого объема данных. «Мы учим наш ИИ делать

*это вместе со специалистом, а не вместо него, — говорит руководитель отдела научных исследований и разработок Care Mentor AI Дмитрий Блинов. — **Искусственный интеллект**, выражаясь образно, **расширяет горизонты** природного интеллекта диагноста, **позволяет человеку** эволюционировать в уровне решаемых задач, что для лучевой диагностики особенно важно, поскольку приходится оперировать громадными массивами данных, трехмерными изображениями».*

***Сервисы ИИ интегрированы** в единый радиологический информационный сервис (ЕРИС) ЕМИАС и **доступны врачам-рентгенологам** всех московских медицинских учреждений, подключенных к ЕМИАС. По заявлению столичных властей, популярность использования нейросетей в лучевой диагностике среди московских врачей только растёт (https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/07/2022/62d817359a79477e7f09d257).*

Отрывок (75) посвящен описанию совместной работы врача и ИИ. Хотя в тексте несколько раз разными способами утверждается, что ИИ не заменяет врача, а работает вместе с ним, синтаксические техники, используемые автором, свидетельствуют об обратном. Технологии ИИ встречается на позиции подлежащего пять раз (*нейросети не заменяют, а помогают; сервисы подсвечивают и сортируют; компьютерное зрение призвано помочь; ИИ расширяет горизонты; сервисы интегрированы и доступны*), в то время как врач — ни одного. Так происходит смещение фокуса на операции, производимые ИИ, они становятся рематической доминантой в тексте. Действия врачей, напротив, всегда являются темой. Хотя субъектный компонент при них выражен вторичной конструкцией и сохраняет значение носителя признака, предикативные отношения в ряде случаев не актуализированы, представлены в скрытом виде (*ускорить работу врача, помочь ему с обработкой, слово остается за специалистом, популярность среди московских врачей*). Обратим внимание на обилие интенсифицирующих средств в этом отрывке: усилительная частица (*даже* малозаметные отклонения), элатив (*малейшие* отклонения), наречие-

интенсификатор (*особенно* важно), прилагательное-интенсификатор (обратить *особое* внимание, *большой* объем, *громадный* массив), а также глаголы (только *растет*, *расширяет* горизонты), в которых «сема интенсивности содержится имплицитно» [Проблемы функциональной грамматики 2005: 160]. Нет сомнений в том, что коммуникативная цель рассмотренного отрывка — сформировать положительный образ ИИ.

Сравним проанализированный пример (75) с фрагментом (76), где также сообщается об успешном сотрудничестве человека и ИИ, и увидим, как по-разному это взаимодействие представляют авторы.

(76) *Японские ученые из Университета Ямагата **использовали** искусственный интеллект для обнаружения четырех новых геоглифов на плато Наска в Перу. Нейросеть нашла на аэрофотоснимках четыре ранее неизвестных рисунка с очертаниями гуманоида, двуглавых змей, лам и рыб. Об этом сообщает Artnet News.*

*Японские ученые **начали работу** по исследованию геоглифов в Перу еще в 2016 году, активно **используя** инновационные технологии. По словам специалистов, искусственный интеллект примерно в 21 раз быстрее находит потенциальные геоглифы, чем это делает исследователь....*

*Впрочем, данный случай — далеко не первый эксперимент специалистов, связанный с сотрудничеством с искусственным интеллектом. Ранее **ученые** также **доверили** роботу под названием RePAIR восстановить фреску из города Помпеи, возраст которой превышает 2000 лет. **Устройство умеет сканировать** произведения искусства, **оценивать** их размер, рисунок, рельеф, форму «пазла» и **устранять** недостатки (<https://www.rbc.ru/life/news/6481b51c9a7947b00f310e40>).*

В примере (76) мы наблюдаем чередование субъектов высказывания (*ученые использовали* → *нейросеть нашла* → *ученые начали работу* → *ИИ находит* → *ученые доверили* → *устройство умеет сканировать, оценивать*). Перед нами действительно модель сотрудничества, агенты последовательно сменяют друг друга. Этот эффект создается и посредством чередования глагольных форм:

использовали (аористив) — *нашла* (перфектив) — *начали работу* (аористив) — *находит* (узуально-характеризующий имперфектив) — *доверили* (аористив) — *умеет сканировать* (узуально-характеризующий имперфектив). Глаголы, обозначающие действия ученых, употреблены в аористивной функции. Они не только помогают организовать повествование, но и высвечивают идею об организующей роли человека при взаимодействии с ИИ. Если в предикатах совершенного вида, обозначающих действия ученых, «реализуется сюжетная динамика таксисных отношений» [Золотова 1996], то имперфективы, обозначающие действия интеллектуальных систем, представляют собой как бы параллельный план, формируют описательно-статический фон. Синтаксическая техника, используемая автором, позволяет представить совместную работу человека и ИИ как работу двух равноправных субъектов. В этом состоит принципиальное отличие рассмотренного фрагмента от фрагмента (75).

(77) *В России к проверке сочинений школьников будут привлекать искусственный интеллект (ИИ). Нейросеть будут использовать в пилотном режиме уже с февраля 2023 года. **Современные технологии уже помогают** множеству профессий, а также активно **применяются** в образовании...*

*В НТИ отметили, что разработанный алгоритм выявляет ошибки лучше, чем среднестатистический преподаватель. Он ищет грамматические и пунктуационные ошибки, а также смысловые расхождения. Алгоритм **позволит** сократить время проверки на 20%, а также **поможет** снизить риск человеческого фактора при проверке сочинений* (<https://bloknot.ru/nauka/uchitelya-bol-she-ne-nuzhny-v-rossii-nejroseti-proveryat-shkol-ny-e-sochineniya-1033680.html>).

Фрагмент (77), посвященный применению ИИ в школьном образовании, демонстрирует полное исключение личного субъекта. Неопределенно-личные субъектные модификации (*будут привлекать, будут использовать*), инфинитив в качестве вторичного предиката (*позволит сократить время — кому?*) позволяют говорящему не называть тех, кто будет использовать ИИ в работе. Человек полностью исключается из новой картины мира, уходит даже с позиции объекта:

ИИ помогает профессиям, но не людям (*технологии помогают множеству профессий*). Хотя автор в самом начале относит повествование к будущему (*будут привлекать*), место активнодействующего субъекта алгоритм занимает уже в настоящем (*технологии помогают; алгоритм выявляет ошибки; он ищет*).

Анализ позволил прийти к выводу: в рассмотренных нами новостных статьях посредством языковых механизмов персуазивности создается «дружелюбный имидж» искусственного интеллекта. Описывая взаимодействие человека и ИИ, журналисты смещают фокус на последний. «Умные» алгоритмы наделяются самостоятельностью. Искусственному интеллекту приписывают предикаты, обозначающие сложные ментальные действия, с которыми раньше мог справиться только человек. ИИ как активно действующий субъект оказывается не просто равным человеку по возможностям, но даже превосходящим его. Действия, совершаемые человеком, обозначаются с помощью свернутых предикаций, неопределенно-личных субъектных модификаций. В конструируемой СМИ псевдореальности люди не участвуют в сложных процессах, они лишь пользуются результатами деятельности «умных» машин.

§2. Лингвистические средства создания негативного образа ИИ в СМИ

В настоящем параграфе мы сосредоточимся на анализе новостных статей, которые направлены на создание негативного образа искусственного интеллекта. Они, как правило, объединены футурологическим модусом, т.е. посвящены мрачным прогнозам о будущем человечества. В этих статьях делаются предположения о том, к каким последствиям может привести бесконтрольное использование технологий ИИ. Еще одна особенность таких текстов — ссылка на научный авторитет. Привлечение высказываний ученых используется и как собственно информационный повод, и как способ воздействия на адресата. Этот часто используемый в СМИ прием «убеждает переосмыслить предмет высказывания и принять инновации как факт, неизбежную реальность мира будущего» [Садовникова 2021: 123]. Журналисты, воодушевленно и некритично пересказывающие слова ученых и разработчиков ИИ, часто подчиняют научные

данные «сиюминутным политическим или идеологическим целям» [Горохов 2011: 37].

(78) ***Сверхразум выходит из-под контроля.** Ученые обеспокоены новой угрозой.*

*Пока машины можно выключить или перепрограммировать, они остаются под контролем человека. Реальные угрозы возникнут, когда ИИ станет **умнее нас**. И человечество вплотную подошло к этой черте.*

*Сегодня ИИ анализирует медицинские снимки **точнее любого врача**, оптимизирует логистические пути **лучше самого опытного диспетчера** и выполняет еще тысячи производственных и управленческих операций **эффективнее человека**. А мощности суперкомпьютеров по обработке и анализу информации **многократно превышают** возможности всех людей на планете, вместе взятых.*

*По словам шведского философа, профессора Оксфордского университета Ника Бустрема, известного своими работами в области **трансгуманизма**, наступает эра **сверхразума** — искусственного интеллекта, который не только «**умнее лучших** человеческих мозгов практически во всех областях», но и готов взять на себя творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека. Но главное в **сверхинтеллектуальных системах** — способность действовать самостоятельно, принимать собственные решения на основе анализа внешней информации.*

*Компьютерному **сверхразуму** собираются доверить управление отдельными процессами на производстве и в логистике. Чисто технически реализовать это несложно, но **непонятно**, в какой степени человек сможет корректировать действия машины и насколько велик риск того, что ИИ в определенный момент выйдет из-под контроля. Кроме того, **неясно**, как заложить в компьютер понятия об этике и справедливости, которые влияют на принятие решений человеком (<https://ria.ru/20221003/sverkhrazum-1820584545.html>).*

Обратим внимание на заголовок статьи в примере (78): ***Сверхразум выходит из-под контроля***. Процессуальный имперфектив *выходит* актуализирует

названную ситуацию. Беспокойство ученых по поводу новой угрозы начинает передаваться и нам, читателям. Вслед за этим мы получаем информацию, вступающую в конфликт с заголовком: оказывается, *машины остаются под контролем*, но у этой ситуации есть темпоральные ограничения (*пока*). Предпоследнее предложение в отрывке вовсе опровергает название статьи: *III в определенный момент выйдет из-под контроля*. Перфективный глагол будущего времени (*выйдет* из-под контроля) вступает в противоречие с имперфективом из заголовка (*выходит* из-под контроля). По мере того как мы приближаемся к концу статьи, вероятность получить информацию, близкую к реальному положению дел, растет. Автор использует яркий заголовок с целью активации внимания читателя, но намеренно нарушает один из законов журналистики: «заголовок должен соответствовать содержанию и отражать его» [Новиков 2007: 50].

Создается образ технологии, во много раз превосходящей возможности человека и угрожающей ему. Для этого используются компаративы (*умнее, точнее, лучше, эффективнее*), сопоставительный предикат (*превышают* возможности людей), гиперболизация (*всех людей на планете, вместе взятых*), интенсификаторы (*вплотную* подошло, *любой* врач, *самый опытный* диспетчер, *лучших* мозгов, *многократно* превышают, *во всех* областях). Использование интенсифицирующих средств, по замечанию Е.М. Вольф, говорит о высокой «степени включённости субъекта в высказывание» и служит осуществлению определённых коммуникативных целей — «сделать высказывание более убедительным», «усилить его перлокутивный эффект», «более эффективно воздействовать на адресата» [Вольф 2002: 11, 43].

Интенсификация поддерживается и на словообразовательном уровне: *сверхразум, сверхинтеллектуальный, суперкомпьютер*. Употребленные в статье префиксы *сверх-*, *супер-*, *транс-* имеют особую коммуникативную значимость в текстах, посвященных современным технологиям (*суперинтеллект, суперреальность, суперспособность; сверхинтеллект, сверхсильный, сверхспособность; трансгуманизм, трансчеловеческий, трансгенетический*) [Клементьева 2023а]. Е.В. Петрухина, называя данные форманты «проводниками

новых воззрений», отмечает, что они «играют активную роль в трансфере в русскую концептосферу новых смыслов», «используются для номинации новых типов псевдореальности и симулякров, связанных с новейшими компьютерными технологиями и процессами глобализации в мире» [Петрухина 2019а, 2019б].

Смысловую структуру рассмотренного текста организует ряд оценочных средств. Субъективация «ярко проявляется в высокой плотности оценочной тональности текста, которая усиливает воздействующий эффект» [Кормилицына 2008: 19]. Сверхсильные, угрожающие технологии противопоставляются слабому человеку, которого ИИ обогнал по возможностям и который сейчас пребывает в ощущении неопределенности. Это ощущение передают предикативы, представляющие собой ментальную модусную рамку (*непонятно, неясно*).

(79) *Дальнейшее развитие искусственного интеллекта может поставить точку в развитии человечества: рано или поздно суперумные нейросети **выйдут за пределы** интернета, **перехватят** управление всеми процессами на планете и **избавятся** от людей. Такой шокирующий прогноз в эмоциональной колонке для *Time* привел сооснователь Института исследования машинного интеллекта Элизер Юдковский, один из главных ИТ-экспертов современности. Его предложение — полностью прекратить любые исследования в этой области, кроме тех, что помогут избежать гибели человечества...*

*Он уверен, что сверхчеловеческому искусственному интеллекту **будет наплевать** как на людей, так и на разумную жизнь в целом. Безразличные нейросети будут руководствоваться не эмоциями, которые им неведомы, а своими потребностями, которые могут побудить машину использовать в своих целях человеческое тело. Например, превратить атомы, из которых оно состоит, во что-то более нужное с **точки зрения машины**...*

*Юдковский также предлагает задуматься о том, что искусственный интеллект **сможет выбираться за пределы интернета**, если этого захочет. Его предположения выглядят как сцена из какого-нибудь фантастического фильма: машины **научатся красть** расшифрованную ДНК отдельного человека, создавать на их основе искусственные формы жизни...*

«Опасность "слишком развитого ИИ" заключается в том, что он **может наводнить** каналы пропагандой, **отнять** у людей работу и привести к созданию нечеловеческого разума, который **способен перехитрить** человека и сделать его знания устаревшими и ненужными» (<https://lenta.ru/articles/2023/04/06/evilgpt/>).

Следующим объектом нашего анализа станет новостной материал с сайта Лента.ру, посвященный прогнозам развития ИИ (79). Поскольку повествование направлено в будущее, автор использует средства «гипотетизации»: лексические (*рано или поздно*) и морфологические (будущее время глаголов). В тех конструкциях, где *ИИ* и *нейросети* являются субъектами, часто употребляются предикаты с пейоративной окраской (*избавятся; будет наплевать; научатся красть; может наводнить, отнять; способен перехитрить*). Искусственный интеллект реализует донативные действия (*перехватить, красть, отнимать*), превращает человека в «субъект утраты». Кроме того, искусственный разум имеет собственные желания (*если этого захочет*), цели (*использовать в своих целях*) и точку зрения (*с точки зрения машины*). Дважды говорится о том, что ИИ может выходить/выбираться за пределы интернета. Интернет предстает здесь как среда обитания ИИ, отдельное пространство (*за пределы — директив, пространственный ориентир движения*) [Золотова 1988: 179]. Превосходство ИИ над человеком подчеркивается лексическими и словообразовательными средствами: *суперумные нейросети, сверхчеловеческий интеллект, слишком развитый ИИ*. ИИ здесь предстает как нависшая над человечеством угроза.

Определим, в состав каких синтаксем входит всё, что связано с человеком. *Избавиться от людей* — потенцив (нежелательное или угрожающее явление, используется в сочетании с группой глаголов каузативно-отложительного значения с общим смыслом «предотвратить потенциальную угрозу») [Золотова 1988: 84]. *Наплевать на людей* — объект-каузатор проявления отрицательных эмоций [Там же: 201]. *Отнять у людей работу* — субъект-владелец отчуждаемого объекта в каузативной конструкции, выражающей изменение посессивных отношений [Там же: 113]. *Использовать человеческое тело, красть ДНК человека* — объекты

действий интеллектуальных машин. *Сделать его* [человека] *знания устаревшими* — синтаксема с двойным значением объект каузации и субъект-носитель вторичного предизируемого признака [Там же: 157]. Выбор синтаксем говорит а) о понижении синтаксического ранга человека, б) о том, что не только человек столкнется с опасным искусственным интеллектом, но и сам ИИ начнет видеть в людях угрозу.

(80) *Ученые утверждают: мир в привычном нам виде просуществует еще максимум 20 лет. Люди стоят на пороге **колоссальных** изменений. Технологии развиваются **сумасшедшими** темпами. Количество открытий и знаний, получаемых в XXI веке за год, сопоставимо с тем, на что раньше люди тратили столетия. Главными направлениями четвертой промышленной революции станет **тотальная автоматизация и кибернетизация**.*

*Угроза замены людей искусственным интеллектом **чрезвычайно высока**. Процесс уже запущен. Не исключено, что его активная фаза начнется через 3–5 лет. Но если так, чем же будут заниматься «вымытые» из областей деятельности специалисты? Идеологи индустрии 4.0, когда машины общаются с машинами, говорят, что все эти люди могут пойти и отдохнуть* (<https://www.mk.ru/social/2019/02/28/celyy-ryad-professiy-skoro-ischeznet-komu-pora-menyat-rabotu.html>).

Рассмотрим фрагменты из статьи (80), посвященной проблеме исчезновения профессий. На словообразовательном уровне отметим имена существительные на *-изация* (*автоматизация, кибернетизация*), которые обозначают «широко распространяемое явление», «массовое снабжение тем, что названо именной частью производящей основы» [Касьянова 2006: 38]. Семантический компонент ‘широкая распространённость’ в лексическом значении этих неударных подчеркивает и усиливает сопровождающие его определение — *тотальная*. На лексическом наблюдаем интенсификаторы: *чрезвычайно высока, колоссальных изменений, сумасшедшими темпами, тотальная автоматизация*. Используя оценочное имя при номинализованном корреляте (*угроза замены людей*), говорящий предлагает читателю готовую интерпретацию названной ситуации, т.е.

предлагает относиться к замене людей искусственным интеллектом как потенциальной угрозе.

(81) *Печальная судьба ожидает дворников. Сейчас многие дворы убирают с помощью мотоплуга или трактора. И вот уже **не десятки дворников, а один механизм** под управлением опытного «рулевого» за ночь вычищает несколько участков.*

*На грани вымирания бухгалтеры и банковские работники. В банках решение о выдаче кредитов уже принимают **не люди, а роботы**. Вам могут посадить девочку-консультанта для красоты, **но** на самом деле финансовые возможности клиента просчитывает машина* (<https://www.mk.ru/social/2019/02/28/celyu-ryad-professiy-skoro-ischeznet-komu-pora-menyat-rabotu.html>).

Фрагмент (81) строится на приеме антитезы (*не десятки дворников, а один механизм; не люди, а роботы; могут посадить девочку, но подсчитывает машина*). Таким образом говорящий обращается к базовой аксиологической оппозиции **новое — старое** [Садовникова 2021: 104]. Дворников печальная судьба пока только *ожидает* (имперфектив настоящего времени), что подтверждает и синтаксическое устройство предложений: сначала машина является инструментом действия (*с помощью мотоплуга*), затем становится отдельным субъектом (*механизм вычищает*), но не самостоятельным, а зависящим от человека (*под управлением рулевого*). Другая ситуация с бухгалтерами и банковскими работниками, оказавшимися *на грани вымирания*. Роботы, способные выполнять сложные ментальные действия (*принимать решение, просчитывать*), полностью заменили тех, чья профессия связана с цифрами. Человек теперь нужен лишь *для красоты* (финитив, компонент с семантикой цели [Золотова 1988: 41]).

(82) *Многие профессии будущего связаны с умением **ориентироваться в виртуальной реальности**. Качество современных компьютерных игр так высоко, что в Японии зафиксированы случаи, когда подростков не могут вывести из виртуальной реальности — как Нео в «Матрице». Тушка есть, а сознания нет. Сидит мальчик в VR-очках (очках виртуальной реальности) под*

капельницей — потому что ввести в него питательные вещества другим способом невозможно. Это новый феномен, и никто не знает, как с ним быть (<https://www.mk.ru/social/2019/02/28/celyu-ryad-professiy-skoro-ischeznet-komu-pora-menyat-rabotu.html>).

Опасность для человека представляет и виртуальная реальность, созданная с помощью новых технологий (82). Говорящий использует синтаксемы, указывающие на отношения общей сопространственности [Всеволодова, Владимирский 1982: 96]. Группе **в** + **Предл. пад.** ('место', ориентироваться в реальности) соответствует группа **из** + **Род. пад.** ('старт', вывести из реальности). Виртуальную реальность автор представляет как многомерное пространство, попадая в которое человек теряет сознание, превращается в тушку.

(83) *Что самое главное, ей [ChatGPT] вскоре неизбежно начнут доверять. Возникнет суггестивный императив: «это искусственный интеллект, у него всё просчитано, продумано, а значит соответствует истине – она не допускает ошибок и просчетов, как люди». Становится очевидным риск того, что большинство вскоре будет на слово верить тому, что скажет умная компьютерная программа, как **ответит** на тот или иной вопрос, в ущерб любым другим мнениям и авторитетам. Даже если следующая версия ИИ вдруг **заявит**, что надо «ограничить того или иного человека в правах», ему вполне **могут поверить**, поскольку аргументы могут показаться логичными и обоснованными.*

ИИ окончательно превратится не в Большого Брата, а в Большого Родителя, а человек в дошколенка-несмышлениша, который ничего не знает про мир и про себя и бежит к папочке за советом по каждому вопросу. Очевидно, что любые альтернативные мнения в таком «информационном гетто» станут не нужны, а многие профессии просто исчезнут.

Сегодня человечество уже занесло в цифровую бездну одну ногу, но второй пока еще стоит на грешной земле, пошатываясь от собственной неуверенности. Задача всех думающих людей нашего времени представляется

в том, чтобы максимально отсрочить срок этого падения, а лучше предотвратить его (<https://vz.ru/society/2023/3/30/1205163.html>).

Обратимся к отрывку из новостной статьи с сайта Взгляд.ру (83). При глаголах *поверить* (посчитать кого-либо достойным веры, доверия [МАС]) и *доверять* (верить кому-либо, полагаться на кого-либо [МАС]) говорящий использует неопределенно-личную субъектную модификацию (*начнут доверять, могут поверить*), исключая себя из возможных субъектов действия, вводя идею эксклюзивности. Автор не хочет быть одним из тех, кто будет вступать в социальные отношения с ИИ.

Искусственному интеллекту приписаны предикаты, выраженные глаголами речевого действия (*скажет, ответит, заявит*), а в пассивно-результативных конструкциях — краткими страдательными причастиями, образованными от глаголов ментального действия (*у него всё просчитано, продумано*). Обращает на себя внимание обилие модусных средств, передающих высокую степень уверенности: *очевидно, становится очевидным, вполне, неизбежно*. Говорящий глубоко убежден в том, что сверхсильный искусственный интеллект окончательно подавит человека. Выстраивается традиционная для таких текстов оппозиция несовершенный человек — совершенный ИИ, поскольку люди, в отличие от машин, *допускают просчеты, ничего не знают про мир*.

Будущее, в котором альтернативные мнения станут невозможными, говорящий называет «информационным гетто» и «цифровой бездной». Эти и другие метафоры (например, *цифровой концлагерь, цифровой фашизм*) часто используются в СМИ «для эффективного манипулирования умозаключениями реципиента». Таким способом СМИ пытаются вызывать у аудитории желаемые ассоциации, «перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [Иссерс 2003: 169]. Яркие и эмоциональные образы «могут хорошо отпечатываться в памяти читателя и моделировать его отношение» к конкретным явлениям [Данилова 2011: 47].

В конце отрывка происходит переключение с информативного регистра, в котором гипотезировалось будущее и делись обобщения, на волюнтивный (*задача*

всех — отсрочить, предотвратить), что продиктовано желанием адресанта «внести изменение в фрагмент действительности» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 33], утвердить актуальные ценностные смыслы мира желаемого и должного.

Таким образом, авторы проанализированных статей, отбирая языковые средства и организуя их по своему усмотрению, проецируют неблагоприятные сценарии будущего, формируют у адресата желаемые модусы видения мира. В рассмотренных текстах продвигается идея о высокотехнологичном мире будущего как о губительном пути развития для человечества. Разноуровневые интенсифицирующие средства направлены на создание отпугивающего образа искусственного интеллекта. Его экспансия оценивается как потенциальная угроза, т.к. усиление роли ИИ неизбежно сопровождается ослаблением роли человека.

Виртуальная реальность предстает как отдельное пространство, куда человек может попасть, но откуда ему будет сложно выбраться. «Колонизация виртуальной реальности», по мнению [Chesher 1993], означает приход «к доминированию определенных способов восприятия мира». Ее создатели предлагают обществу новую парадигму, связанную с засилием новых технологий.

В статьях делаются категоричные выводы, но не приводятся какие-либо объективные данные. Тенденциозное использование негативной информации [Петрова 2011] относит к способу речевой агрессии. Перегруженные негативной информацией тексты направлены на то, чтобы читатель почувствовал себя уязвленным, незащищенным. «Мрачный пессимизм» лежит в основе мироощущения авторов рассмотренных текстов [Петрова 2011: 141].

§3. Языковая реализация коммуникативных намерений противников, адептов и разработчика ИИ⁴

В данном параграфе мы сосредоточимся на анализе собственно-публицистических текстов — выступлениях противников и адептов цифровизации. Эти тексты обладают большей убеждающей силой, нежели тексты, созданные

---

⁴ При подготовке данного параграфа диссертации была использована публикация [Клементьева 2023b], выполненная автором лично, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования.

СМИ, поскольку их адресант не коллективный автор, а конкретный, который «сливает идею со своей личностью, рациональное с эмоциональным, объективное с субъективным, воздействует не только на интеллект, но и на чувства читателя»; такому автору «важно не только доказать, но и убедить, а для этого он сам должен быть убежденным и глубоко взволнованным» [Васильева 1982: 140]. У конкретного автора «на первом плане обычно стоит социально значимая, активно утверждаемая им идея», поэтому все средства «подчинены задачам активного утверждения» этой идеи [Там же: 139].

Объектами анализа станут тексты выступлений активных участников общественного диалога по вопросам внедрения ИИ в жизнь общества. Перед нами стоит задача определить их коммуникативные намерения и описать языковые способы реализации этих намерений, а также выявить особенности транслируемой ими системы ценностей.

3.1. Анализ выступления противника цифровизации

Группа людей, у которых перспектива применения ИИ вызывает опасения, достаточно неоднородна. С одной стороны, среди них есть радикально настроенные противники ИИ, призывающие остановить развитие технологий, видящие в них угрозу для существования человечества в целом. Их позиция, по мнению эксперта в области ИИ И.С. Ашманова, сформировалась во многом под влиянием отталкивающего образа будущего из голливудских фильмов [Бизнес Online 2020⁵]. Однако есть и те, кто обеспокоен вопросами безопасности, юридической ответственности за результаты использования роботизированных систем. Как правило, это ученые, предприниматели, сами разработчики ИИ. Они призывают соблюдать меры предосторожности, пытаются найти решение указанных проблем в правовом поле. Так, в 2021 году в России руководители некоторых ведущих университетов и технологических компаний подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который «устанавливает общие этические принципы и

---

⁵ URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833>

стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности» [Кодекс 2021: 1].

У нас есть возможность подробно рассмотреть, какой образ ИИ и его технологиям создаётся его противниками. Объектом нашего анализа будет стенограмма выступления Анны Швабауэр (<https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/>), занимающейся научно-экспертной и законодательной деятельностью в области семейного права. В течение последних лет А. Швабауэр выступает против цифровой трансформации, реализуемой в России посредством внедрения технологий ИИ. На примере нескольких отрывков попробуем определить, с помощью каких языковых средств она осуществляет свои коммуникативные цели.

(84) *В России **оцифровка активно пошла** с 2016-17 года. У нас во всех сферах **приняты законы о внедрении** единых централизованных баз данных, в частности, в сфере **соцобслуживания внедряется Единая государственная информационная система** социального обслуживания, здравоохранения – Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения, **пытались** такую же систему **сделать** в образовании «Контингент учащихся», но протесты родителей не позволили принять этот закон, было **наложено вето президента**. Тем не менее, эта **система продвигается** на уровне региональных баз и через цифровую образовательную среду. Этот эксперимент у нас тоже **пытаются ввести**, несмотря на массовые протесты родителей.*

В начале выступления (84) Швабауэр обозначает проблему, используя информативный регистр: аористивное действие (*оцифровка пошла*) дало начало перфективным (*приняты, наложено*) и процессуальным действиям (*внедряется, продвигается*). Обратим внимание на организацию субъектного плана фрагмента. Предложения, в которых говорится о действиях по внедрению государством систем ИИ, можно поделить на несколько типов: а) неопределенно-личные (*пытались сделать, попытаются ввести*); б) пассивно-результативные, где предикат выражен кратким страдательным причастием, предикцируемый компонент — предметным именем, а субъект действия не назван (*законы приняты, вето президента*

наложено); в) объектно-пассивные с неназванным агенсом и фазисно-каузативным оттенком (*система внедряется, система продвигается, оцифровка пошла*). Субъект находится на своем месте только в предложении с полипредикативной конструкцией, вторичным номинализированным коррелятом (*протесты родителей не позволили принять закон = родители протестовали*), которое сообщает о целенаправленных действиях родителей, не согласных с нововведениями. Такая субъектная структура помогает говорящему противопоставлять обезличенную государственную систему активному человеку.

(85) *К сожалению, мы видим, что **цифровизация идёт в таком добровольно-принудительном порядке**. И даже если прямо на нас **не говорится** о том, что вы обязаны, фактически **создаются такие условия**, когда, как называется, сложно отказать. Вот, например, с этой цифровой средой сейчас родителей **заталкивают** буквально с детьми на эти цифровые платформы для образования: МЭШ, РЭШ, Сферум, Сбер, разные. Если родители пытаются сопротивляться, говорят о том, что мы не хотим, чтобы наш ребёнок учился на такой платформе и сливал туда свои данные, а всегда регистрация связана с тем, что ты передаёшь персональные данные соответствующих платформ. Ему уже **говорят** так: в таком случае, вы не обеспечиваете выполнение домашнего задания ребёнка и нарушаете его права, а тут уже **включаются ювенальные технологии**.*

Ещё ярче эта оппозиция прослеживается в отрывке (85), который был нами рассмотрен в параграфе 4 главы 1 в качестве примера «переключения» субъектных сфер. Неопределенно-личное значение, имеют только те предложения, в которых сообщается о принуждении к использованию новых технологий (*нам не говорится, создаются условия, родителей заталкивают на цифровые платформы, ему говорят*). Говорящий исключает себя из возможных субъектов действия, вводя идею эксклюзивности [Золотова 2001: 110]. Неопределенно-личные предложения становятся носителями «оценочного значения большой силы и композиционной функции, противопоставляющей разные субъектные сферы» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 462]. При предикатах, обозначающих ответные действия родителей

и детей, субъект выражен формой Имен. пад. (*родители пытаются сопротивляться, говорят; ребенок учился, сливал данные; ты передаешь; вы не обеспечиваете выполнение задания и нарушаете права*). На месте подлежащего мы также видим существительные *цифровизация* и (*ювенальные*) *технологии*. Они существуют уже обрели самостоятельность и существуют сами по себе, независимо от тех, кто их планировал реализовать. Наконец, конструкция с предикатом на *-о* и инфинитивом (*сложно отказать*), с помощью которой «говорящий, вольно или невольно, снимает ответственность за дело с себя, с исполнителя» [Там же: 162], служит передаче следующего смысла: в новом мире создаются такие условия, где человек не имеет право выбирать.

(86) *В данном случае **цифровая платформа будет принимать решение** [о том], что тебе что-то надо или что-то не надо.*

(87) *Проактивный сервис — это **сервис, лишаящий тебя свободы воли**, который **навязывает тебе определенную траекторию жизни**.*

Примеры (86) — (87) также демонстрируют акционализацию технологий и деакционализацию человека, являющегося объектом их действий, полностью зависимо от их решений.

(88) *То есть всё в одну базу сливается и выход, соответственно, там на детей, родителей, там такое генеалогическое древо **они получают**. Также в этом регистре присваивается каждому номер, фактически идет такая нумерация, поэтому у нас однозначно идут ассоциации с фашистскими методиками. Что человеку присваивают номер-идентификатор, и ты существуешь для этой системы исключительно под каким-то номером, и даже не ты существуешь, а только твой цифровой двойник. Вот что их волнует.*

В отрывке (88), который аналогичен 84-ому и 85-ому по способу организации субъектного плана, примечательно то, что автор сначала утверждает существование человека *для системы* (посредством введения субъектно-авторизующей синтаксемы *для + Род. пад.* система становится авторизатором — лицом, «с точки зрения или в интересах которого предсказуемый предмет получает предикативную окраску» [Золотова 1988: 43]), используя экзистенциальный предикат (*ты*

существуешь), затем «спохватывается» и отрицает это существование (*даже не ты существуешь*), а затем снова утверждает существование, но уже не человека, а его цифрового двойника ([существует] *только твой цифровой двойник*). Употребление выделительно-ограничительной частицы *только*, помогает разделять человека как бы на две составляющие: «ты» и «твой цифровой двойник».

Проводя аналогию между способами осуществления цифровизации и фашистскими методиками, говорящий устанавливает ассоциативную связь «для эффективного манипулирования умозаключениями реципиента» [Иссерс 2003: 50].

(89) *То есть, речь идёт о том, что кому-то нужен цифровой профиль, **наш цифровой двойник**, в котором будет фиксироваться даже видео и аудио практически каждого шага **нашей жизни**. И теперь мы точно понимаем, что такое «непрерывная образование». Да это сбор данных в течение жизни! И не просто сбор данных, а управление.*

(90) *А дальше уже управление идёт **без нашей воли фактически**, такая «прихватизация» **наших данных**.*

(91) *И, к сожалению, вот эти все методички, которые мы видим, на самом деле, показывают, что **угроза нашей жизни очень серьёзная**.*

Примеры (88) — (91) иллюстрируют частое употребление личного местоимения первого лица множественного числа и соотносимое с ним притяжательное местоимение (*у нас идут ассоциации, наш цифровой двойник, без нашей воли, угроза нашей жизни* и т.д.). Таким образом автор обращается к регулярной и универсальной оппозиции **свой — чужой, мы — они**. Говорящий впускает адресатов в свою сферу, предлагая им разделить его мнение. На концептах «свой» — «чужой» базируется «когнитивная категория базового уровня», а обращение к ней оценивается как «инструмент речевого воздействия» [Иссерс 2003: 43]. Это «позволяет установить отношения между говорящим, реципиентом и третьими лицами» [Там же: 202]. Адресант убеждает адресатов в том, что перспектива цифрового мира, которую пытаются навязать «они», окажется для всех губительной.

Среди иных средств, которые используются для формирования негативного образа цифровизации, отметим также интерпретирующие предикаты (*проталкивают, заталкивают, загнал*), паронимическую аттракцию («*прихватизация*» *данных*), существительные с отрицательно-оценочной семантикой, обозначающие трансгуманистические идеи (*дегенерация для детей, расчеловечивание наших детей*).

В примерах (85) и (91) присутствует реактивная модусная рамка к *сожалению*. Всего в анализируемом тексте она встречается шесть раз. К слову, антонимичные ей модусные компоненты (например, *к счастью*) в тексте замечены нами не были. Это может говорить а) о высокой степени включенности говорящего в сообщение; б) о его резко негативной оценке того, о чем сообщается.

(92) *Мы должны обязательно **реагировать!** От каждого из нас многое зависит, от каждого!!! Вот я просто уверена в этом, поэтому **не надо сидеть** сложа руки, **не надо думать**, что кто-то решит за меня, никто не придёт и нас не спасёт. Мы должны спасать себя сами, но мы должны это делать и тогда будет результат! Потому что по нашей общественной деятельности я вижу, а я 7 лет где-то занимаюсь общественными делами, я вижу, что результат есть. Как только люди включаются, и хорошо разбирается, а разобратся можно! Мы стараемся на человеческом языке это всё публиковать, пожалуйста, **присоединяйтесь** к нам и **будем вместе** спасать нашу страну!*

Выступление А.Швабауэр заканчивает в волюнтивном регистре. Мы наблюдаем явную императивную тональность в примере (92), насыщенном предикатами деонтической необходимости (*должны, не надо*): автор убежден, что агент обязан совершить некоторое действие, «если есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить» [Падучева 2016].

Исходя из анализа, можно заключить: ряд отмеченных нами языковых особенностей работает на создание отпугивающего образа цифровизации, осуществляемой посредством внедрения систем ИИ. Затемнение субъекта действия в предложениях с неопределенно-личной семантикой, введение оппозиции **свой** — **чужой**, отрицательная репрезентация группы «они» [Трошкина 2003: 103]

позволяют в соответствии с замыслом говорящего передать угрожающее ощущение враждебного мира. В этом новом технологическом мире найдется место только цифровому двойнику, но не самому человеку.

3.2. Анализ выступлений адепта искусственного интеллекта

Адептами (или евангелистами) искусственного интеллекта, как правило, являются те, кто заинтересован в его скорейшем внедрении в жизнь общества. Среди них — маркетологи и предприниматели, продвигающие свои технологические продукты, чиновники, видящие в ИИ решение для трансформации различных отраслей. На примере текстов выступлений и интервью предпринимателя в сфере информационных технологий Ольги Усковой, возглавляющей компанию-разработчик систем автономного управления наземным транспортом, мы определим, какое место в мире отводится ею человеку и ИИ.

(93) *Мы приняли решение о том, что теперь начинаем делать мозги для транспорта. Причем мозги в самом человеческом представлении. Практически как человеческий мозг. Это некое устройство, которое превращает объект в субъект — думающий, принимающий решения. У вас была железяка, мы ставим наши мозги, и у вас возникает думающее и соображающее существо...*

Мы производим искусственные мозги для локомотивов. Был объект, предмет, бездушное существо. Мы приставили тот мозг, который мы сделали. Он начал соображать, он начал чувствовать, он начал понимать то, что происходит перед ним
(https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot).

В своих выступлениях О. Ускова часто говорит о том, что разработки её компании позволяют превращать объект в субъект, «железяку» в «соображающее существо». Это отражается в построении субъектно-объектных отношений в примере (93). Если сначала мозги (т.е. искусственный интеллект) являлись объектом действий людей (*мы начинаем делать мозги для транспорта, мы ставим наши мозги, мы производим искусственные мозги*), то затем эти же мозги

заняли место субъекта, приобрели самостоятельность и способность мыслить путем введения предикатов, обозначающих ментальные действия (*думающий, принимающий решения, соображающий, начал понимать*), и глагола восприятия (*начал чувствовать*).

(94) — *А какой тип мышления у ИИ Cognitive Pilot сейчас?*

— *Мужской. Если говорить конкретно про комбайнера-агробота Cognitive Agro Pilot, то мужской. Он выполняет очень мужскую работу, управляет сельхозтехникой* (<https://tass.ru/interviews/11686821>).

Отвечая на вопрос журналиста (94), Ускова даже наделяет ИИ мужским типом мышления. Механизм фактически приобретает биологический пол.

(95) *Искусственный интеллект работает безопасно вне зависимости от времени суток и настроения. Он не бывает сонным, голодным, раздраженным, депрессивным или пьяным* (<https://moskvichmag.ru/gorod/iskusstvennyj-intellekt-ne-byvaet-ryanym-mat-terminatorov-olga-uskova/>).

Приобретая некоторые антропоморфные черты, ИИ в чем-то продолжает сохранять свою механическую природу. Так, в отрывке (95) говорящий употребляет глагол *работать*, в котором имеет место синкретизм акционального и функтивного значений и который оказался удобным средством для языковых манипуляций среди адептов ИИ. Кроме того, автор отказывает ИИ в способности испытывать физические (*быть сонным, голодным, пьяным*) и душевные состояния (*быть раздраженным, депрессивным*), которые бы могли помешать его работе. В этом отрывке явно прослеживается импликатура — в отличие от человека.

(96) *Отличие человека от робота — генерация самостоятельного смысла. Все остальное при развитии техники робот может делать лучше, чем человек. Меня часто спрашивают ваши коллеги: а как же журналистика? Если журналист занят только перепечатыванием пресс-релизов, то на фиг он нужен? Робот сделает лучше, точнее, без багов, не будет брать взятки. Чистый информационный новостной поток он сделает лучше человека* (<https://tass.ru/interviews/11686821>).

- (97) В 2018 году Cognitive презентовал в США технологию *Low-Level Data Fusion*, которая совмещала четыре интересных технологии с целью **преодолеть планку человека-эксперта** (https://cognitivepilot.com/blog_uskova/german-gref-i-olga-uskova-o-budushhem-v-iskusstvennogo-intellekta/).
- (98) Чиновника **искусственный интеллект** уже сейчас **спокойно** заменит... Я могу сказать, что **искусственный интеллект** **готов** для такой замены, но общество пока не готово, это чисто моральный вопрос (<https://indicator.ru/mathematics/intervyu-cognitive-technologies.htm>).
- (99) Надо переводить зоны повышенной опасности на роботизированное управление. Я бы **ядерную кнопку** ни одному человеку в мире сегодня не **доверила**, а **роботу** — да. Ни одно государство в мире сегодня не способно к логическим поступкам. Нужны **блокаторы эмоциональной раскачки**. Люди с этим не справляются (<https://moskvichmag.ru/gorod/iskusstvennyj-intellekt-ne-byvaet-pyanyum-mat-terminatorov-olga-uskova/>).

Употребляя компаративные конструкции в примере (96), говорящий отмечает преимущества работа над человеком. Для усиления эффекта высказывания используется лексический повтор (*лучше*). ИИ, по словам автора, способен *преодолеть планку человека* (97), выйти за его границы. В отрывке (98) ИИ вовсе *готов спокойно заменить* чиновника — человека, который принимает участие в управлении государством. А в примере (99) роботу предлагается доверить ядерную кнопку (к которой обычно имеет доступ высшее военное и политическое руководство страны), поскольку он, в отличие от лидеров всех государств, не способен испытывать какие-либо эмоции. Использование глагола *доверить* (считая человека способным сделать трудное для него и ответственное дело, поручить или разрешить его сделать [Активный словарь русского языка 2017]) говорит о том, что с роботом человеку следует взаимодействовать как с себе подобным.

- (100) Человеческий мир кончился. Мы уже с вами живем в **робото-человеческом** мире. Та **коробочка**, которая у вас в кармане, — это **фактически ваше продолжение**. Это **коробочка**, набитая **искусственным интеллект**ом,

которая **подсказывает** вам рекламу, расписание, дорогу, цитаты и так далее и потеря которой приводит вас в панику, в паническое состояние...

Третья история — медицина. Человек хочет жить вечно, и все, что связано с нейронками, с точностью операций, с точностью диагностирования, с нейрочипами... **Человек дополненный**. Это уже происходит. Вы сейчас сидите с телефоном и держите в руках **фактически ваше интеллектуальное расширение**, какая разница — вшитое под кожу или нет. У вас в руках уже **расширенный мозг**, вы боитесь потерять его. Скоро просто этот **функциональный блок физиологически дополнит ваш организм**...

Кто готов вживить себе чип, чтобы знать еще четыре языка без обучения? А кто считает вживление чего-либо в свой организм неприемлемым? Хочу огорчить вторую группу: здесь нет принципиальной разницы. Вживляете ли вы гаджет под кожу или таскаете с собой, **вы уже дополненный человек, трансгуманоид**

(https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot).

(101) Если человек хочет быть полиглотом, и знать максимальное количество языков для того, чтобы широко изучать культуру разных народностей, **он себе навтыкает чипов**, конечно. Потому что сидеть и учить язык — это дело мучительное, мало благодарное (<https://www.forbes.ru/forbeslife/406819-v-gostyah-u-kollekcionera-olga-uskova-o-tom-zachem-programmistam-abstraktnoe>).

Человек О. Ускова, напротив, видит далеко не совершенным: ему мучительно сидеть и учить иностранные языки, он мечтает жить вечно (100) — (101). Его мир кончился, он оказался в новой реальности — робото-человеческом мире. Чтобы человек занял свое место в этом мире, его нужно «дополнить» и «продолжить»: расширить мозг, внедрить чип. Очевидно, автор является носителем и выразителем трансгуманистических идей, «идеологии расчеловечивания человека» [Волков 2020: 754]. Очень точно о рисках, связанных с этой идеологией, пишет С.С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя)» [Хоружий 2008: 30].

(102) **Человечество само себя прокормить при таком росте популяции уже не может. Без роботов не справиться. Освоение новых земель без роботов невозможно...**

По данным ООН, 870 млн человек на планете голодают. **Единственный выход**, который на самом деле существует у человечества для того, чтобы не пухнуть от голода в разных регионах, как это сейчас происходит, — это научиться роботизированно **обслуживать поля, осваивать земли при помощи роботов** — **агроботов** (https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot).

Эту «игру на понижение» мы наблюдаем и в примере (102). Инфинитивное предложение (*Без роботов не справиться*) и другие показатели онтологической невозможности (*не может прокормить, без роботов невозможно*), помогают говорящему передать свою уверенность а) в человеческом бессилии, б) во всесии роботов. Напомним, что О. Ускова — владелица компании, производящей наземный транспорт, в том числе комбайны, поэтому в её интересах апеллировать к грядущей гибели человечества от голода (а не от глобального потепления или ядерного взрыва, к примеру) и предложить именно такой *единственный выход* из складывающейся ситуации.

(103) **Вместо людей в производство заходят роботизированные системы с ИИ.**

Но тряссти нас с вами будет не по-детски в этот переходный период еще лет 20–30. **Ключ в личном позиционировании в этой новой реальности. Самое главное решение — это желание выжить. Не сложить лапки и залечь на диван, а мотивированно заявить свою роль в новом мире и бороться за нее** (https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot).

Однако, когда роботы начнут выполнять работу *вместо* человека, он сам будет вынужден искать себе место в новой реальности (103), *выживать*, как говорит О. Ускова. Автор использует глагол *бороться*, обозначающий социальное интерсубъектное действие. Но с кем человек будет бороться — не сообщается. С людьми или уже с машинами?

Итак, анализ показал, что О. Ускова при помощи различных языковых средств (употребления глаголов отдельных классов, построения субъектно-объектных отношений и др.) создает и транслирует определенную картину мира — с понижением ранга человека и повышением ранга ИИ. Её коммуникативная цель состоит в «коррекции модели мира адресата» [Иссерс 2003: 109], распространении и утверждении трансгуманистических идей, создании образа «всесильного божества нашего Глобального человеканика», как писал о компьютере философ А.А. Зиновьев [Зиновьев 2006: 11].

3.3. Анализ дискуссии противника и адепта искусственного интеллекта

Анализ прямой дискуссии между публицистом Виктором Мараховским и исследователем ИИ Романом Душкиным (<https://radiosputnik.ria.ru/20230328/1861364329.html>), состоявшейся в радиоэфире, дает возможность через селекцию и комбинацию языковых средств говорящими выявить их принципиальные расхождения в отношении к одним и тем же явлениям.

(104) Душкин: *Сегодня мы находимся в турбулентности новой технологической революции. Это не хайп, не такая шумиха, которая поднялась с выходом новых генеративных моделей искусственного интеллекта, это действительно революция, которая подорвет и уже начинает подрывать все устоявшиеся социальные отношения и не только социальные, вообще любые отношения, которые в обществе устоялись в течении текущего технологического уклада. И, собственно, мы, люди, должны быть готовы к этому, поскольку являемся высоко адаптивными биологическими системами и должны быстро переделывать сами себя, переделывать свое общество для того, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни.*

Свою речь Р. Душкин начинает ярким заявлением о наступающей революции, которая *подорвет* (нанесет вред, ущерб [БАС]) имеющиеся социальные отношения. Грядущий технологический переворот представляет угрозу для общества. Однако вместо того, чтобы остановить эту революцию, человеку предлагается приспособиться к новому миру. Говорящий использует показатель деонтической

необходимости — люди *должны* («Агэнс обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает» [Падучева 2016]). Обратим также внимание на то, что людей автор называет *биологическими системами*, которые *должны переделать себя*. В тексте явно прослеживается всё та же трансгуманистическая риторика.

(105) Мараховский: *Либо у нас мессианство — мы приходим и приносим новый ИИ, который нам позволит... и дальше берем на себя ответственность за все, что случится. Либо у нас мессианства нет, но мы знаем, как исправить вот эту проблему и эту. Мы обещаем, что не породим новую, но с этой задачей мы справляемся. Это просто резко снижает накал мессианства, революционности и прочих заносчивых амбиций уважаемого прогрессорства.*

Возражая собеседнику, В. Мараховский называет прогнозы адептов ИИ *мессианством* (подразумевая под мессией ИИ) и *прогрессорством* (термин принадлежит А. и Б. Стругацким и означает в их фантастической вселенной содействие извне быстрейшему развитию внеземных гуманоидных цивилизаций [Мартынов 2012]). Используя лексический повтор (*мы*), назначая людей субъектами действий (*мы приходим, приносим, берем на себя ответственность, обещаем, справляемся с задачей*), а ИИ — объектом (*Мы приносим новый ИИ*), говорящий подчеркивает, что именно люди несут ответственность за то, к чему могут привести достижения прогресса.

(106) Душкин: *У нас работает Технический комитет №164 при Росстандарте, который занимается вопросами стандартизации и обеспечения доверия к тому, как системы ИИ себя ведут, какие результаты выдают.... Те стандарты, которые сейчас принимаются Росстандартом, как раз направлены на то, чтобы в нашем обществе таким проблем, как, например, кто-то отравил данные и в нужный момент показал беспилотному автомобилю QR-код, и он совершил какое-то противоправное деяние, чтобы такого не было, люди работают...*

*У ChatGPT нет сенсорных систем для этого [сбора информации из окружающего мира]. У нее только **одна сенсорная система** — это **чат**, через который с ней общаются. У нее нет подключения к внешнему миру: она не может **пойти в Википедию**, посмотреть ответ на какой-нибудь вопрос... **Плагины станут для чат сенсорами во внешний мир...***

*Она [ChatGPT] **выдумывает** ответ. Она [ChatGPT] **может говорить**, то есть **воспринимать и сообщать** текст. Она [ChatGPT] может «**видеть**» картинки, т.е. их **описывать** и генерировать...*

*Искусственные нейронные сети как раз и делают то, что **проявляют интуицию**.*

В примере (106) собраны высказывания Р. Душкина об ИИ и его системах. Автор использует информативный регистр, говоря об умениях и характеристиках ИИ. Обратим внимание на то, какие признаки приписывает говорящий искусственному разуму. ИИ может совершить *противоправное деяние*, т.е. осмысляется говорящим как субъект права. ChatGPT обладает сенсорными способностями (*может воспринимать, видеть*) и воспринимает окружающий мир через особые каналы — чаты, плагины, Википедию. У ChatGPT есть речевые умения: она может *говорить, сообщать текст, описывать* картинки. ИИ *выдумывает* ответ, *проявляет интуицию*, то есть выполняет ментальные действия. Наконец, системы ИИ могут *себя вести* каким-либо образом. Под поведением в Психологическом словаре понимается «целенаправленная система последовательно выполняемых действий, осуществляющий практически контакт организма с окружающими условиями», а источником поведения являются потребности организма [Психологический словарь 2004: 348]. Из этого следует, что автор говорит об ИИ как о живом существе, способном к целенаправленным действиям и имеющем потребности.

(107) Мараховский: *Одной из основных проблем цивилизации, особенно в последние пару столетий, стало появление класса людей, которые, в сущности, работают роботами, причем плохими и глюкавыми, **выполняя** не всегда хорошо*

алгоритмическую деятельность, таким образом отнимая у роботов совершенно заслуженную ими работу. Это все нужно давно отдать роботам.

Мараховский же в примере (107) утверждает, что роботы всего-навсего выполняют *алгоритмическую деятельность*, которую отдельные люди у них «отнимают». Эта работа достаточно проста, она не требует ни высокой квалификации, ни творческих способностей.

(108) Душкин: *Человек занимает **должность винтика** в большой системе. Один человек в мире технологического развития, которого мы достигли, своим собственным интеллектом **сделать ничего не сможет**. И нам приходится создавать организационный интеллект, подтип ролевого интеллекта.*

Говоря о человеке, Душкин включается в «игру на понижение Человека» [Хоружий 2008: 30]. В новом мире человек лишь *винтик* (здесь видятся отголоски механистической картины мира). Он *не сможет* (показатель онтологической невозможности) *ничего сделать своим собственным интеллектом*, поэтому должен создавать искусственный. Автор повторно высказывает мысль о несовершенстве человеческого интеллекта, человеческой природы.

Итак, анализ прямой дискуссии противника и сторонника новой технологической революции помог выявить разницу в их представлениях об ИИ и человеке. Позиции коммуникантов выявляются через отбор и сочетание речевых средств. Р. Душкин с помощью показателей субъективной модальности и особого подбора предикативных признаков одушевляет искусственные системы, демонстрируя упрощенное понимание человеческой природы. В. Мараховский, говоря об ИИ как о механизме, объекте действий людей, возлагает ответственность за возможные последствия НТР на человека, а не на ИИ.

3.4. Позиция разработчика ИИ: машина как инструмент

На примере текстов интервью И.С. Ашманова, кандидата технических наук, специалиста в области разработки ИИ и программного обеспечения, определим, каким видит ИИ его разработчик, стоявший у истоков этого направления.

- (109) *ИИ — это такой набор алгоритмов, программных правил, методов оптимизации, машинного обучения и так далее, который позволяет машине имитировать некоторые когнитивные (то есть умственные) функции человека. Именно имитировать (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).*
- (110) *Тем, кто этим ИИ занимается, известно более скучное определение ИИ: это такой пучок методов оптимизации, которые должны имитировать человеческие функции. Вот и всё. Причём, естественно, имитация человеческих функций происходит совершенно не так, как человек их выполняет (<https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx>).*
- (111) *ИИ – это россыпь задач по имитации самых разных функций человека. Задачи создания компьютера, осознающего себя – среди них нет, по крайней мере у разработчиков, а не шарлатанов (<https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx>).*

В первую очередь обратим внимание на определения (109) — (111), которые И.С. Ашманов даёт искусственному интеллекту. ИИ — это алгоритмы, задачи, программные правила, методы оптимизации. Автор использует техническую терминологию, говоря об ИИ исключительно как о технологическом продукте. Он подчеркивает, что машина способна лишь имитировать («воспроизводить что-либо с возможной точностью» [БАС]) некоторые функции человека, а не повторять его в точности.

- (112) *Никакого мышления там внутри, конечно, нет. Это просто некие сложные алгоритмы, у которых непредсказуемый результат может получаться просто в силу их высокой сложности (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).*
- (113) *Никакого сознания там не зарождается, а уж тем более воли. Там могут быть непонятные эффекты и сбои, как и с любыми сложными техническими устройствами (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).*

(114) *Мы говорим, таким образом, об имитации человеческих функций (возможно, совершенно какими-то другими, нечеловеческими методами), а не о том, что в машине заведётся разум* (<https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx>).

(115) *Это разработчики ИИ, которые смотрят на него очень практически, скучно, прагматично, они делают системы искусственного интеллекта, понимают, что у данного продукта есть определенный уровень качества, условно говоря, полнота и точность того, что он делает, порог использования сложности* (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).

Ашманов отмечает, что перед разработчиками не стоит задача создать осознающий себя компьютер. В примерах (112) — (115) он отрицает наличие у машины мышления, сознания, воли, разума — высших психических процессов и функций, имеющих социальную природу [Психологический словарь 2006: 72], а значит отличающих человека от других живых существ. Вспомним носителя прямо противоположной точки зрения О. Ускову, которая утверждала, что у ИИ есть мозг, интуиция, чутье, и говорила о его всемогуществе. Ашманов же в отрывке (115) сообщает об уровне качества, пороге использования ИИ, замечая, что его нельзя использовать для решения любых задач.

(116) *Мозг — это не компьютер. Там ничего общего с компьютером нет. Нет постоянной и оперативной памяти, нет процессора, мозг не «обрабатывает информацию». Компьютер не похож на мозг, и наоборот — как нет ничего общего у автомобиля с лошадью* (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).

Также И.С. Ашманов отрицает возможность применения к описанию человеческого мозга компьютерной метафоры (116), к которой в связи с развитием информационных технологий в последние десятилетия все чаще обращаются многие ученые и которая «переиначивает наши представления о сложноустроенной человеческой природе, создает почву для ее концептуального переосмысления» [Клементьева 2022b: 64]. Профессор Стивен Роуз, называя эту метафору

«порочной», отмечает, что она «выхолащивает реальное биологическое содержание из психологии» [Роуз 1995: 110].

Определим, каким образом мировоззренческая позиция говорящего влияет на отбор языковых средств и способы построения предложений в продуцируемых им текстах.

(117) *Про искусственный интеллект постоянно говорят, что он может лишить работы миллионы людей, что создаст социальные проблемы. Это не так, это «замыливание» реальной социальной и общественной проблемы. Ведь искусственный интеллект сам никого не увольняет, не крадет рабочие места. Социальные проблемы не создаются техническими устройствами. Они порождаются теми кадровиками и управленцами, которые увольняют людей ради дешевой экономики по приказу акционеров (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).*

В отрывке (117) автор заявляет о том, что ИИ не совершает действия, направленные на упразднение рабочих мест, что вся ответственность за социальные проблемы лежит на людях — *кадровиках, управленцах* (именно они занимают позицию агенса). А представление ИИ в качестве субъекта каких-либо действий является удобным средством для тех, кто желает переложить ответственность за свои неверные решения на машину.

(118) *Этих и так уже социально достаточно ущемленных и подавленных людей, в основном мексиканцев, поставили под контроль ИИ. Там установили камеры, которые научили распознавать перекуры, перерывы в работе, хождение, не связанное с выполнением прямых служебных обязанностей, и так далее. Сейчас людей непрерывно гоняют электронным хлыстом, штрафуют, наказывают, увольняют за мельчайшие нарушения, делают из них роботов, короче говоря (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).*

В примере (118) сообщается о том, как владельцы магазина с помощью технологий ИИ усилили контроль за сотрудниками. Отметим, что ИИ здесь занимает позиции инструмента (*гоняют электронным хлыстом*) и компонента, обозначающего «вступление в положение социальной зависимости лица»

(поставили под контроль ИИ) [Золотова 1988: 219]. Однако эту социальную зависимость порождает не сам ИИ, а люди, которые применяют его для своих целей. При восьми предикатах отсутствует субъект, хотя они явно обозначают действия людей (*гоняют, штрафуют, увольняют* и др.). Говорящий не называет тех, кто желает сделать из людей роботов.

(119) *В такой конфигурации ИИ не облегчает труд людей, а становится электронным надсмотрщиком, который не знает жалости, не ведает усталости, не отворачивается, с которым нельзя договориться, упросить или разжалобить. Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности. При этом никакого собственного интеллекта в искусственном интеллекте нет. Просто одни люди используют электронный хлыст, чтобы хлестать других людей с целью выжать больше денег* (<https://www.business-gazeta.ru/article/485833>).

Говоря об ИИ как об электронном надсмотрщике в отрывке (119), автор лишает его антропоморфных черт. ИИ не может испытывать эмоциональное (*не знает жалости*) и физиологическое состояние (*не ведает усталости*). Человеку нельзя с ним *договориться* (глагол социального интересубъектного действия), то есть быть в позиции «на равных». Использование каузативных глаголов (*нельзя упросить, разжалобить*) говорит о том, что человек никаким образом не может воздействовать на ИИ. По представлениям говорящего, ИИ — это механизм, который хорошо выполняет заложенные в него функции. В последнем предложении ИИ снова занимает позицию инструмента, с помощью которого одни люди подчиняют других.

(120) *Надо понимать, что, хотя решает вроде бы алгоритм, политику, этику, принципы в него всё равно закладывают люди, которые могут ошибаться или быть злонамеренными. Однако на основе этих ошибок машина начинает управлять людьми, и её решения не подлежат оспариванию, они конечные* (<https://russian.rt.com/science/article/944185-ashmanov-iskusstvennyi-intellekt-intervyu>).

В примере (120) говорящий при субъекте *алгоритм* использует глагол ментального действия *решает*, «закрывая» его модальной частицей *вроде бы*, выражающей сомнение, неуверенность [Русская грамматика 1980: 724]. Почему автор делает такой выбор, мы понимаем далее. Все решения, которые якобы принимает ИИ, основаны на принципах, заложенных в него людьми (алгоритм здесь является объектом их действий). Однако далее машина и люди меняются местами: человек становится объектом ее действий. Но управляет она людьми только *на основе* их же ошибок, обращаясь к их опыту, не к своему собственному.

(121) *Люди накладывают на ИИ свою этику. Например, вы обучаете ИИ для найма персонала. Дайте ему данные о том, каких людей нанимали в вашу большую корпорацию раньше... И вот нейронная сеть усваивает сложившуюся практику и записывает в свои вероятностные коэффициенты, что, допустим, темнокожих, женщин, больных, пожилых нанимать невыгодно, — вот и всё, дискриминация. Это если вы делегировали ИИ финальное право решать* (<https://russian.rt.com/science/article/944185-ashmanov-iskusstvennyi-intellekt-intervyu>).

То же самое мы наблюдаем в отрывке (121). Люди обучают машину, закладывают в нее этику, которая включает в себя не моральные и нравственные принципы, а *данные, вероятностные коэффициенты*. Автор использует техническую терминологию, проводя четкую границу между человеком и машиной. Человек *делегировает* (передает свои права или обязанности [Активный словарь русского языка 2017: 79]) право решать машине. Он все еще остается целенаправленно действующим субъектом. Он подчиняет себе ИИ в соответствии со своими целями и интересами, а не наоборот.

Таким образом, И.С. Ашманов, имея непосредственное отношение к разработке ИИ, транслирует научную картину мира. ИИ в его текстах лишен антропоморфизма, самостоятельности. Часто отводя ИИ в предложении позицию инструмента или объекта действия, автор подчеркивает его машинную природу. Рядом с ИИ в текстах И.С. Ашманова всегда присутствует его создатель — человек.

Именно он закладывает в машину программы, управляет ею, а значит несет ответственность за результаты применения технологий.

Раздел 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ

В этом разделе будут проанализированы официально-деловые тексты, которые составляют нормативно-правовую базу Российской Федерации в области искусственного интеллекта, а также текст законопроекта, находящегося на стадии обсуждения. Документы, которые мы рассматриваем, относятся к классу директивов, «побуждающих реципиента к какому-либо действию» [Петрова 2005: 21]. Они направлены на регулирование отношений между органами государства, организациями и частными лицами в сфере использования и развития систем искусственного интеллекта.

Согласно И.В. Батуриной, «в современном российском законодательстве идет процесс поиска фундаментальных основ, векторов развития аксиологического понимания в сфере технологического развития» [Батурина 2023: 128]. Поэтому представляется важным произвести анализ официально-деловых текстов, выступающих индикаторами актуальных общеполитических ценностей и идеалов. Мы намерены рассмотреть эти тексты с точки зрения их участия в репрезентации социальной реальности, в трансляции и внушении определенных установок, поскольку важнейшими конститутивными признаками делового стиля являются не только сообщение и предписание, но и воздействие [Петрова 2005: 21]. Л.А. Месеняшина пишет, что «главными средствами управления как формы воздействия были и остаются убеждение, и главным образом, принуждение. Поэтому документу не нужна экспрессия. Он воздейственен не в силу экспрессивности, а в силу внеязыковых установлений» [Месеняшина 1996: 11].

И.В. Батурина, говоря о важной роли правового дискурса в технофотворчестве, т.е. в создании мифа об искусственном интеллекте, отмечает, что в документах, связанных с регулированием отношений в сфере ИИ, проявляются как «технопессимистические», так и «технопрогрессистские» тенденции [Батурина 2023]. Наша задача состоит в том, чтобы посредством лингвистического анализа распознать эти тенденции, выявить и описать языковые

инструменты, позволяющие законодателю внушить адресату конкретные убеждения и установки в отношении искусственного интеллекта и новых технологий.

§1. Некоторые результаты частотного анализа документов в области ИИ

В официально-деловых текстах в области искусственного интеллекта отражены современные реалии, связанные с цифровой трансформацией различных сфер человеческой деятельности. Имеющие предписывающий характер, эти тексты воплощают «волю законодателя, его намерение направить общественные отношения» в определенную сторону, изменить социальную действительность [Лазутин 2018: 28]. Однако иногда «элементы замысла законодателя» не находят «прямого закрепления в нормативном правовом акте» [Там же: 31], но могут быть выведены интерпретатором при помощи определенных исследовательских инструментов. Таким инструментом может стать метод частотного анализа, который применяется для выявления внеязыковой реальности, стоящей за текстом, для определения его ценностных доминант, т.е. наиболее существенных смыслов [Карасик 2002: 170]. Методика автоматического анализа текста, позволяющая выявлять его аксиологические доминанты, уже доказала свою применимость [Кочетова, Попов 2019], [Мосунова, Митягина, Ананин 2022].

В настоящем параграфе перед нами стоит задача проанализировать данные о встречаемости конкретных слов (и словосочетаний) в официально-деловых текстах, посвященных ИИ, и дать этим данным содержательную интерпретацию. Для решения этой задачи был произведен частотный анализ шести документов в сфере ИИ. Материалом для анализа послужили официально-деловые тексты, которые составляют нормативно-правовую базу РФ в сфере искусственного интеллекта: «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.», «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.», Постановление Правительства РФ «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды», Дорожная карта развития “сквозной” цифровой

технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Кроме того, в фокусе нашего внимания оказались Проект Указа Президента РФ «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий на период до 2030 г.», отразивший аспекты трансгуманистической идеологии и поэтому вызвавший широкий общественный резонанс, а также «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», разработанный на основе «Национальной стратегии...» и носящий не предписывающий, а рекомендательный характер.

Приведенные далее количественные данные были получены в результате автоматизированного частотного анализа указанных текстов с последующей ручной обработкой. Указанная задача была решена с помощью программных средств, разработанных А.С. Шматко (ФФФХИ МГУ) [Сидорова, Шматко 2019]. Содержание документов было переведено в текстовый формат с исключением сокращений типа *табл.*, *т.д.*, *др.* Далее были произведены токенизация каждого документа (разбиение на отдельные слова и приведение их в начальную форму), компьютерная лемматизация и ручная «чистка». Из полученного корпуса мы исключили те слова, которые не выполняют номинативную функцию: служебные части речи (союзы, предлоги, частицы), личные местоимения. Также были получены списки биграмм, триграмм и тетраграмм. В таблице 3 приводятся списки 20 наиболее частотных слов по каждому документу. Количество словоупотреблений представлено в абсолютном выражении.

Таблица 3. 20 наиболее частотных слов в современных официально-деловых текстах, посвященных ИИ

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.	Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.	Постановление Правительства РФ «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды»
искусственный – 153 интеллект – 153 российский – 82 развитие – 76 технология – 60 обеспечение – 53	интеллект – 182 искусственный – 182 робототехника – 146 система – 121 технология – 87 применение – 67	образовательный – 145 российский – 78 цифровой – 76 федерация – 75 эксперимент – 57 система – 49

<p>решение – 53 федерация – 51 данные – 50 область – 49 число – 44 использование – 42 стратегия – 39 реализация – 36 настоящий – 35 создание – 34 система – 34 научный – 32 государственный – 31 год – 28</p>	<p>сфера – 65 регулирование – 58 развитие – 55 использование – 52 правовой – 48 данные – 47 российский – 46 федерация – 40 решение – 31 разработка – 31 создание – 30 цель – 28 должный – 27 условие – 27</p>	<p>министерство – 44 платформа – 37 единый – 36 контент – 35 информационный – 35 среда – 34 сервис – 30 просвещение – 27 развитие – 26 государственный – 26 обеспечивать – 23 общий – 23 проведение – 22 образование – 22</p>
<p>Дорожная карта развития “сквозной” цифровой технологии “Нейротехнологии и искусственный интеллект”</p>	<p>Проект Указа Президента РФ «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий на период до 2030 г.»</p>	<p>Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта</p>
<p>поддержка – 449 сфера – 362 другой – 309 система – 294 использование – 254 решение – 230 данные – 152 проект – 145 применение – 144 продукт – 121 объект – 119 внедрение – 115 способный – 108 коммерциализация – 100 интеллект – 99 искусственный – 99 технология – 97 управление – 94 алгоритм – 94 фонд – 94</p>	<p>технология – 105 развитие – 79 природоподобный – 77 наука – 58 российский – 57 федерация – 57 стратегия – 51 конвергентный – 47 система – 46 создание – 41 реализация – 33 процесс – 23 новый – 22 формирование – 22 национальный – 20 этап – 19 научный – 19 исследование – 18 технологический – 17 разработка – 17</p>	<p>ИИ (<i>искусственный интеллект</i>) – 85 СИИ (<i>система искусственного интеллекта</i>) – 70 актор – 54 кодекс – 38 человек – 23 технология – 22 должный – 20 использование – 18 сфера – 18 лицо – 17 настоящий – 16 развитие – 16 число – 16 применение – 15 этика – 15 данные – 14 мочь – 13 рекомендоваться – 13 российский – 12 положение – 11</p>

Жирным шрифтом в таблице выделены те лексемы, которые встречаются в самих названиях документов. Как мы видим, содержание документов соответствует их наименованиям. Ниже приведем качественный анализ полученных количественных данных.

1) Смысловая доминанта «Национальной стратегии...» — биграмма *искусственный интеллект* (153 словоупотребления). 60 употреблений у ее контекстной синонимичной замены — *технология*. Документ направлен на обеспечение национальных интересов, отсюда вытекает высокая частотность слов *российский* (82), *федерация* (51), *государственный* (31). Стратегия подразумевает активную созидательную и контролирующую роль государства.

В приведенный «верхний» список не вошли личные имена. Они в тексте документа присутствуют, однако их суммарная частота употреблений (58) значительно ниже частоты использования главного имени — *искусственный интеллект*: *специалист* (22), *человек* (13), *гражданин* (7), *президент* (6), *сотрудник* (3), *работник* (3), *участник* (3).

В верхней части словника мы не обнаруживаем ни одного глагола, что обусловлено «именным характером» деловой речи [Кожина 1983: 180]. Однако здесь присутствует ряд событийных имен существительных, обозначающих процессы: *развитие* (76), *обеспечение* (53), *решение* (53), *использование* (42), *реализация* (36), *создание* (34). Лексически соотносимые с глаголами, они имеют «более обобщенно-отвлеченное значение» [Васильева 1976: 113]. Кроме того, в отглагольном существительном «стираются» некоторые категориально-семантические показатели глагола, например залоговые или видовые [Там же: 114]. «Стирание» лица и числа в отглагольном существительном позволяет нивелировать действующего субъекта, сосредоточить внимание читателя на самом действии. Следующий отрывок из «Национальной стратегии...» ярко это демонстрирует:

Для реализации настоящей Стратегии требуется создание нормативно-правовой базы, предусматривающей обеспечение защиты данных, полученных при осуществлении экономической и научной деятельности, в том числе их хранение преимущественно на территории Российской Федерации, а также установление

приоритетного доступа российских государственных органов и организаций к таким данным.

В приведенном примере на семь событийных имен существительных приходится три глагольные формы, причем две из них причастные. Авторы документа называют действия, но не относят их к конкретным лицам. Учитывая тот факт, что «Стратегия...» представляет собой руководство к действию, такая ситуация представляется достаточно странной. Остается неясным, кто должен реализовывать запланированные действия.

2) Похожим образом выглядит верхняя часть словника «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники». Смысловые доминанты текста — биграмма *искусственный интеллект* (182) и существительные *робототехника* (146), *система* (121), *технология* (87). Отметим, что *система* входит в состав триграммы *система искусственного интеллекта* (62 употребления), а *технология* — в состав триграммы *технология искусственного интеллекта* (64). Так же, как и в предыдущем документе, высока доля событийных имен: *применение* (67), *регулирование* (58), *развитие* (55), *использование* (52), *решение* (31), *разработка* (31), *создание* (30).

Хотя цель документа, по словам самих авторов, — «формирование основ правового регулирования новых общественных отношений» (Концепция 2020), доля лексем, «обслуживающих» сферу человека, мала: *человек* (25), *общество* (12), *гражданин* (12), *общественный* (11), *разработчик* (11), *лицо* (6), *гражданский* (5). Создается впечатление, что человек принимает минимальное участие в общей цифровой трансформации.

3) Самые частотные слова Постановления «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» позволяют понять, на регулирование какой сферы направлен документ (*образовательный* (145), *просвещение* (27), *образование* (22)), где будет происходить образовательный эксперимент (*платформа* (37), *сервис* (30), *система* (49)), что будет средством обучения (*контент* (35)). Эксперимент предполагает целеполагающую роль государства. К

такому заключению позволяют прийти данные о частотности употребления слова *государственный* (26) и биграмм *Российская Федерация* (75), *Министерство просвещения* (27).

Основные участники образовательного процесса, на которых направлен эксперимент, в документе называются следующим образом: *участник образовательных отношений* (15), *педагогический работник* (5), *родитель* (3), *участник эксперимента* (3), *законный представитель* (3), *субъект персональных данных* (2). Количество их упоминаний показывает, что фокус внимания в данном документе смещен на цифровую платформу (среду), а не на тех, кто будет ею пользоваться. В документе никак не обозначается активнейший участник образовательных отношений — учащийся.

4) Верхняя часть словника «Дорожной карты...» мало информативна. Первые десять имен существительных никак не раскрывают предметную область, не дают возможности понять, какие сферы регламентирует документ, кто будет играть ведущую роль в исполнении предписаний. Слова *поддержка*, *сфера*, *система*, *использование*, *решение* и др. могут присутствовать в любой государственной стратегии или «дорожной карте».

Чтобы понять, какую функциональную нагрузку имеет наиболее часто встречающееся слово *поддержка*, обратимся к списку самых частотных биграмм и триграмм, в которые оно входит: *поддержка коммерциализации* (88), *поддержка компаний-лидеров* (49), *поддержка компаний* (44), *поддержка малых предприятий* (43), *грантовая поддержка* (42). Как мы видим, под *поддержкой* чаще всего понимается помощь со стороны государства, которому, видимо, отводится руководящая роль в развитии ИИ.

На третьем месте по частотности мы находим местоимение *другой* (309). Оно входит в состав тетраграмм *использование в другой сфере* (124), *применение в другой сфере* (106). Исходя из этого, можно предположить, что развитие технологий связано с их повсеместным распространением, внедрением в различные области. Высокая частотность отглагольных существительных *использование* (254), *применение* (144) и *внедрение* (115) также может говорить о том, что цель авторов

документа — сделать так, чтобы новые технологии стали неотъемлемым атрибутом социальной реальности.

Во втором десятке наиболее частотных слов (биграмм) мы находим названия самих технологий: *искусственный интеллект* (99), *технология* (97), *алгоритм* (94). Документ также «легитимирует» новых акторов: *ассистент* (38), *робот* (30), *чат-бот* (11), *голосовой помощник* (4).

5) В список самых частотных слов Проекта Указа «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий...», помимо тех, что использованы в самом названии Указа, входит группа лексем, связанных с наукой: *наука* (58), *научный* (19), *исследование* (19), *разработка* (17). Присутствие этой лексической группы в верхней части словника дает возможность понять, какую сферу регулирует документ.

Количественные данные показывают, что в тексте часто используется термин *конвергентный* (47), имеющий неочевидную внутреннюю форму и позволяющий адресанту «затемнять» истинное назначение предлагаемых нововведений, которые, по мнению критиков Проекта Указа, подразумевают слияние человека и машины.

Термин «конвергентные технологии» появился в 2001 г. в докладе Национального научного фонда о NBIC-инициативе. NBIC-конвергенция — это «взаимовлияние нано- (N), био- (B), информационных (I) и когнитивных (C) технологий. В ней два главных момента: 1) объединение различных наук в рамках междисциплинарного проекта в нанометрическом масштабе; 2) проблема “улучшения человека”, «человеческой функциональности» (improving human performance)» [Кравченко 2019: 168]. Конвергенция информационных и когнитивных технологий вызывает опасения многих ученых, поскольку «речь идёт уже не об улучшении отдельных качеств человека, а о трансформации человека как вида и переходе к новому этапу его эволюции как управляемого процесса самоконструирования» [Соколова 2015: 23].

Примечательно, что среди наиболее употребительных лексем оказалось слово *новый* (22). Оно входит в биграммы *принципиально новый* (12), *новое*

поколение (5). Отсюда может вытекать вывод о том, что авторам документа важно подчеркнуть инновационность предлагаемых решений.

б) Частотный словник «Кодекса этики...» принципиально отличается от словников рассмотренных выше документов. Среди часто употребляемых слов мы наблюдаем сразу три личных имени: *актор* (54), *человек* (23), *лицо* (17). Представлены также имена существительные, называющие новые технологии: *ИИ* (85), *СИИ* (70), *технология* (22). Однако стоит отметить, что *ИИ* в тексте чаще всего используется не изолированно, а в составе биграммы *актор ИИ* (это самая часто встречающаяся биграмма, она употребляется 47 раз).

Авторы отмечают, что документ утверждает а) гуманистический подход (о чем говорит частота употребления личных имен), б) ответственность людей за применение интеллектуальных систем (на что указывает обнаруживаемое на седьмом месте по встречаемости прилагательное *должный* (20), которое 11 раз входит в состав триграммы *актор ИИ должен*). Верхняя часть словника «Кодекса...» показывает явную ориентированность на человека.

Таким образом, проведенный частотный анализ основных документов в области искусственного интеллекта позволил выявить в них схожее ценностное ядро. В официально-деловых текстах прослеживается единая направленность на декларирование искусственного интеллекта и цифровых технологий, их активное внедрение в социальную действительность, о чем свидетельствует высокая частотность соответствующих слов (биграмм): *искусственный интеллект*, *технология*, *робототехника*.

Хотя в преамбулах документов утверждается, что те направлены на обеспечение национальных интересов и регулирование различных сфер общественной жизни, доля лексем, «обслуживающих» сферу человека в рассмотренных словниках, достаточно мала. Исключение составляет словник «Кодекса этики...», в котором высока встречаемость личных имен. Полученные количественные данные позволяют прийти к следующему выводу: развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта выглядят как самоцель и не имеют связи с интересами общества.

Высокая частотность употребления имен существительных в исследованных текстах объясняется «именным» характером деловой речи и имеет функциональную обусловленность. Многие из существительных лексически соотносимы с глаголами, однако имеют бóльшую отвлеченность по сравнению с ними. Это помогает авторам направить фокус внимания на само действие или процесс, а не на исполнителя. Результаты наблюдений за употреблением событийных имен (свернутых предикаций) в деловых текстах будут приведены в следующих параграфах.

§2. Коммуникативно-грамматическое устройство деловых документов с технопрогрессистскими тенденциями

В данном параграфе мы рассмотрим тексты документов, в которых проявляются технопрогрессистские, или технооптимистические тенденции, т.е. транслируется идея о том, что «технологическое развитие является локомотивной силой благополучия социума и человека» [Батурина 2023: 128].

Первым объектом нашего анализа станет «Дорожная карта развития “сквозной” цифровой технологии “Нейротехнологии и искусственный интеллект”», утвержденная в 2019 году и представляющая собой документ, в котором отображены цели и задачи, связанные с расширением применения ИИ, с указанием срока их исполнения (Дорожная карта 2019). Рассмотрим несколько показательных фрагментов из документа.

(122) *Искусственный интеллект (ИИ) — комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.*

В примере (122) дается определение искусственного интеллекта. Именно это определение фигурирует в большинстве деловых документов, посвященных использованию ИИ (ГОСТ Р 59895-2021, Национальная стратегия 2019, Стратегия цифровой трансформации 2021 и др.). Вместо того, чтобы определить, чем является ИИ как таковой, авторы стратегии пишут о его отношении к человеку и

человеческой деятельности. ИИ призван не просто имитировать функции человека, но и превзойти его (*как минимум сопоставимые с результатами деятельности человека*). Это один из примеров того, как в официально-деловом дискурсе утверждается представление об ИИ как о феномене, превосходящем возможности человека.

(123) *Развитие искусственного интеллекта существенно улучшит ситуацию с здравоохранением в стране. Повысится качество медицинских услуг и точность диагностирования. Все это увеличит ожидаемую продолжительность здоровой жизни россиян. Развитие искусственного интеллекта также улучшит ситуацию с образованием в РФ: каждый ученик сможет получать задание в соответствии с его способностями, а учителям и преподавателям не придется тратить время на выполнение однообразных операций.*

Описывая эффекты от развития технологий (123), авторы «Дорожной карты...» приписывают неодушевленным субъектам предикаты, выражающие положительную оценку (*развитие улучшит, качество повысится, все увеличит*), используют интенсифицирующие средства (*существенно улучшит, каждый ученик*). Обратим внимание на понижение ранга учителя по линии прямой/косвенный падеж субъекта (*учителям и преподавателям не придется тратить время*). У педагога не только ослаблено волевое начало, он фактически дебиологизирован. Его превращают в машину, выполняющую *однообразные операции*.

(124) *Технологическая задача: Обучение без учителя.*

Рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений – система решений, посредством которых процесс выполняется без участия человека...

Создание рекомендательных систем, тестируемых без участия пользователя.

Во фрагменте (124) мы собрали несколько примеров употребления синтаксемы *без + Род. пад.* со значением отсутствия или неучастия названного лица

[Золотова 1988: 37]. Эта синтаксема в документе употребляется 12 раз, что говорит о желании авторов исключить человека из участия в таких сложных процессах, как обучение и принятие решений.

(125) *Компьютерное зрение — класс решений, которые **находят, отслеживают и классифицируют** объекты, а также **синтезируют** видео / изображения.*

В противоположность ослаблению личного субъекта происходит усиление неличного. Так, в примере (125) решения приобретают самостоятельность, акциональность, способность выполнять сложные ментальные действия (*находят, отслеживают, классифицируют, синтезируют*).

(126)

<i>Состояние на 2018 год</i>	<i>Целевой результат на 2021 год</i>	<i>Целевой результат на 2024 год</i>
<i>Синтез/генерация изображений/видео и подмена объектов в видео/фото затруднены (легко отличить синтезированное изображение)</i>	<i>Синтез/генерация 3D, 2D изображений и видео объектов на хорошем уровне, но человек все еще может отличить синтезированный материал</i>	<i>Синтез/генерация 3D, 2D изображений и видео объектов с сохранением узнаваемости (человек не может отличить синтезированное видео от настоящего)</i>
<i>Диагностика патологий по изображению хуже, чем человек</i>	<i>Диагностика патологий по изображению на уровне человека</i>	<i>Диагностика патологий по изображению (фото, МРТ, УЗИ) лучше, чем человек, для более чем 20 типов заболеваний/снимков</i>
<i>Принятие решений/рекомендации на основе длительного анализа</i>	<i>Системы предиктивной аналитики для промышленности, сельского хозяйства и сервисных отраслей (финансы, торговля) точнее и быстрее, чем человек.</i>	<i>Принятие решений в рамках непрерывного процесса (оборудование/робот; до 0,1с)</i>

Бóльшая часть документа представляет собой таблицу с целевыми показателями развития искусственного интеллекта с 2018 по 2024 год, как в примере (126). Используемые компаративные конструкции (*хуже, чем человек; лучше, чем человек; точнее и быстрее, чем человек*) говорят о том, что в каждом случае человек и его ментальные способности выступают мерой для определения успеха в области разработки ИИ. Видимо, результат, которого хотят добиться авторы «Дорожной карты...», заключается в достижении полного превосходства ИИ над человеком.

Следующий объект анализа — «Стратегия развития природоподобных (конвергентных) технологий на период до 2030 г.» (Стратегия развития природоподобных технологий 2022), авторы которой связывают технологическое будущее страны с развитием конвергентных наук, т.е. тех, что направлены на слияние биологических, естественных элементов с неживой природой, современными технологиями. Отметим, что, хотя сочетание «искусственный интеллект» не фигурирует в названии «Стратегии...» и почти не встречается в самом тексте, мы рассматриваем этот документ потому, что его авторы а) относят ИИ к числу конвергентных технологий (точнее — к «базовым элементам природоподобной техносферы»); б) считают «создание нового поколения систем искусственного интеллекта с когнитивными возможностями» приоритетной задачей».

(127) *Нанотехнологии – технологическая культура, основанная на возможности прямого **оперирования** атомами и молекулами с целью **получения** принципиально новых веществ...*

*Биотехнологии – интеграция биологических и инженерных наук, позволяющая использовать возможности живых организмов или их производных для **создания и модификации** продуктов...*

*Когнитивные технологии – группа технологий, ориентированных на **исследование сознания**, интеллектуальной, в частности познавательной деятельности человека и **повышение его интеллектуальных возможностей**.*

Нейроморфные технологии – природоподобные технологии и системы, основанные на принципах работы нервной системы человека.

В начале документа (127) авторы вводят понятия, лежащие в основе Стратегии и расширяющие концептосферу адресата. Здесь присутствует ряд предикатов, лишенных субъектной отнесенности (*оперирование, получение, создание, модификация, исследование, повышение*). Непонятно, кто будет получать научные результаты, создавать продукты и исследовать сознание человека, хотя, как пишет М.Н. Кожина, официально-деловому тексту свойственна «точность, не допускающая инотолкования» [Кожина 1983: 175]. Человек здесь является объектом исследования, а принципы работы его нервной системы — лишь основой для создания нейроморфных технологий.

Большое количество номинализаций (свернутых предикаций) П. Серию называл значимой чертой советского политического дискурса и объяснял это спецификой «ментального мира», связанной с тенденцией к обобщенности и неопределенности [Серийо 1999]. М.Ю. Сидорова пишет о принципиальной разнице в употреблении номинализаций в речах Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, исследованных П. Серийо, и в современных документах, посвященных цифровизации: «все зависит от того, эксплицированы ли субъекты этих предикаций одним из возможных в русском языке способов» [Сидорова 2022: 33]. Субъекты при свернутых предикациях в выступлениях советских вождей, как правило, названы (*работа партии, благосостояние людей, труд народа*). А в приведенном нами примере из «Стратегии...» (127) точно определить, кто будет повышать интеллектуальные способности человека и получать новые вещества, не представляется возможным.

(128) *Приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации – важнейшие направления научно-технологического развития государства, в рамках которых создаются и используются технологии, реализуются решения, наиболее эффективно отвечающие на большие вызовы, и которые обеспечиваются в первоочередном порядке кадровыми, инфраструктурными, информационными, финансовыми и иными ресурсами.*

В отрывке (128) мы наблюдаем, что позиция неодушевленных субъектов, напротив, усиливается: *технологии создаются и используются, решения реализуются, направления обеспечиваются*. Создается впечатление, что авторы «Стратегии...» снимают с себя ответственность за описываемые действия и процессы, не хотят становятся их активнорействующими субъектами, а желают перепоручить все технологиям.

(129) *Причиной кризиса является антагонизм природы и созданной человеком техносферы.*

Природа миллионы лет существует без ресурсного голода в рамках замкнутого, самосогласованного ресурсооборота. Индустриальная же цивилизация за 150–200 лет своего существования пришла на грань ресурсной катастрофы...

Это обусловлено чрезвычайно высокими энерго- и ресурсоемкостью технологий, созданных человеком, в отличие от исключительно «экономных» технологий живой природы.

Выход из кризиса возможен лишь путём создания техносферы, базирующейся на природоподобных технологиях, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот.

Среди вызовов, ответы на которые призвана дать «Стратегия...», авторы называют «антагонизм природы и человека» (129). Законодатели противопоставляют совершенную природу несовершенному человеку, используя интенсифицирующие средства. *Чрезвычайно высокая ресурсоемкость технологий человека противопоставлена исключительно «экономным» технологиям природы, миллионы лет существования природы без ресурсного голода — грани ресурсной катастрофы цивилизации. Выход из кризиса авторы видят в создании технологий, способных самостоятельно воспроизводить системы живой природы. Именно эти технологии будут способны разрешить наметившийся конфликт между природой и человеком.*

(130) *В рамках создания природоподобной техносферы каждая из конвергентных наук и технологий выполняет свои функции.*

Нанотехнологии, оперируя атомами и молекулами, позволяют получить принципиально новые вещества и материалы с заданными свойствами, используя для этого те же «технологические приёмы», что и сама природа.

Симбиоз нано- и биотехнологий позволяет не только воспроизводить живую материю, но и создавать принципиально новые биоорганические материалы и структуры.

Информационные технологии позволяют воспроизводить в искусственных объектах природные процессы преобразования информации.

В техносфере, как в новой реальности, технологии приобретают самостоятельность, становятся субъектами действий (*выполняют функции, оперируя атомами, используя приемы*). В отрывке (130) мы также видим ряд предикаций, субъект которых не назван. Очевидно, что между технологиями и теми, кто будет *получать вещества, воспроизводить материю и процессы, создавать материалы*, нет равенства. Но кто будет активным субъектом полноценного использования конвергентных технологий, не сообщается.

(131) *Чтобы разумно и эффективно пользоваться возможностями природоподобных (конвергентных) наук и технологий, необходима радикальная трансформация сознания самого человека как социального существа...*

Природоподобные (конвергентные) науки и технологии относятся к стратегическим приоритетам, ориентированным на средне- и долгосрочную перспективу, обеспечивающим создание принципиально новых прорывных технологий и приводящим к смене технологического уклада.

Чтобы принять техносферу как новую для себя реальность и начать разумно ею пользоваться, *необходима* (показатель деонтической необходимости) трансформация человека (131). Интересно, что авторы, говоря о человеке, вновь выбирают свернутую предикацию и синтаксическую технику понижения ранга субъекта, перемещая его на позицию второстепенного члена (не человек должен трансформироваться, а *необходима трансформация сознания человека*). Остается

непонятным, будет эта трансформация добровольной и сознательной или же принудительной.

(132) *Таким образом, главный **вектор**, задающий направление научно-технологического развития, **определён**.*

*В ходе реализации Президентской инициативы «Стратегия развития nanoиндустрии» **заложена** идеологическая (интеллектуальная), кадровая и инфраструктурная **база** для развития конвергентных НБИКС-природоподобных наук и технологий.*

***Сформирована** национальная нанотехнологическая **сеть**, объединяющая сотни научных, образовательных, проектных и промышленных центров...*

***Создан** уникальный, не имеющий прямых аналогов в мире, **центр** конвергентных наук и технологий...*

***Сформирована** инновационная научно-образовательная **система** междисциплинарной подготовки кадров.*

В примере (132) наблюдается ряд пассивно-результативных предложений, где предикат выражен кратким страдательным причастием, а субъект действия снова не назван (*вектор определен, база заложена, сеть сформирована, центр создан, система сформирована*). Страдательные конструкции «позволяют абстрагироваться от конкретных исполнителей и сосредоточить внимание на самих действиях» [Голуб 2010: 62]. Авторам не важно, кто совершал эти перфективные действия, создавал базу для технологического развития, важен лишь результат: все готово для реализации «Стратегии...», для начала слияния человека и технологий.

(133) *Речь должна идти о принципиально новых, природоподобных технологиях, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой.*

В отрывке (133) человек появляется в качестве субъекта неблагоприятного действия с пониженным синтаксическим рангом (*нарушенный человеком*). Технологии, напротив занимают традиционную для субъекта позицию

подлежащего: они *существуют* (экзистенциальный предикат) и позволяют *восстановить* то, что нарушил человек.

(134) *В процессе реализации Стратегии могут возникнуть следующие риски, ставящие под угрозу достижение её целей:*

- *несформированность **среди населения** понимания сути и масштаба больших вызовов и необходимости ответа на них;*
- *отсутствие **в общественном сознании** представлений о природоподобных (конвергентных) науках и технологиях, и их важности для преодоления «больших вызовов»;*
- *отсутствие **в научном сообществе и сфере государственного управления** Российской Федерации сформированного адекватного представления о природоподобных (конвергентных) науках и технологиях, и актуальности их развития.*

Среди рисков, связанных с реализацией «Стратегии...» и ставящих ее под угрозу, — человеческий фактор (134). Авторы пишут о неспособности людей испытывать конкретные ментальные состояния (*несформированность понимания, отсутствие представления*). Хотя субъектный компонент в конструкциях формально присутствует и сохраняет значение носителя признака, предикативные отношения скрыты, не актуализированы (*среди населения, в общественном сознании, в научном сообществе, в сфере государственного управления*).

Итак, перед нами явная «трансгуманистическая ода». «Стратегия...» предполагает существенную перестройку отношений между человеком и технологией, даже их слияние. Важно, что этот текст корректирует представления адресата и о себе самом. Человеку предлагается «цифровой взгляд, позволяющий воспринимать себя с позиции “ограниченной окружающей природной среды”, формируя искаженный образ самости» [Батурина 2023: 127].

Подводя общий итог, можно заключить: проанализированные документы, декларируя искусственный интеллект, формируют определенные представления адресата о нем и современных технологиях в целом. Возвышение технологий сопровождается понижением ранга человека. В первом документе нами был

отмечен признак дебиологизации человека. Во втором документе также выявляются предпосылки для концептуального переосмысления природы человека.

Хотя для языка законов в целом характерен «безличный характер речи» [Голуб 2010: 62], к рассматриваемым текстам это применимо только тогда, когда речь идет о действиях, выполняемых человеком. Действиям, совершаемым искусственным интеллектом и различными технологиями, безличность не свойственна. Предикации с неэксплицированным личным субъектом, понижение ранга личного субъекта, приписывание неличным субъектам предикатов ментального действия — все эти синтаксические техники направлены на инволютивизацию личного субъекта и активизацию неличного. В цифровом мире, моделируемом законодателями, вещи существуют и процессы происходят отчужденно, независимо от людей. Человеку отводится лишь «пассивная роль наблюдателя и покорного потребителя неотвратимых перемен» [Сидорова 2022: 32].

§3. Коммуникативно-грамматическое устройство деловых документов с технопессимистическими тенденциями

Принципиально иную субъектную структуру имеет «Кодекс в сфере этики искусственного интеллекта», подписанный в 2021 году представителями госаппарата, ИТ-специалистами, учеными, предпринимателями и представляющий собой свод этических норм, регулирующих отношения в сфере искусственного интеллекта (Кодекс 2021). «Кодекс...» носит добровольный характер и является примером «аксиологического осмысления» нового феномена [Батурина 2023: 126]. Рассмотрим несколько фрагментов из этого документа.

(135) *Под **Акторами ИИ** понимается круг лиц, в том числе иностранных, принимающих участие в жизненном цикле СИИ [систем искусственного интеллекта]. К таким лицам относятся, в том числе: **разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели/системы ИИ... заказчики (лицо или организация), получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица,***

осуществляющие формирование наборов данных... эксперты... изготовители... эксплуатанты СИИ... операторы.

Ключевым понятием «Кодекса...» является «Актор», так как документ направлен на утверждение принципов, которыми должны руководствоваться участники отношений в сфере ИИ. Данные частотного анализа показывают, что слово «актор» составляет 2,3% от всего объема текста (54 из 2378 словоупотреблений). Для сравнения приведем данные частотного анализа «Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий...», где слово «человек» употреблено 11 раз, «личность» — 2 раза, что в сумме составляет 0,3% от общего объема текста (13 из 3658 словоупотреблений). Это говорит об особой коммуникативной значимости понятия «актор» в документе. Давая определение понятию «Актор» в примере (135), авторы документа употребляют ряд личных имен. Это свидетельствует о том, что в этом тексте, в отличие от тех, что были проанализированы в предыдущем параграфе, усилено личностное начало. Фокус авторов Кодекса направлен на человека, а не на механизм.

(136) *При развитии технологий ИИ человек, его права и свободы должны рассматриваться как **наивысшая ценность**. Разрабатываемые Акторами технологии ИИ должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и **наивысшего расцвета личности**, учитывать ключевые ценности.*

Пример (136), включающий два элатива (*наивысший*), также является подтверждением нашей идеи о том, что человек и его интересы в «Кодексе...» выводятся на первый план.

(137) *Акторы ИИ могут внедрять системы добровольной сертификации...
Акторы ИИ могут создавать системы добровольной сертификации...
Акторы ИИ могут создавать свод наилучших и/или наихудших практик решения...*

Актор ИИ может разумно предположить, что им должны быть приняты меры, чтобы предотвратить или ограничить наступление таких последствий.

Актеры ИИ назначают уполномоченных по этике ИИ...

Актеры используют положения настоящего Кодекса...

Актеры ИИ на добровольной основе соглашаются следовать его рекомендациям...

В документе находим ряд предложений, образованных по глагольной модели «субъект и его действие», как в примере (137). Если в технопрогрессистских деловых текстах место предизируемого компонента в такой модели занимали преимущественно технологии, то в «Кодексе...» оно традиционно принадлежит человеку.

(138) *Актеры ИИ должны принимать необходимые меры, направленные на сохранение автономии и свободы воли человека в **принятии им** решений, права выбора и в целом сохранения интеллектуальных способностей человека как самостоятельной ценности и системообразующего фактора современной цивилизации.*

Также обратим внимание на экспликацию субъекта (*им*) при свернутой предикации в отрывке (138). Хотя субъект принятия решений понятен читателю и выводится синтагматически, из общего контекста, авторы считают важным назвать его еще раз.

(139) *Актеры ИИ должны принимать меры для того, чтобы удостовериться, что применяемые **ими** алгоритмы и наборы данных, методы обработки используемых для машинного обучения данных... не влекут их умышленную дискриминацию.*

*Актер ИИ может разумно предположить, **им** должны быть приняты меры, чтобы предотвратить или ограничить наступление таких последствий.*

В примере (138) мы наблюдаем, что субъект действия эксплицируется (*применяемые ими, должны быть приняты им*) и в том случае, если на позиции подлежащего находятся объекты его действий, выраженные неличными именами: *алгоритмы, наборы данных, методы, меры*. «Кодекс...» подчеркивает волевое начало актора и транслирует идею о том, что за все несет ответственность человек, а технологии и алгоритмы лишь подчиняются ему.

(140) *Акторы ИИ не должны допускать передачи полномочий ответственного нравственного выбора СИИ, делегировать ответственность за последствия принятия решений СИИ – за все последствия работы СИИ всегда должен отвечать человек.*

Акторам ИИ следует обеспечивать комплексный надзор человека за любыми СИИ.

«Кодекс...» написан преимущественно в волюнтивном регистре (138-140) с вкраплениями информативного (135). Авторы используют показатели деонтической необходимости (*должны, следует*). С их точки зрения, актер совершает действия с учетом моральных принципов и социальных установок [Падучева 2016]. Человек здесь представлен как субъект контроля (*надзор человека*) и субъект действия социально-этического характера (*отвечать за последствия*) [Золотова 1988: 188].

Итак, языковые средства, вычлененные нами в «Кодексе...» на разных уровнях анализа, подчинены единой идее — усилить личностное начало в тексте. Искусственному интеллекту отводится лишь роль объекта.

Следующий объект анализа — «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» (Концепция 2020). Авторы «Концепции...» заявляют, что она направлена на создание баланса между интересами человека, общества, государства, компаний-разработчиков систем ИИ, на регулирование новых общественных отношений. Текст этого документа интересен тем, что в нем находят отражение поиски этого баланса.

(141) *Развитие технологий искусственного интеллекта ставит серьезные вызовы перед правовой системой Российской Федерации, системой государственного управления и обществом в целом. Они обусловлены определенной степенью автономности действий систем искусственного интеллекта в решении поставленных задач и их неспособностью непосредственно воспринимать этические и правовые нормы, учитывать их при осуществлении каких-либо действий.*

- (142) Среди таких концептуальных проблемных направлений регулирования можно выделить следующие: **использование для принятия решений системами искусственного интеллекта вероятностных оценок и невозможность в ряде случаев полного объяснения принятого ими решения...**
- (143) Для решения этих проблем требуется: **создание механизма пересмотра решений, принятых с помощью систем искусственного интеллекта...**
- (144) При этом особое внимание должно быть уделено пересмотру подхода к **обязательному участию человека в принятии решений в обозначенных сферах (от необходимости участия человека в совершении конкретного действия к оперативному и стратегическому целеполаганию и контролю со стороны человека).**

В начале документа авторы заявляют о том, что автономность систем ИИ является серьезным вызовом для государства и общества (141). Сказанное подтверждается примером (142), который построен таким образом, что системы ИИ являются субъектом принятия решений. В примере (143) системы ИИ переходят на место инструмента (*с помощью систем ИИ*), но субъект еще не назван. Наконец, в примере (144) появляется человек, который должен стать участником принятия решений и субъектом контроля (*контролю со стороны человека*). От начала документа к его концу системы ИИ будто бы теряют свою автономность, а личный субъект, напротив, проявляется.

- (145) Требуется дальнейшая проработка механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае **причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности.**
- (146) С учетом изложенного целесообразно: **уточнить необходимость и возможные случаи введения в системы искусственного интеллекта и робототехники, которые потенциально могут причинить вред.**
- (147) В связи с этим следует определить случаи и условия **обязательного страхования ответственности за вред, причиненный применением роботов или систем искусственного интеллекта и робототехники.**

(148) *Применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства.*

В документе нет единства относительно того, кто является субъектом причинения вреда. Если в примерах (145-146) причиняют вред системы ИИ и роботы, то в примерах (147-148) интеллектуальные системы и роботы перемещаются на позицию объекта, а субъект их применения оказывается не назван. Таким образом, авторы то акционализируют искусственный интеллект, то деакционализируют его.

(149) *Технологии искусственного интеллекта и робототехники активно применяются для создания и эксплуатации высоко- и полностью автоматизированного транспорта (автомобильного, рельсового, воздушного, водного). Применение технологий автоматического управления позволяет сделать транспорт более безопасным, экономичным, быстрым и комфортным...*

(150) *В космической деятельности технологии робототехники изначально очень активно применяются, благодаря чему в отрасли существуют технологии, имеющие высокий коммерческий потенциал в гражданском обороте. Однако регулирование порядка использования компонентов робототехники в гражданских целях затрудняет их развитие в этом направлении.*

Хотя в основе «Концепции...», как пишут авторы, лежит человеко-ориентированный подход, примеры (149-150) демонстрирует явное затемнение личного субъекта. Авторы используют объектно-пассивные конструкции (*технологии применяются*) и свернутые предикации (*создание, эксплуатация, применение, регулирование, использование, развитие*), не считая важным эксплицировать субъекта названных действий.

(151) *Одним из основных препятствий для расширения применения систем с использованием искусственного интеллекта и робототехники является отсутствие достаточной степени доверия к ним со стороны общества...*

Такой механизм, в свою очередь, должен позволять своевременно и эффективно внедрять разработки... с обеспечением необходимого уровня безопасности и контролируемости со стороны государственных органов...

При этом крайне важно в этот период провести работу по построению и гармонизации онтологии предметной области силами экспертного сообщества и профильных технических комитетов...

В тех случаях, когда авторы называют агенса, они используют синтаксическую технику понижения ранга субъекта, не актуализируя предикативные отношения, как в примере (151): *со стороны общества, со стороны органов, силами сообщества и комитетов.*

Регистровая структура документа такова, что информативные композитивы, в которых законодатель транслирует известное ему знание, полученное в результате полученного опыта и обобщения, сменяются волюнтивными, в которых и должен быть выполнен документ, побуждающий адресата к действию.

Таким образом, пытаясь найти баланс между участниками отношений в сфере ИИ, авторы «Концепции...» оказываются в сложной ситуации. С одной стороны, государство призвано защищать права и свободы человека, с другой стороны, развитие технологий предполагает предоставление этой сфере определенной степени автономности, что может привести к нарушению человеческих прав. Поиск баланса между интересами разных групп отражается и на отборе языковых средств. Субъекты принятия решений и причинения вреда чередуются в тексте документа: место агенса при этих действиях занимает то человек, то ИИ. Несмотря на человеко-ориентированный подход, авторы «Концепции...» фокусируются на предметном субъекте — ИИ и его технологиях, а личный затемняют (элиминируют, перемещают на позицию второстепенного члена).

Выводы по главе 2

Проведенный анализ современных нехудожественных текстов, посвященных проблемам искусственного интеллекта, позволил прийти к следующим выводам.

1. Исходя из идеи о том, что при научном описании взгляд на объект описания напрямую зависит от используемого словаря, мы проанализировали сочетаемость термина «искусственный интеллект» с глагольными предикатами, чтобы выяснить, какими признаками авторы научных текстов наделяют исследуемый объект.

Говоря о действиях, совершаемых ИИ, авторы нарушают стандартную субъектно-предикатную взаимообусловленность. Они используют акциональные предикаты (физического, речевого, донативного, intersубъектного, ментального действия, а также глаголы деятельности, восприятия), а не функтивные, которые обычно употребляются для обозначения действий технических устройств и механизмов. Это позволяет оживлять ИИ, представлять его как антропоморфную сущность. Нами не были обнаружены глаголы физиологического и эмоционального действия, которые находятся на периферии акционального класса. Мы связываем это с самой спецификой предмета речи, а также с задачей авторов отобрать только те предикативные признаки, которые релевантны поставленным коммуникативным целям.

Поскольку ИИ является абстрактным именем, у которого нет своих предикатов, авторы научных статей активно используют метафорические предикаты. Когнитивная (предикатная) метафора, которая дает возможность осмыслять и опредмечивать новый феномен, служит акционализации и гипостазированию ИИ, т.е. приписыванию абстрактной сущности реального существования.

Опыты коммуникативно-грамматического анализа научных статей по гуманитарным дисциплинам позволили выявить основные языковые техники, используемые авторами для создания прямо противоположных образов ИИ. В статье по философии В.Г. Гусакова создается отпугивающий образ ИИ. Он представлен самостоятельно действующим субъектом, подчиняющим себе людей. Перемещаясь от прошлого к будущему, автор развоплощает личный субъект путем

его элиминации или перемещения на позицию второстепенного члена предложения и активизирует предметный субъект, отводя последнему место подлежащего. В тексте также видится тесная связь между выбором субъекта и времени предиката. Если для неодушевленных субъектов, обозначающих новые технологии, характерны предикаты, выраженные формами будущего времени, то одушевленному субъекту (человеку) приписываются предикаты, имеющие темпоральное значение настоящего. Так автор «стирает» личный субъект из будущего.

В статье по педагогике С.П. Елшанский стремится создать привлекательную модель образовательной системы будущего, в которой автономный ИИ будет управлять учебным процессом, а учитель и ученик — лишь подчиняться машине. Неличный субъект (ИИ) в тексте последовательно перемещается с места объекта и инструмента на место агенса, а личный уходит на позицию объекта или вовсе опускается. С.П. Елшанский моделирует мир ближайшего будущего, в котором ИИ будет играть ведущую роль.

2. Конструирование и продвижение смыслов, отражающих интересы и мировоззренческие ориентиры определенных социальных групп и институтов, происходит в медийном пространстве. Нами были рассмотрены языковые средства, участвующие в репрезентации образа ИИ в СМИ. В новостных статьях, посвященных новым технологиям, ИИ представляется активно действующим субъектом, либо приносящим человеку пользу, либо представляющим угрозу.

Формирование положительного образа ИИ в СМИ связано с реализацией национального проекта «Цифровая экономика», направленного на создание «дружелюбного имиджа» ИИ. В стремлении «высветить» положительные стороны искусственного разума журналисты обращаются к различным лексико-грамматическим средствам. Использование определения «умный» в отношении технических устройств, приписывание им предикатов, обозначающих ментальные действия, помогает наделять технологии автономностью. В статьях, посвященных взаимодействию ИИ и представителей различных профессий, личностное начало ослаблено, синтаксический ранг человека понижен (личный субъект либо не

эксплицирован, либо помещен на позицию второстепенного члена). В реальности, моделируемой СМИ, ИИ превосходит человека по возможностям и по качеству выполняемой работы, и по срокам ее исполнения.

Новостные статьи, где создается негативный образ ИИ, посвящены мрачным прогнозам о будущем человечества, которое наступит в том случае, если человек не ограничит использование цифровых технологий. С целью оказать наибольшее воздействие на читателя при создании отрицательного образа ИИ журналисты используют комплекс интенсифицирующих языковых средств: словообразовательных (аффиксы *супер-*, *сверх-*, *-изаци(j)-*), лексических (слова с пейоративной окраской), морфологических (усилительные частицы, элативы, компаративы и др.). Искусственный интеллект представляется антропоморфным субъектом, имеющим цели, желания, мнение, представляющим угрозу для человека и видящим опасность в самих людях. Место обитания ИИ — виртуальная реальность, многомерное пространство, куда человек также может попасть, но из которого не так легко вернуться. В моделируемой псевдореальности люди перестают быть субъектами владения и контроля, о чем говорит использование соответствующих синтаксем. Использование ярких метафор («цифровая бездна», «информационное гетто») усиливает воздействующий эффект, помогает авторам вызывать у аудитории желаемые ассоциации.

Участники общественного диалога по проблемам искусственного интеллекта посредством комбинации различных языковых средств выстраивают разные модели мира. Неопределенно-личные конструкции в контрасте с определенно-личными позволяют А. Швабауэр противопоставлять разные субъектные сферы, выстраивать оппозицию **свои— чужие** с целью создать угрожающий образ цифровизации, передать ощущение враждебного мира будущего без человека. О. Ускова, часто нарушая субъектно-предикатную обусловленность (используя при неодушевленных именах предикаты ментального действия, восприятия), выстраивая особые субъектно-объектные отношения (в зависимости от коммуникативной цели отводит позицию субъекта то человеку, то ИИ), осуществляет трансляцию трансгуманистических идей. Она представляет человека

слабым, уязвимым и поэтому нуждающимся в «дополнении» и «расширении», а ИИ, напротив, — могущественным и всевластным, призванным избавить человечество от бед и проблем.

На примере прямого диалога между противником «прогрессорства» В. Мараховским и апологетом искусственного разума Р. Душкиным нам удалось определить принципиальную разницу между их представлениями об ИИ, о месте человека в мире. В риторике Р. Душкина явно прослеживаются идеи трансгуманизма и механицизма, которые он выражает посредством показателей субъективной модальности, приписывания ИИ свойств живого организма. В. Мараховский же говорит об ИИ как о неперсонифицированной системе, работающей на основе алгоритмов и находящейся в подчинении у человека.

Если перед **противниками** и **адептами** ИИ стоит цель сформировать определенные представления о нем, то **разработчики** такую цель не преследуют, поскольку создают сам механизм, а не его образ. Поэтому И.С. Ашманов подчиняет имеющийся в его распоряжении языковой инструментарий единой интенции — отделить дискурс реального положения дел от дискурса предположений и домыслов. Говоря об ИИ как о помощнике человека, Ашманов ставит ИИ на позицию инструмента в руках людей, отрицает возможность использования глаголов целенаправленного действия в соседстве с ИИ. Оставаясь в рамках научной картины мира, Ашманов с помощью техницизмов описывает ИИ как функциональное устройство.

3. Частотный анализ официально-деловых текстов в области искусственного интеллекта позволил выявить ценностные доминанты современной политической системы общества. Высокая частотность лексем и биграмм, обозначающих новые технологии, говорит о стремлении авторов документов представить ИИ как важнейший атрибут социальной действительности. Малая доля личных имен и слов, которые могли бы «обслуживать» сферу человека, в полученных словниках позволяет прийти к выводу о том, что в документах, ориентированных на регулирование различных сфер социальной жизни, на самом деле не уделяется должного внимания социальным потребностям. Развитие и повсеместное

внедрение ИИ выглядит самоцелью и не соотносится с общественными интересами.

Анализ деловых документов, составляющих нормативно-правовую основу российского законодательства в сфере искусственного интеллекта и являющихся индикаторами актуальных общеполитических ценностей, позволил выявить в них «технопрогрессистские» и «технопессимистические» тенденции.

Задача авторов «Дорожной карты развития “сквозной” цифровой технологии “Нейротехнологии и искусственный интеллект”» — прописать план действий, направленных на то, чтобы ИИ в конце концов превзошел людей, начал работать лучше, точнее и быстрее. При этом авторы дебиологизируют человека, говоря, что он выполняет однообразные операции, и стремятся исключить учителя из процесса обучения, человека — из процесса принятия решений. В проекте «Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий на период до 2030 г.» выявлена трансгуманистическая направленность. Поднимая проблему антагонизма природы и человека, который подвел цивилизацию к грани ресурсной катастрофы и который теперь должен слиться с технологиями, чтобы все исправить, авторы искажают представление человека о себе самом. Ограниченность человеческой природы соседствует со всемогуществом технологий, наделенных интенциональностью.

Тактики построения текста, используемые в «Стратегии...» и «Дорожной карте...» направлены на деакционализацию личного субъекта (путем элиминации или понижения синтаксического ранга) и акционализацию предметного (ИИ и его технологии занимают традиционную для агенса позицию подлежащего, им приписываются акциональные признаки). Законодатели создают образ будущего, в котором вещи функционируют самостоятельно, процессы происходят независимо от людей.

Авторы «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.», в задачи которой входит поиск баланса между участниками отношений в сфере ИИ, вынуждены учитывать интересы разных социальных групп. Поэтому в документе мы не находим единства

в выборе субъектов одних и тех же действий: агенсом при принятии решений и причинении вреда является то человек, то ИИ. Однако, хотя в документе утверждается человеко-ориентированный подход, авторы чаще «высвечивают» неличный субъект (ИИ и его технологии), а личный предпочитают не называть (при свернутых предикациях) или называть вторичными способами.

«Кодекс в сфере этики искусственного интеллекта» имеет субъектную структуру, принципиально отличную от других проанализированных официально-деловых текстов. Место предизируемого компонента в моделях «субъект и его действие» занимают личные имена, а не предметные (неличные), как в «Стратегии...», «Дорожной карте...» и «Концепции...». Авторам «Кодекса...» важно эксплицировать субъекта, если им является человек. В документе усилено личностное начало, поскольку он декларирует контроль и ответственность человека за использование ИИ, который является лишь объектом действий людей.

Для деловых текстов в целом характерно переключение с информативного регистра (когда законодатели обозначают проблему, на решение которой направлен документ) на волюнтивный, использование которого объясняется коммуникативной спецификой документов ввиду их «долженствующе-предписующего» характера изложения [Кожин 1982: 104].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационное пространство, окружающее современного человека, переполнено текстами, содержащими в себе различные представления о новых технологиях, в том числе об искусственном интеллекте и его возможностях. Созданные сторонниками и противниками интеллектуальных машин, эти тексты имеют большой воздействующий потенциал, предлагают адресату готовые интерпретации и оценки, приводят к изменению состояния его сознания, а также служат изменению ситуации во внешнем мире в желаемом для адресанта направлении.

Современная лингвистика не может оставаться в стороне от масштабных изменений, происходящих в обществе. Её инструментарий позволяет внести вклад в междисциплинарную проблематику, связанную с появлением новых реалий и обсуждением проблем искусственного интеллекта, путем анализа соответствующих текстов. В настоящей работе предпринята попытка решить эту задачу. В соответствии с целями исследования были проанализированы научные, публицистические и официально-деловые тексты, посвященные проблемам искусственного интеллекта. В ходе решения сформулированных задач нами получены следующие научные результаты.

1. Опираясь на основные положения коммуникативной грамматики, мы использовали четырехступенчатую схему анализа текста, позволяющую рассматривать текст как целостную систему, рождаемую взаимодействием единиц различных языковых уровней. Особенность материала, выбранного нами для анализа, состоит в том, что замысел автора (уровень D) нам отчасти известен: эти тексты направлены на то, чтобы склонить общественное мнение на сторону адептов или противников искусственного интеллекта. Поэтому мы сосредоточились на анализе допредикативных и предикативных единиц в их соотношении с тактикой текста, который позволяет понять, как этот замысел реализуется.

2. Поскольку фокус нашего исследования направлен на нехудожественные тексты, которые ранее не рассматривались системно с позиций коммуникативной

грамматики, мы описали их специфику с точки зрения отображаемой в них действительности. В текстах, ставших объектами анализа, присутствуют как фактуальные, так и фикциональные элементы. Наличие последних объясняется тем, что предметом изображения в рассматриваемых текстах является виртуальная реальность, появившаяся в последние десятилетия в связи с ускоренным развитием новых технологий. Этот факт делает сложным ответ на вопрос об отношении анализируемых текстов к категории фикциональности. Степень фикциональности разнофункциональных текстов может варьироваться. В научных и официально-деловых текстах она минимальная. Для публицистического же текста фикция является неотъемлемым элементом, поскольку тесно связана с реализацией воздействующей, манипулятивной функции СМИ.

3. Уточнив, что у терминологического сочетания «искусственный интеллект» есть два определения (междисциплинарная область исследования и онтологический объект), мы проследили историю развития этого научного направления и выявили в ней предпосылки для возникновения мифа вокруг искусственного интеллекта как онтологического объекта, для утверждения и распространения его обыденного понимания, которое вступает в противоречие с собственно научным. Обыденное понимание рассматриваемого термина связано с персонификацией машины, т.е. приписыванием ей способности мыслить, как человек. Наивное сознание допускает возможность воспроизведения на небиологическом носителе такой сложнейшей человеческой способности, как интеллект. Профессиональное значение термина «искусственный интеллект», напротив, всегда опирается на сему 'имитация'.

Проблема прежде всего касается метафоричности названия самой дисциплины, которое многие исследователи признавали неудачным. Отсутствие полного понимания об интеллекте в философии и психологии ввиду его сложности и постоянной трансформации, связанной с развитием науки и человечества в целом, не помешало успешному внедрению этого понятия в научно-техническую сферу и утверждению в ней. Антропоморфная метафора «искусственный интеллект», не отражающая механической природы производимых машиной действий, породила

ложные представления о том, что возможно создание мыслящей материи, стала причиной возникновения искаженных представлений о естественном интеллекте, послужила концептуальному переосмыслению человеческой природы. Эти проблемы нашли отражение в текстах, ставших объектами анализа в данном исследовании.

4. Отбор материала для анализа осуществлялся с опорой на схему коммуникативного акта Р.О. Якобсона — К.А. Долинина, в которой, помимо «непременных» компонентов (адресата, адресанта, сообщения, канала связи, контекста и кода), присутствует фигура наблюдателя. Наблюдателю речь напрямую не адресована, но коммуникативный акт, разворачивающийся в рамках деятельностной ситуации и нацеленный на превращение исходной ситуации в конечную, оказывается направленным и на него. Объектом анализа стали тексты, авторы которых имели целью прямо или косвенно склонить наблюдателя на сторону адептов или противников искусственного интеллекта, внушить определенные представления о нем.

Использование инструментария коммуникативной грамматики помогло описать коммуникативно-грамматическое устройство текстов, посвященных искусственному интеллекту и выделить в них общие языковые черты.

А) Наблюдение за организацией субъектного плана позволило прийти к следующим выводам.

Текстам, посвященным новым технологиям, свойственна активизация неличного субъекта (искусственного интеллекта, технологий, алгоритмов и других «умных» вещей). ИИ наделяется способностью выполнять активные, контролируемые, целенаправленные действия, и, как следствие, составлять конкуренцию человеку. Ключевую роль в этом играют глагольные предикаты, приписываемые искусственному разуму. Мы выяснили, что все пять семантических разрядов акциональных глаголов (физического, речевого, интерсубъектного, донативного действия, а также глаголы перемещения), находящихся в центре глагольной системы и передающих целенаправленные действия лица или живого существа, используются авторами текстов для обозначения действий ИИ.

Употребляются также глаголы, находящиеся на периферии акционального класса (глаголы деятельности, восприятия, ментального действия), что нарушает существующую в языке субъектно-предикатную взаимообусловленность (в системе моделей предложения, созданной Г.А. Золотовой, единственный тип субъекта, рядом с которым может стоять акциональный предикат, — личный). Используемые предикаты метафоричны. Когнитивная (предикатная) метафора служит опредмечиванию феномена, не имеющего наглядности. Антропоморфизации искусственного интеллекта также способствует повышение его коммуникативного ранга, из объекта или инструмента действий человека ИИ превращается в самостоятельно действующий субъект:

Мы производим искусственные мозги для локомотивов. Был объект, предмет, бездушное существо. Мы приставили тот мозг, который мы сделали. Он начал соображать, он начал чувствовать, он начал понимать то, что происходит перед ним
(https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot).

Возвышение технологий сопровождается понижением ранга личного субъекта и его деактивацией. Он либо уходит на позицию второстепенного члена предложения, либо элиминируется. Отношения человека с вещами модифицируются. Как только он их создает, они отделяются от него, начинают существовать самостоятельно, превращая его в объект своих действий. Выявленная особенность позволяет говорить о трансгуманистической направленности текстов, связанной с «игрой на понижение Человека» и его возможностей [Хоружий 2008]. Часто человеку приписываются свойства компьютера — способность выполнять операции, обрабатывать информационные потоки.

Искусственный интеллект поможет вовремя выявить потерю или неувоенность обязательного базового знания по дисциплине, предложить повторение и способы тренировки когнитивной сферы для того, чтобы эффективно сохранять усвоенное базовое «пройденное», или система искусственного интеллекта может сама, например в рамках образовательных

чатботов, осуществлять такую тренировку ученика или повторение (Елшанский 2021).

Б) Субъектная позиция говорящего определяется через комбинацию предикатов и компонентов с субъектным значением. Моделируемому ментальному миру, в котором усилена роль технологий, свойственны особые предикативные отношения: неличный субъект и акциональный предикат (*ИИ анализирует медицинские снимки*), имя процесса и акциональный предикат (*Технологическая революция подорвет устоявшиеся социальные отношения*); пассивные конструкции с незаполненной или заполненной агенсной позицией (*Проект реализуется, Технологии применяются врачами*), свернутые предикации со значением ментального действия и элиминированный личный субъект (*ИИ может выявить потерю учебного знания*), акциональный предикат и неопределенно-личная субъектная модификация (*Родителей заталкивают на цифровые платформы*). Инволютивизация человека и акционализация технологий происходит путем активной «эксплуатации синтаксиса» [Болинджер 1998: 33].

Выявленная черта особенно ощутима на фоне текста «Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта» (Кодекс 2021), авторы которого используют принципиально иную языковую технику построения субъектного плана. Место подлежащего в модели «субъект и его действие» отводится личному имени. Личный субъект эксплицируется и в свернутых предикациях, и в объектно-пассивных конструкциях. Документ декларирует ответственность человека за применение ИИ, отводя последнему роль объекта.

В) В проанализированных текстах обнаружено сходство в использовании регистровых средств. И в научных, и в публицистических, и в официально-деловых текстах, посвященных ИИ и выражающих разное оценочное отношение к нему, блоки информативного регистра сменяются волюнтивными композитивами. Информативный регистр позволяет говорящему описывать ментально познаваемую действительность, моделировать виртуальный мир, выходя на уровень обобщения. Переход к волюнтивному регистру диктуется желанием

адресанта внести изменения в фрагмент действительности: склонить адресата на сторону адептов или противников ИИ.

Так, авторы рассмотренных нами научных текстов прибегают к информативному способу отображения действительности, когда обозначают проблему, ставшую «поводом» для написания статьи. С информативной экспозиции начинается статья по философии авторства В.Г. Гусакова, пытающегося смоделировать такую реальность, где человек перестает управлять созданными им вещами. Информативный блок мы наблюдаем и в начале статьи С.П. Елшанского, посвященной проблеме быстрой утраты полученных знаний. Предлагая в конце статей решения поднятым вопросам, авторы переключаются на волюнтивный регистр, желая склонить адресата на свою сторону: призвать к тому, чтобы ограничить использование новых технологий или, наоборот, начать их осваивать и активно применять.

В глобальную цифровизацию и интеллектуализацию вкладывают огромные миллиарды долларов, и руководят этим не отдельные государства, даже самые мощные, а отдельные личности, сумевшие создать свои «империи» искусственного интеллекта...

Все, что нам сейчас необходимо, это начинать думать. Надо хорошо осознавать механизмы нашего собственного мышления и заставить себя работать — умственно и физически (Гусаков 2021).

Похожим образом строятся публицистические тексты — выступления противников и адептов ИИ. Обозначая проблемную ситуацию, в которой оказалось современное общество в связи с развитием новых технологий, критики цифровизации и ИИ (А. Швабауэр и В. Мараховский) используют информативный регистр, погружающий адресата в сферу мнений и оценок говорящего. Авторские интенции, направленные на призыв к отказу от новых технологий, выражаются в волюнтивном регистре при помощи показателей деонтической и онтологической необходимости. Говоря о характеристиках, многочисленных умениях и возможностях интеллектуальных машин, адепты новых технологий (О. Ускова и Р.

Душкин) используют информативные композитивы. Чтобы навязать аудитории свои ценности, адресанты прибегают к волюнтивному регистру.

В России оцифровка активно пошла с 2016-17 года. У нас во всех сферах приняты законы о внедрении единых централизованных баз данных....

Мы должны обязательно реагировать! От каждого из нас многое зависит, от каждого!!! Вот я просто уверена в этом, поэтому не надо сидеть сложа руки, не надо думать, что кто-то решит за меня (<https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/>).

В информативном регистре авторы официально-делового текста в его преамбуле описывают проблему, на решение которой направлен документ. Использование волюнтивного регистра продиктовано самой природой этих текстов, которые призваны управлять действиями адресата:

Природа миллионы лет существует без ресурсного голода в рамках замкнутого, самосогласованного ресурсооборота. Индустриальная же цивилизация за 150–200 лет своего существования пришла на грань ресурсной катастрофы...

Чтобы разумно и эффективно пользоваться возможностями природоподобных (конвергентных) наук и технологий, необходима радикальная трансформация сознания самого человека как социального существа (Стратегия развития природоподобных технологий 2022).

Г) Важным итогом исследования является вывод о том, что тексты, объединенные предметом речи, но направленные на достижение прямо противоположных целей (создать привлекательный или отталкивающий образ ИИ), обнаруживают сходство в коммуникативно-грамматическом устройстве.

Помимо общих синтаксических техник (нарушения субъектно-предикатной взаимообусловленности, особой комбинации предикатов и компонентов с субъектным значением), авторы текстов, трактующих проблемы ИИ, используют ряд других одинаковых языковых средств. Среди них — пейоративная (*угроза, опасность* и др.) и мелиоративная (*доверять, помогать, повышать, умный* (алгоритм)) лексика, некоторые словообразовательные форманты (*супер-, транс-,*

сверх-, -изаци(j)-) и морфологические формы (элативы, компаративы, императивы, будущее время глагола), отдельные синтаксемы (*ориентироваться в виртуальной реальности — вывести из реальности*), способ построения субъектно-объектных отношений (в зависимости от коммуникативных установок перемещение человека на позицию объекта действий ИИ и наоборот), разноуровневые интенсифицирующие средства, метафоры.

Используя похожие языковые механизмы, авторы желают добиться разных эффектов. Все зависит от того, как оценивает моделируемый мир, в котором вещи более активны, чем люди, сам адресант. Ожидаемый воздействующий эффект обусловлен мировоззренческими установками говорящего.

Она [ChatGPT] выдумывает ответ. Она может говорить, то есть воспринимать и сообщать текст. Она может «видеть» картинки, т.е. их описывать и генерировать (Р. Душкин, адепт ИИ).

Проактивный сервис — это сервис, лишаящий тебя свободы воли, который навязывает тебе определенную траекторию жизни (А. Швабауэр, противник ИИ).

Д) Рассмотренные тексты способны оказывать влияние на концептосферу адресата. Они способствуют продвижению актуальных ценностных смыслов, формируют у аудитории позитивное или негативное отношение к искусственному интеллекту, моделируют новый мир, в котором технологии трансформируют человека и его самость.

Тексты, посвященные новым технологиям, можно назвать своеобразным зеркалом социокультурных изменений. Содержание речевых произведений и их коммуникативно-грамматическое устройство отражает реальные процессы, происходящие в обществе. Создание и внедрение современных технологий поместили человека «в ситуацию поиска нового образа мира, новой социальной реальности и новой идентичности» [Соловьева 2018: 42]. Оказавшись в условиях «социального, культурного и психологического пограничья» [Там же], человек вынужден искать свое место в мире, выстраивать отношения с его новыми явлениями.

Проведенный анализ позволил верифицировать теорию коммуникативной грамматики для исследования текстов, значительно отличающихся по тематике и коммуникативному назначению от текстов, на материале которых она была разработана.

Дальнейшие исследования по данной теме могли бы получить развитие при обращении к специфике коммуникативно-грамматического устройства иноязычных текстов, посвященных искусственному интеллекту и новым технологиям, в их сравнении с русскоязычными, а также при дальнейшем наблюдении за динамикой смысловых изменений в освещении проблем искусственного интеллекта в русскоязычном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверинцев 1990 — Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 544-545.
2. Алпатов 1998 — Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 368 с.
3. Арутюнова 1978 — Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1978. — Т. 37. №4. — С. 333-343.
4. Арутюнова 1990 — Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5-32.
5. Арутюнова 1998 — Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 895 с.
6. Аспекты 1982 — Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. — М.: Наука, 1982. — 192 с.
7. Балли 1955 — Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с.
8. Батурина 2023 — Батурина И.В. Мифология технологий в российском правовом дискурсе: аналитика нормативного регулирования в сфере искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2023. — №2. — С. 124-128.
9. Бахтин 2000 — Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — 332 с.
10. Бикбаев 2020 — Бикбаев А.И. Эпоха постправды в журналистике и ее роль в интерпретации фактов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — №5-1. — С.130-133.

- 11.Блакар 1998 — Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск: Благовещенский гуманитарный фонд им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — С. 23-44.
- 12.Бодрийяр 2000 — Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
- 13.Болинджер 1998 — Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск: Благовещенский гуманитарный фонд им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. — С. 23-44.
- 14.Бонгард 1967 — Бонгард М.М. Проблемы узнавания. — М.: Наука, 1967. — 320 с.
- 15.Бондарко 1971 — Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. — Л.: Наука, 1971. — 116 с.
- 16.Бонадрко 1981 — Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 60, № 6. — С. 483 – 495.
- 17.Бостром 2016 — Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Пер. с англ. С. Филина. — М.: МИФ, 2016. — 490 с.
- 18.Будущее искусственного интеллекта 1991 — Будущее искусственного интеллекта: сб. ст. / Под ред. К.Е. Левитина, Д.А. Пospelова. — М.: Наука, 1991. — 302 с.
- 19.Бюлер 1993 — Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993. — 502 с.
- 20.Валгина 2003 — Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. — М.: Логос, 2003. — 173 с.
- 21.Васильева 1976 — Васильева А.Н. Курс лекция по стилистике русского языка. Научный стиль речи. — М.: Русский язык, 1976. — 192 с.

22. Васильева 1982 — Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. — М.: Русский язык, 1982. — 198 с.
23. Вейценбаум 1982 — Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. — М.: Радио и связь, 1982. — 368 с.
24. Виноградов 1950 — Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. — М.; Л., 1950. — С. 38-79.
25. Виноградов 1980 — Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Избранные труды. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — С. 3-41.
26. Винокурова 2012 — Винокурова Т.Н. Многопрофильность искусственного интеллекта как науки и особенности ее терминологического выражения в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Омск, 2012. — 153 с.
27. Вирильо 2004 — Вирильо П. Машина зрения. — СПб.: Наука, 2004. — 140 с.
28. Вислова 2021 — Вислова А.Д. Междисциплинарная интеграция в свете проблемы искусственного интеллекта // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — №4. — С. 193-201.
29. Волков 1995 — Волков И.Ф. Теория литературы. — М.: Просвещение, Владос, 1995. — 256 с.
30. Волков 2020 — Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты). Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — №4. — С. 745-759.
31. Вольф 2022 — Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: УРСС, 2002. — 260 с.
32. Ворожцов 2007 — Ворожцов А.В. Критерии интеллектуальности искусственных систем / Новое в синергетике. Новая реальности, новые

- проблемы, новое поколение / отв. ред. Г.Г. Малинецкий. — М.: Наука, 2007. — 383 с.
33. Всеволодова 1989 — Всеволодова М.В. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М. В. Всеволодовой и С. А. Шуваловой. — М.: Издательство МГУ, 1989. — 183 с.
34. Всеволодова 2000 — Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. — М.: Издательство МГУ, 2000. — 502 с.
35. Всеволодова, Владимирский 1982 — Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. — М.: Русский язык, 1982. — 284 с.
36. Всеволодова, Панков 1999 — Всеволодова М.В., Панков Ф.И. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях преподавания его иностранцам (информационно-аналитический обзор). — М.: Издательство Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, 1999. — 128 с.
37. Гейзенберг 1989 — Гейзенберг В. Язык и реальность в современной физике. // Физика и философия. Часть и целое. — М.: Наука, 1989. — 400 с.
38. Глухих, Елисеев, Кирсанов 2022 — Глухих В.А., Елисеев С.М., Кирсанов Н.П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // Дискурс. — 2022. — Т.8. №1. — С. 82-93.
39. Гоббс 2017 — Гоббс Т. Левиафан. / Пер. с англ. А. Гутермана; вступ. ст. С. А. Филиппова. — М.: РИПОЛ классик, 2017. — 608 с.
40. Голуб 2012 — Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие. — М.: Университетская книга: Логос, 2008. — 431 с.
41. Горохов 2011 — Горохов В.Г. Новая жизнь «Искусственного интеллекта» в проблеме технического усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М., 2011. — С. 17-47.

- 42.Гребенюк, Гусаренко 2015 — Гребенюк Н.И., Гусаренко С.В. Стилистика русского научного дискурса: учебное пособие. — Ставрополь: Издательство СКФУ, 2015. — 179 с.
- 43.Гринев-Гриневиц 2008 — Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
- 44.Данилова 2011 — Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. — М.: Добросвет, Издательство “КДУ”, 2011. — 232 с.
- 45.Диброва, Смирнова 2010 — Диброва Е. И., Смирнова Н. В. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд., перераб. М., 2010 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2010. — №3. — С. 175-180.
- 46.Дрейфус 1978 — Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. — М.: Прогресс, 1978. — 333 с.
- 47.Долинин 2010 — Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. — М.: КомКнига, 2010. — 304 с.
- 48.Елькина 2018 — Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. — 2018. — №2. — С. 195-203.
- 49.Завьялова 2002 — Завьялова О.С. Функции генеретивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2002. — 228 с.
- 50.Звегинцев 2008 — Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / Предисл. В.М. Алпатова. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 336 с.
- 51.Зиновьев 2006 — Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: ЭКСМО, 2006. — 443 с.
- 52.Золотова 1996 — Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык и творчество. Сборник научных трудов к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. — С. 284-296.
- 53.Золотова 2001 — Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1 (1). — С. 107-113.

- 54.Золотова 2005 — Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 2-е, испр. — М.: КомКнига, 2005. — 352 с.
- 55.Золотова 2006 — Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 4-е, испр. — М.: КомКнига, 2006. — 368 с.
- 56.Золотова 2007 — Золотова Г.А. О «коммуникативной грамматике» и ее возможностях. // Gramatyka a tekst. — Katowice: Oficyna Wydawnicza WW. — 2007. — S. 7-19.
- 57.Золотова, Онипенко, Дручинина 2002 — Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Дручинина Г.П. Русский язык. От системы к тексту. 10 класс: Учебное пособие для факультативных занятий в общеобразовательных учреждениях гуманитарного профиля. — М.: Дрофа, 2002. — 320 с.
- 58.Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. — 544 с.
- 59.Зотов 2006 — Зотов А.Ф. Роль феноменологии в организации междисциплинарных исследований // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. — М.: ИИнтелЛ, 2006. — С. 22-31.
- 60.Иванов 2002 — Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 96 с.
- 61.Искусственный интеллект 1990 — Искусственный интеллект [Текст]: в 3 кн. / Под ред. Э.В. Попова, В.Ф. Хорошевского. — М.: Радио и связь, 1990. — Кн. 1. Системы общения и экспертные системы: справочник. — 1990. — 464 с.
- 62.Иссерс 2003 — Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: УРСС, 2003. — 284 с.
- 63.Каменева 2009а — Каменева В.А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материале советской прессы): монография. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2009. — 148 с.

64. Каменева 2009b — Каменева В.А. Тендер, раса или лингвистический аспект воспроизводства власти // Вестник ЧелГУ. — 2009. — №43. — С.73-77.
65. Карасик 2002 — Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — С.166-205.
66. Караулов 2010 — Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
67. Касьянова 2006 — Касьянова Л.Ю. Векторы неологизации в современном русском языке: монография. — Астрахань: Астраханский университет, 2006. — 148 с.
68. Клейменова 2011 — Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2011. — №143. — С. 94-102.
69. Клементьева 2022a — Клементьева А.А. К вопросу о функционировании термина искусственный интеллект в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. — 2022. — №4. — С. 14-23.
70. Клементьева 2022b — Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // Филология и человек. — 2022. — №4. — С. 59-72.
71. Клементьева 2023a — Клементьева А.А. Неологизмы в публицистическом дискурсе о виртуальной реальности // МНКО. — 2023. — №2 (99). — С. 512-515.
72. Клементьева 2023b — Клементьева А.А. Языковая реализация коммуникативных намерений противников, адептов и разработчиков искусственного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2023. — №6. — С. 157-167.
73. Кодекс 2021 — Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. — М., 2021. — 19 с. URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 08.08.2023)

- 74.Козловская, Павлова 2023 — Козловская Н.В., Павлова А.С. Смарт-/smart- vs умный в тексте и словаре // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2023. — №1 (6). — С. 8-21.
- 75.Кожин 1982 — Кожин А.Н и др. Функциональные типы русской речи: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. — М.: Высшая Школа 1982. — 223 с.
- 76.Кожина 1983 — Кожина М.Н. Стилистика русского языка: [учебник для пед.инст.по спец. «Руссий язык или литература] / М.Н. Кожина. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1983. — 223 с.
- 77.Кормилицына 2008 — Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научн. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. — С. 13-33.
- 78.Кохановский 2008 — Кохановский В.П. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский [и др.]. Изд. 6-е. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. — 603 с.
- 79.Кочетова, Попов 2019 — Кочетова Л.А., Попов В.В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. — 2019. — №6. —С. 32-49.
- 80.Кравченко 2019 — Кравченко А.И. Конвергентные технологии и междисциплинарность нового типа // Мировая наука. — 2019. — №1. — С. 165-171.
- 81.Кройчик 2000 — Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. — СПб.: Общество «Знание», 2000. — С. 125-167.
- 82.Кубрякова 1995 — Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистический идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. — С. 144-258.

83. Кузнецов 1997 — Кузнецов М.М. Виртуальная реальность: взгляд с точки зрения философа // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. — М., 1997. — С. 86-99.
84. Лазутин 2018 — Лазутин А.А. Воля и волеизъявление законодателя в процессе толкования норм права // Право и современные государства. — 2018. — №6. — С. 28-34.
85. Ламетри 1983 — Ламетри Ж. Человек-машина. / Сочинения. — М.: Мысль, 1983. — С. 169-226.
86. Лащук 2008 — Лащук О.Р. Композиционные особенности информационных текстов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2008. — №4. — С. 83-92.
87. Леонов, Пронин 2023 — Леонов А.В., Пронин А.Ю. Новая парадигма искусственного интеллекта // Компетентность. — 2023. — № 2. — С. 37-46.
88. Локк 1985 — Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 1. / Под ред. И.С. Нарского и А.Л. Субботина; пер. с англ. А. Н. Савина. — М.: Мысль, 1985. — 621 с.
89. Лосев 1993 — Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.
90. Макконелл 2005 — Макконнелл С. Совершенный код. Мастер-класс / Пер. с англ. — М.: Русская редакция; СПб.: Питер, 2005. — 896 с.
91. Мартынов 2012 — Мартынов Д.Е. Русское поле утопий: обзор начала XXI века // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — №4 (9). — С. 85-93.
92. Месеяшина 1996 — Месеяшина Л.А. Деловой стиль [текст] // Русский язык для делового общения. / Под ред. Л.А. Месеяшиной. — Челябинск: Челяб. гос. университет, 1996. — С. 9-73.
93. Микешина 2012 — Микешина Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // Epistemology & Philosophy of Science. — 2012. — №2. — С. 34-49.

94. Микешина 2016 — Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 463 с.
95. Мосунова, Митягина, Ананин 2022 — Мосунова Л.А., Митягина Е.В., Ананин П.В. Автоматическое извлечение ценностно-смысловых компонентов культурного кода из корпуса читательских отзывов. — 2022. — №5. — С. 17-24.
96. Муравьева 2008 — Муравьева Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2008. — 28 с.
97. Никитина 2008 — Никитина Е.Н. Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2008. — 365 с.
98. Новиков 2007 — Новиков К.Ю. Психология массовой коммуникации: Механизмы. Практика. Ошибки. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 123 с.
99. Огурцов 2006 — Огурцов В.А. Возможности и трудности в моделировании интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. подход / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. — М.: ИИнтелЛ, 2006. — С. 32-48.
100. Онипенко 2001 — Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. — 2001. — №2. — С. 107-121.
101. Онипенко 2002 — Онипенко Н.К. Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. / Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 178-189.
102. Онипенко 2012 — Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки //

- Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. — М.: Издательство МГОУ, 2012. — С. 383-389.
103. Онипенко 2019 — Онипенко Н.К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка: монография. — М.: МГПУ, 2019. — 304 с.
104. Орфеев, Тюхтин 1978 — Орфеев Ю.В., Тюхтин В.С. Мышление человека и искусственный интеллект. — М.: Мысль, 1978. — 152 с.
105. Осипов 2001 — Осипов Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Новости искусственного интеллекта. — 2001. — №1. — С. 11-27.
106. Павлов 1999 — Павлов И.П. Pro et contra. — М.: РХГА, 1999. — 800 с.
107. Падучева 2016 — Падучева Е.В. Модальность (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
108. Панасюк 2008 — Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. — М.: Омега-Л, 2008. — 266 с.
109. Петрова 2005 — Петрова Т.А. Лингвокультурологический аспект официально-делового дискурса: На материале документации учреждений сферы образования Уральского региона: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Челябинск, 2005. — 261 с.
110. Петрунин 2001 — Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.2. — М., 2001. — С. 159-160.
111. Петрухина 2019а — Петрухина Е.В. Игры с реальностью: когнитивно-дискурсивный анализ неологизмов постреальность, гиперреальность, сверхреальность, суперреальность, трансреальность// Когнитивные исследования языка. — 2019 — Т. 37. — С. 100-106.
112. Петрухина 2019б — Петрухина Е. В. Интернациональные префиксы как когнитивные проводники новых воззрений. // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Т. 36. — С. 311-320.

113. Подопригора 2019 — Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума. Социум и власть. — 2019. — №1. — С. 7-20.
114. Попов, Ющенко 1984 — Попов Е.П., Ющенко А.С. Роботы и человек. — М.: Наука, 1984. — 112 с.
115. Проблемы функциональной грамматики 2005 — Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. — СПб.: Наука, 2005. — 480 с.
116. Рассел, Норвиг 2020 — Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход, 2-е изд.: Пер. с англ. — СПб.: ООО «Диалектика», 2020. — 1408 с.
117. Роговнева 2016 — Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2016. — 203 с.
118. Рождественский 1979 — Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию [текст] / Ю.В. Рождественский. — М.: Высшая школа, 1979. — 224 с.
119. Ростова 2018 — Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. — 2018. — №6. — С. 130-138.
120. Рорти 1991 — Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. — М.: Наука, 1991. — С. 121-132.
121. Роуз 1995 — Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию: Пер с англ. — М: Мир., 1995. — 384 с.
122. Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I, II. — М.: Наука, 1980.
123. Садовникова 2021 — Садовникова О.Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях: на материале русского и катаяского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Иркутск, 2021. — 170 с.

124. Серио 1999 — Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. — С. 337-384.
125. Сидорова 2000 — Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. — М., 2000. — 485 с.
126. Сидорова 2001 — Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Центр М, 2001 — 400 с.
127. Сидорова 2014 — Сидорова М.Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Gramatyka a text. — Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2014. — S. 7-30.
128. Сидорова 2016 — Сидорова М.Ю. Грамматические правила и коммуникативно-функциональный подход // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. — С. 137-144.
129. Сидорова 2022 — Сидорова М.Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» // Филология и человек. — 2022. — №2. — С.19-37.
130. Сидорова, Шматко 2019 — Сидорова М.Ю., Шматко А.С. От «Лексического минимума» к «Лексико-грамматической основе»: новый подход к представлению языка предметной области // Мир русского слова. — 2019. — №3. — С. 83–91.
131. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. — М.: Физматлит, 2004. — 208 с.
132. Соколова 2015 — Соколова С.Н. О некоторых задачах философии в контексте перспектив технологизации человека // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2015. — №1. — С. 19-30.
133. Соловьева 2018 — Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. — 2018. — №12 (56). — С. 40-43.

134. Стрельников, Вохминцев, Каткова, Ушакова 2022 — Стрельников С.С., Вохминцев А.П., Каткова А.Л., Ушакова О.М. Искусственный интеллект в медицине: соотношение обыденного и профессионального понимания // Проблемы современного образования. — 2022. — № 6. — С. 55–69.
135. Стырина, Мартиросян 2021 — Стырина Е.В., Мартиросян А.А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — №19(1). — С. 92-105.
136. Суворов 2006 — Суворов В.В. Интеллект и креативность в постнеклассической науке. «Интеллект неискусственный». — М.: Издательство МГУ, 2006. — 374 С.
137. Теория метафоры 1990 — Теория метафоры. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М., 1990. — 512 с.
138. Теория функциональной грамматики 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
139. Тестелец 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. — М.: Издательство РГГУ, 2001. — 798 с.
140. Трошкина 2003 — Трошкина Т.П. Словообразовательные средства создания оценочности в языке СМИ / Т.П.Трошкина // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 1.—Казань: Издательство Казанского университета, 2003. — С. 102-104.
141. Троянская 1984 — Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. — М.: Наука, 1984. — С. 16-27.
142. Тьюринг 2009 — Тьюринг А.М. Может ли машина мыслить? — М.: ГИФМЛ, 1960. — 111 с.

143. Уржа 2009 — Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. — М.: Спутник, 2009. — 293 с.
144. Уржа 2014 — Уржа А.В. Модусная семантика и ее вербализация в тексте. — М.: МАКС Пресс, 2014. — 36 с.
145. Хоружий 2008 — Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. — 2008. — №2. — С. 10-31.
146. Чернейко 2011 — Чернейко Л.О. М.В. Ломоносов и язык науки // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2011.— № 6. — С. 3-14.
147. Чернейко 2019 — Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. — 2019. — № 2. — С. 158-170.
148. Чернейко 2021 — Чернейко Л.О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация. — М.: МАКС Пресс, 2021. — Т. 63. — С. 40-61.
149. Чернышева 2014 — Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект) [Текст]: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. — Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014. — 166 с.
150. Чумирина 2005 — Чумирина В.Е. Тактические приемы моделирования пространства в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2005. — 176 с.
151. Шмелева 1984 — Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 78-100.
152. Шмид 2003 — Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
153. Эко 2002 — Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. — Спб.: Симпозиум, 2002. — 285 с.

154. Эко 2016 — Эко У. Как я пишу // О литературе: эссе / Умберто Эко; пер. с ит. С. Сидневой — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. — 416 с.
155. Эндрю 1985 — Эндрю А. Искусственный интеллект: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Д.А. Пospelова. — М.: Мир, 1985. — 264 с.
156. Якобсон 1975 — Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 193-230.
157. Ясницкий 2005 — Ясницкий Л.Н. Введение в искусственный интеллект: Учебное пособие для студ. высш. учебных заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 176 с.
158. Chesher 1998 — Chesher C. Colonising Virtual Reality. Construction of the Discourse of Virtual Reality, 1984-1992 // Cultronix. — 1998. — Vol. 1, No. 1 URL: <http://xroads.virginia.edu/~DRBR/chesher>
159. Halliday 1964 — Halliday M.A.K. Comparison and translation // Halliday M.A.K., McIntosh M., Strevens P. The linguistic sciences and language teaching. — London: Longman, 1964. — P. 111–134.
160. Halliday 1974 — Halliday M.A.K. The place of «Functional Sentence Perspective» in the System of Linguistic Description // Papers on functional sentence perspective. — Prague, 1974.
161. Kellermann 1992 — Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // Communication Monographs. — 1992. — V. 59. — P. 288-300. URL: <https://kkcomcon.com/doc/KCommStrAuto.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).
162. Quine 1977 — Quine W. O. Natural kinds. // Naming, necessity, and natural kinds. — Ithaca-London, 1977.
163. Teun van Dijk 1975 — Teun A. van Dijk. Action, Action Description and Narrative // New literary history 6. — 1975. — P. 273-294.
164. Turing 1950 — Turing A. Computing Machinery and Intelligence. Mind, 59. — P. 433-460.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка 2017 — Активный словарь русского языка. Т. 3. / Редакторы тома: В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б.Л. Иомдин; Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — 768 с.
2. БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 7. — СПб.: Наука, 2007. — 731 с.
3. Золотова 1988 — Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М.: Наука, 1988. — 440 с.
4. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 683 с.
5. МАС — Словарь русского языка [МАС]: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.
6. Новая философская энциклопедия 2001 — Форман И.П. Образ // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 2001. — 694 с.
7. Новый объяснительный словарь 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2003. — 1488 с.
8. Психологический словарь 2004 — Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. — М.: АСТ, 2004. — 479 с.
9. Толковый словарь по искусственному интеллекту 1992 — Толковый словарь по искусственному интеллекту / Авторы-составители А.Н. Аверкин, М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Научные тексты

1. Андриянов 2022 — Андриянов И.А. Искусственный интеллект как инструмент цифровизации таможенных органов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — №7. — С. 6-10.
2. Балалаева 2022 — Балалаева Ю.С. К вопросу о презумпции опасности искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2022. — №2 (58). — С. 177-182.
3. Баринов 2022 — Баринов В.И. «Цифровой кентавр»: реалии техногенной культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. — 2022. — №2 (45). — С. 92-99.
4. Баринов и др. 2020 — Баринов В.Н., Попова О.А., Смирнова Е.Н., Мосиенко А.В. Практические аспекты инновационного развития на пути к интеллектуальной экономике будущего // Организатор производства. — 2020. — №4. — С. 103-111.
5. Белоногова 2018 — Белоногова Е.И. Основные проблемы управления развитием персонала в условиях цифровой экономики // Вестник науки и образования. — 2018. — №13 (49). — С. 63-65.
6. Березина и др. 2023 — Березина А.О., Майданов Н.А., Сашина А.Д. Анализ инновационных средств как усовершенствование аэропонной фермы // Вестник ПензГУ. — 2023. — №1 (41). — С. 86-92.
7. Блинникова, Ёинг 2020 — Блинникова А.В., Ёинг Д.К. Использование искусственного интеллекта в процессах управления человеческими ресурсами // Вестник ГУУ. — 2020. — №7. — С. 14-21.
8. Гусаков 2021 — Гусаков В.Г. Искусственный и человеческий интеллект: что лучше? // Наука и инновации. — 2021. — №5 (219). — С. 3-13.
9. Елистратова, Киселева 2016 — Елистратова А.А., Киселева Д.С. Применение искусственного интеллекта в системах, имитирующих творческие процессы

- // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2016. — №12. — С. 46-48.
10. Елшанский 2021 — Елшанский С.П. Школа будущего: может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения? // Вестник Томского гос. университета. — 2021. — №462. — С. 192-201.
  11. Емцев 2016 — Емцев Д.И. Искусственный интеллект, плюсы и минусы // Экономика и социум. — 2016. — №8 (27). — С. 485-487.
  12. Ермакова, Ковязин 2020 — Ермакова С.Э., Ковязин И.Е. Основные аспекты роботизации бизнес-процессов в сфере услуг здравоохранения // Вопросы инновационной экономики. — 2020. — №1. — С. 433-448.
  13. Жандарова, Денисенко 2022 — Жандарова А.А., Денисенко Е.В. Предпосылки развития технологий в бионаправленной архитектуре // АМІТ. — 2022. — №4 (61). — С. 28-43.
  14. Забокрицкая, Орешкина 2021 — Забокрицкая Л.Д., Орешкина Т.А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // Вестник Института социологии. — 2021. — №2. — С. 175-193.
  15. Иоселиани 2019 — Иоселиани А.Д. "искусственный интеллект" vs человеческий разум // Манускрипт. — 2019. — №4. — С. 102-107.
  16. Иоселиани, Цхадзе 2019 — Иоселиани А.Д., Цхададзе Н.В. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2019. — №2. — С. 196-202.
  17. Исламов 2020 — Исламов Р.С. Искусственный интеллект в информационно-коммуникационных технологиях и его влияние на обучение иностранному языку в высшей школе // Филологические науки. — Вопросы теории и практики. — 2020. — №12. — С. 300-305.
  18. Климович 2021 — Климович А.П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым левиафаном // Мониторинг. — 2021. — №1. — С. 154-170.

- 19.Куделя 2021 — Куделя Л.В. Искусственный интеллект как залог лидерства в бизнесе и предпринимательстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2021. — №4-1. — С. 471-474.
- 20.Мажей, Свищёв 2021 — Мажей Я.В., Свищёв А.В. Этика искусственного интеллекта // E-Scio. — 2021. — №11 (62). — С. 460-468.
- 21.Малинина 2018 — Малинина Т.Б. Человек в цифровую эпоху // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — 2018. — №4 (34). — С. 146-156.
- 22.Мамедова 2021 — Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. — 2021. — №3. — С. 74-85.
- 23.Мишин, Шилько 2017 — Мишин Ю.Д., Шилько Ю.Э. Технический фактор и его положение в системе вузовского образования // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. — 2017. — №1. — С. 60-66.
- 24.Морхат 2018 — Морхат П.М. Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд // Юридические исследования. — 2018. — №5. — С. 1-6.
- 25.Никифоров 2021 — Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник РУДН. Серия: Философия. — 2023. — №1. — С. 123-137.
- 26.Певцова 2020 — Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. — 2020. — №9. — С. 19-31.
- 27.Пороховский 2021 — Пороховский А.А. Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики // ЭВР. — 2021. — №1 (67). — С. 39-47.
- 28.Резникова и др. 2022 — Резникова О.С., Цыганкова И.В., Шаповалова И.М. Цифровизация трудовых процессов и их влияние на экономическую безопасность // Известия СПбГЭУ. — 2022. — №5-2 (137). — С. 107-112.
- 29.Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. 2020 — Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. Искусственный интеллект как элемент цифрового отношения // Юридические исследования. — 2022. — №8. — С. 1-11.

- 30.Соболев, Потапова 2020 — Соболев И.В., Потапова Е.А. Проблема возможности искусственного интеллекта с точки зрения психологической науки // Коллекция гуманитарных исследований. — 2022. — №2 (31). — С. 51-57.
- 31.Солдатова, Войскуновский 2021 — Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. — 2021. — №3. — С. 431-450.
- 32.Соменков 2019 — Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. — 2019. — №2 (54). — С. 75-85.
- 33.Уджуху, Мешвез 2021 — Уджуху И.А., Мешвез Р.К. Электронное обучение в вузе как новая образовательная парадигма // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2021. — №1. — С. 73-79.
- 34.Фершт и др. 2020 — Фершт В. М., Латкин А. П., Иванова В.Н. Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. — 2020. — №1. — С.121-130.
- 35.Чекулаев, Цырульников 2020 — Чекулаев С.С., Цырульников М.К. Робот как субъект гражданско-правовых отношений // Закон и право. — 2020. — №5. — С. 43-46.
- 36.Чжан Чжэнчи, Ян Мэнсюэ 2022 — Чжан Чжэнчи, Ян Мэнсюэ. Стратегия работы международного бизнеса на рынке труда с применением инновационных технологий // Московский экономический журнал. — 2022. — №4. — С. 550-572.
- 37.Шапиева 2021 — Шапиева Ж.М. Применение нейронной сети Nvidia Gagan в задачах ландшафтного дизайна // Форум молодых ученых. — 2021. — №8. — С. 60-63.
- 38.Шапсугова 2019 — Шапсугова М.Д. Проблемы правосубъектности электронных лиц // Право и практика. — 2019. — №1. — С. 185-188.

39. Харитонова и др. 2021 — Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — №53. — С. 488-515.
40. Ходжаева и др. 2021 — Ходжаева Д.Ф., Омонов А.А., Тугизбоев Ф.У. Проблемы, с которыми можно столкнуться при внедрении искусственного интеллекта // Наука, техника и образование. — 2021. — №5 (80). — С.23-26.

Публицистические тексты

1. В гостях у коллекционера: Ольга Ускова о том, зачем программистам абстрактное искусство // Forbes. 17.08.2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/406819-v-gostyah-u-kollekcionera-olga-uskova-o-tom-zachem-programmistam-abstraktnoe> (дата обращения: 22.02.2023).
2. В Китае издан этический кодекс для искусственного интеллекта // Let Ai be. 05.10.2021. URL: <https://letaibe.media/news/v-kitae-izdan-eticheskij-kodeks-dlya-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 07.05.2023).
3. В России появился законопроект, регулирующий отношения робота и человека // Let Ai be. 21.12.2021. URL: <https://letaibe.media/news/v-rossii-sozdan-zakonoproekt-reguliruyushhij-otnosheniya-robota-i-cheloveka/> (дата обращения: 07.05.2023).
4. Власти проведут кампанию по улучшению репутации искусственного интеллекта // РБК. 26.10.2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (дата обращения: 21.07.2023).
5. «Все умрут, включая детей» Как искусственный интеллект изменит интернет и почему этого боится даже Илон Маск // Лента.ру. 06.04.2023. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/04/06/evilgpt/> (дата обращения: 28.07.2023).
6. Выступление Анны Швабауэр о цифровизации образования в аналитическом центре при Правительстве РФ // ОУЗС. 11.03.2022. URL:

- <https://ouzs.ru/news/vystuplenie-anny-shvabauer-o-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-analiticheskom-tsentre-pri-pravitelstve-r/> (дата обращения: 19.02.2023).
7. Герман Греф и Ольга Ускова о будущем искусственного интеллекта // Cognitive Pilot. 20.03.2020 URL: https://cognitivepilot.com/blog_uskova/german-gref-i-olga-uskova-o-budushhem-v-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 03.08.2023).
  8. За два года в Москве нейросети научились распознавать 11 патологий // РБК. 21.07.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/07/2022/62d817359a79477e7f09d257 (дата обращения: 21.07.2023).
  9. Игорь Ашманов: «Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности» // Бизнес Online. 25.10.2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833> (дата обращения: 11.03.2023).
  10. Игорь Ашманов о будущем домашних роботов. Домашние роботы: накануне торнадо // Сколково. 30.03.2015. URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx> (дата обращения: 11.03.2023).
  11. Игра в имитацию: как понять искусственный интеллект? / Радио Sputnik. 29.03.2023. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230328/1861364329.html> (дата обращения: 02.04.2023).
  12. Искусственный интеллект Запада угрожает России // Взгляд. 30.03.2023. URL: <https://vz.ru/society/2023/3/30/1205163.html> (дата обращения: 28.07.2023).
  13. «Искусственный интеллект не бывает пьяным» — «мать терминаторов» Ольга Ускова // МосквичMag. 19.04.2022. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/iskusstvennyj-intellekt-ne-byvaet-pyanym-mat-terminatorov-olga-uskova/> (дата обращения: 22.02.2023).
  14. Искусственный интеллект помог ученым найти древние геоглифы в Перу. Нейросеть обнаруживает их в 21 раз быстрее, чем люди // РБКlife. 08.06.2023.

- URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6481b51c9a7947b00f310e40> (дата обращения: 24.07.2023).
15. Искусственный интеллект поможет чиновникам // Comnews. 19.06.2023.
URL: <https://www.comnews.ru/content/226845/2023-06-19/2023-w25/iskusstvennyy-intellekt-pomozhet-chinovnikam> (дата обращения: 24.07.2023).
16. Искусственный интеллект среди нас. Cognitive Pilot в тройке лидеров, Ольга Ускова. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9lPaDJnIuDw&ab_channel=CognitivePilot (дата обращения: 22.02.2023).
17. Мурашки. Ольга Ускова // Youtube.com. 29.07.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MB9QnaBSZJ4&t=175s&ab_channel=TEDxTalks (дата обращения: 22.02.2023).
18. «Нужен аудит систем ИИ»: IT-специалист — о проблемах и выгодах внедрения технологий искусственного интеллекта / RT. 30.12.2021. URL: <https://russian.rt.com/science/article/944185-ashmanov-iskusstvennyi-intellekt-intervyu> (дата обращения: 11.03.2023).
19. Ольга Ускова, глава Cognitive Pilot: будет новая гонка вооружений среди ИИ // ТАСС, 22.06.2021. URL: <https://tass.ru/interviews/11686821> (дата обращения: 22.02.2023).
20. Описаны новые возможности московского медицинского сервиса на основе ИИ // Лента.ру. 27.06.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/27/ii/> (дата обращения: 21.07.2023).
21. Сверхразум выходит из-под контроля. Ученые обеспокоены новой угрозой // РИА Новости. 03.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221003/sverkhrazum-1820584545.html> (дата обращения: 28.07.2023).
22. Учителя больше не нужны? В России нейросети проверяют школьные сочинения // Блокнот.ру. 23.12.2022. URL: <https://bloknot.ru/nauka/uchitelya-bol-she-ne-nuzhny-v-rossii-nejroseti-proveryat-shkol-ny-e-sochineniya-1033680.html> (дата обращения: 24.07.2023).

23. Целый ряд профессий скоро исчезнет: кому пора менять работу // МК.RU. 28.02.2019. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/28/celyy-ryad-professiy-skoro-ischeznet-komu-pora-menyat-rabotu.html> (дата обращения: 28.07.2023).
24. Цифровая война. На кону будущее России / Анна Швабауэр // ОУЗС. 30.03.2022. URL: <https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/> (дата обращения: 19.02.2023).
25. «Чиновника искусственный интеллект уже сейчас спокойно заменит» / Indicator. 29.05.2017. URL: <https://indicator.ru/mathematics/intervyu-cognitive-technologies.htm> (дата обращения: 03.08.2023).
26. «Эксмо» проведет презентацию с «дипфейками» Ахматовой, Булгакова и По // Годлитературы.рф. 16.11.2022. URL: <https://godliterature.ru/articles/2022/11/16/eksmo-provedet-prezentaciiu-s-dipfekami-ahmatovoj-bulgakova-i-po> (дата обращения: 07.05.2023).

Официально-деловые тексты

1. ГОСТ Р 59895-2021 — ГОСТ Р 59895-2021 Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология. — М., 2021. — 7 с. URL: <https://gostassistant.ru/doc/94098a6f-a020-4a6d-865f-84385b740eb7> (дата обращения: 10.08.2023).
2. Дорожная карта 2019 — Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». — М., 2019. — 50 с. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/> (дата обращения: 08.08.2023).
3. Кодекс 2021 — Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. — М., 2021. — 19 с. URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 08.08.2023).
4. Концепция 2020 — Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г., № 2129-р. — М., 2020. — 29 с. URL: <http://government.ru/docs/all/129505/> (дата обращения: 08.08.2023).

5. Национальная стратегия 2019 — Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. — М., 2019. — 25 с. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 08.08.2023).
6. Постановление Правительства 2020 — Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». — М., 2020. — 14 с. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002> (дата обращения: 08.08.2023).
7. Стратегия развития природоподобных технологий 2022 — Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных технологий) на период до 2030 г.». — М., 2022. — 24 с. URL: <https://base.garant.ru/56923126/> (дата обращения: 08.08.2023).
8. Стратегия цифровой трансформации 2021 — Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. — М., 2021. — 261 с. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uw_tujw.pdf (дата обращения: 10.08.2023).